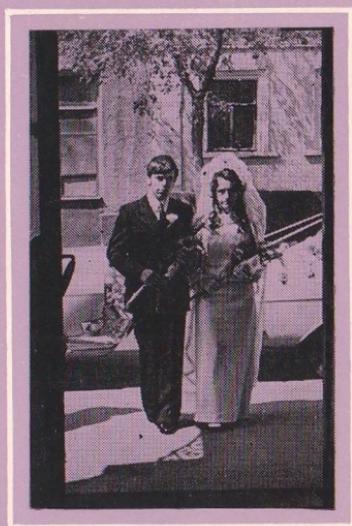

Г.В. ЖИРНОВА

БРАК И СВАДЬБА

РУССКИХ
ГОРОЖАН
В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

Г. В. ЖИРНОВА

БРАК И СВАДЬБА

РУССКИХ
ГОРОЖАН
В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДОВ
СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ РСФСР)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1980

Книга о браке и свадьбе русских горожан написана по материалам полевых экспедиционных исследований автора, сумевшего собрать большой фактический и статистический материал в городах Центральной полосы РСФСР — Калуге, Ельце, Ефремове, Козельске и др. Читатель найдет здесь много важного и интересного о брачных обычаях, существовавших у различных слоев горожан, о способах знакомства молодежи, о сватовстве, о приготовлениях к свадьбе и разного рода предсвадебных действиях, об особенностях проведения самой свадьбы в прошлом.

Ответственные редакторы

М. Г. РАБИНОВИЧ, М. Н. ШМЕЛЕВА

К ЧИТАТЕЛЯМ

Заключение брака и, в частности, формы торжественного свадебного обряда интересуют в наше время широкие круги общества. К этим проблемам часто обращаются массовая печать и художественная литература, ими заняты профсоюзные, государственные и партийные органы. Нередко вопросы брака и свадьбы обсуждаются в обычной беседе друзей и знакомых. Словом, проблема брака и свадьбы в наши дни очень актуальна; не менее актуальна, пожалуй, чем она была в прошлом.

Отсюда — важность научной разработки этой проблемы, изучения брака и свадебного обряда в их историческом развитии в сельской и городской среде. Последнее особенно важно потому, что за годы Советской власти в нашей стране значительно усилился рост городов. Урбанизация самых различных сторон народной жизни и специфика семейно-брачных отношений, развитие семейных и в том числе свадебного обрядов у жителей больших и малых городов и промышленных поселков требуют глубокого, всестороннего изучения и помощи со стороны этнографической науки в создании новых, безрелигиозных обрядов. Если браку и свадьбе сельского населения посвящено довольно много научных исследований, то соответствующие обряды горожан вызывали прежде гораздо меньший интерес, о них мы найдем в научной литературе лишь несколько статей и не найдем ни одной книги.

Приступая к этнографическому изучению городов, советские исследователи отчетливо сознавали этот значительный пробел. И уже в первых монографиях о городах (в частности, о Нижнем Тагиле) были со всей серьезностью поставлены проблемы семьи и брака у горожан.

При изучении специальной экспедицией Института этнографии АН СССР городов средней полосы РСФСР проблема брака и свадьбы была выделена отдельно. Результаты этих исследований не были включены в вышедшую в 1977 г. книгу Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой «Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем». Им посвящена предлагаемая сейчас читателю книга Г. В. Жирновой. Мы выпускаем ее с некоторым запозданием, вызванным длительной болезнью и смертью автора.

О покойном авторе этой книги Галине Васильевне Жирновой нужно сказать несколько слов. Путь Г. В. Жирновой в этнографической науке был очень краток, но ярок и чрезвычайно типичен для советского ученого: от первого до последнего шага она прошла этот путь в дружном коллективе научных работников, в котором сложилась и развилась как исследователь.

Г. В. Жирнова родилась в 1941 г., за четыре месяца до нападения гитлеровцев на нашу страну, и вскоре потеряла обоих родителей. Сироту удочерила и воспитала простая рабочая семья. Вскоре после окончания школы, восемнадцатилетней девушкой, Г. В. Жирнова пришла в Институт этнографии Академии наук СССР, где и проработала без малого двадцать лет — всю остальную свою жизнь. Не прерывая работы, она окончила (по кафедре этнографии) исторический факультет Московского университета, а позже — и аспирантуру Института этнографии. Живой научный интерес и яркие способности молодого сотрудника проявились еще в работе в комплексной экспедиции по изучению современных этнических процессов в СССР и в особенности — в работе экспедиции по изучению городов средней полосы РСФСР. Уже очень рано интересы ее сконцентрировались на проблемах семьи и брака у русских. С поразительной целеустремленностью Г. В. Жирнова работала по избранной ею теме и вскоре после окончания университета так хорошо зарекомендовала себя, что при изучении городов ей был поручен именно этот раздел — брачные и свадебные обычаи и обряды. Занимаясь этой темой, Г. В. Жирнова совместно с Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой разработала обширную программу и провела в городах Калуге, Ельце, Ефремове, Козельске анкетное обследование различных групп горожан, материалы которого были затем обработаны машинным способом. Значительную роль сыграл и традиционный для этнографической науки метод непосредственного наблюдения, много внимания уделялось работе с информаторами.

Желая показать проблему заключения брака и свадьбы в ее историческом развитии, Г. В. Жирнова тщательно изучила архивы Калужской, Тульской и Рязанской областей, Научный архив Географического общества СССР. Для сравнения она обращалась и к древним источникам, и к статистическим материалам, и, разумеется, к научной литературе вопроса.

Первые результаты появились в нескольких научных статьях, на которые в предлагаемой книге даются ссылки; последняя, наиболее обширная из них — «Некоторые проблемы и итоги изучения свадебного ритуала в русском городе середины XIX — начала XX в. (на примере малых и средних городов РСФСР)» — вышла в свет уже после смерти автора.

Не ограничиваясь теоретическими исследованиями, Г. В. Жирнова принимала живое участие в создании новых, безрелигиозных семейных обрядов, работая в тесном контакте с практическими работниками, занимающимися этой проблемой.

Г. В. Жирнова скончалась в 1977 г., не успев закончить большую работу, которая, без преувеличения, была главным делом ее жизни. Уже безнадежно больная, сознавая близость конца, она из последних сил старалась как-то дополнить и завершить свой труд.

Однако в полной мере ей этого сделать не удалось. И не только потому, что помешала смертельная болезнь. В процессе работы выявились многие новые обстоятельства, заставлявшие изменить первоначальный замысел, расширить рамки исследования. Книга первоначально была задумана значительно уже — как «Городской свадебный обряд». Исследование показало, что о каком-то особом, специально городском обряде, резко отличном от сельского, говорить нельзя. Перед нами варианты единого народного обряда, развивающиеся в условиях села или города. Более того, при ярко выраженной общей народной основе свадебный обряд в городе в свою очередь значительно варьирует у разных социально-профессиональных групп. Все эти разновидности свадебного обряда находятся в постоянном взаимодействии и оказывают друг на друга значительное влияние. Это важное явление выходит далеко за рамки простого подражания простонародья социальной верхушке или крестьян — горожанам. Пути взаимосвязей и взаимовлияний были весьма сложными.

Изучать свадебный обряд можно только в тесной связи с гораздо более широкой проблемой семьи и брака вообще. Не случайно поэтому значительная часть работы Г. В. Жирновой посвящена не столько собственно свадьбе, сколько заключению брака. Автор глубоко изучил и такие вопросы, как выбор супруга, способы знакомств, формы заключения брака.

Тема книги и охваченный ею материал оказались значительно шире, чем было первоначально задумано. Так родилось уже после смерти автора новое заглавие книги — «Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем». С другой стороны, автор не успел выполнить многое из того, что было задумано. Осталось, в частности, ненаписанным заключение второй главы, где должны были быть сформулированы выводы о современном состоянии брака и свадьбы. В меру возможности это сделано в данной книге М. Н. Шмелевой.

Не вполне завершенная работа Г. В. Жирновой имеет тем не менее серьезное значение как для изучения брака и свадьбы, так и для изучения этнографии города в целом. В процессе исследования автор пришел к определенным мыслям, дальнейшая разработка которых очень важна. Среди них — мысль о специфике свадебной обрядности у различных социально-профессиональных групп городского населения, о взаимосвязях в этой области между селом и городом и др. В предлагаемой книге содержатся важный фактический материал и выводы, полезные для тех, кто будет продолжать работу в этой области.

Подготавливая к печати труд покойного исследователя, мы не

могли, разумеется, оставить его совершенно неприкосновенным. Мы старались придать имеющемуся тексту большую четкость и стройность, ввели некоторые необходимые пояснения, пользуясь для этого редакционными примечаниями. Из собранного и обработанного автором обильного цифрового материала в книгу включили лишь наиболее убедительный и доходчивый, опубликовав в приложении таблицы, посвященные в основном современному состоянию брака и свадьбы у жителей изучаемых городов.

К сожалению, подготовленные автором иллюстрации уже устарели, и от них тоже пришлось отказаться.

Мы стремились сохранить присущие стилю автора живую и образную манеру подачи фактического материала, сочный и увлекательный язык.

Книга рассчитана как на научных работников: историков, социологов, этнографов, на учащихся гуманитарных вузов, так и на практических работников, занимающихся разработкой и внедрением современных обрядов.

М. Г. Рабинович, М. Н. Шмелева

ВВЕДЕНИЕ

Брак и свадебные обычаи и обряды русского народа изучаются более ста лет. За это время ученые много сделали, собирая разнородный материал по этой теме и разрабатывая отдельные ее вопросы. В дореволюционной и советской литературе имеются обстоятельные работы, множество статей и журнальных очерков, посвященных главным образом крестьянской свадьбе. И все-таки, несмотря на обилие накопленного материала, пока еще нет монографического исследования, характеризующего русскую свадьбу в ее специфике и локальных вариантах и в особенности — брак¹. Не выявлены и теоретически не обоснованы причины и закономерности возникновения локальных особенностей в свадебном обряде различных групп русского этноса. При этом нет необходимой ясности и в вопросе, какие же все-таки обрядовые компоненты свадьбы следует считать локально дифференцирующими². До сих пор отсутствует целостная сравнительная характеристика свадебного обряда в социально-классовом отношении.

Исследование такого рода предполагает привлечение материалов по брачным и, в частности, свадебным традициям городского населения. Однако в связи с тем, что долгое время внимание этнографов было обращено преимущественно на традиционные формы крестьянской культуры, свадебные обычаи и обряды горожан не только не изучались, но и описывались крайне мало.

В научной литературе прошлого века нет ни одного специального исследования о русской городской свадьбе, отсутствует и сколько-нибудь полное ее описание, если не считать кратких, главным образом беллетризованных публикаций, встречающихся в различного рода журнальных изданиях.

В дореволюционной (дворянской и буржуазной) этнографии не разрабатывалась в достаточной мере также научная методика собирания сведений о браке и свадебных обрядах в городах. Составленная в 1897 г. В. Н. Тенишевым «Программа этнографических сведений о городских жителях образованного класса»³, впервые включавшая целый ряд вопросов, направленных на выявление семейно-брачных отношений и свадебных обрядов в русских городах, не была реализована. Систематического накопления материалов по данному вопросу не происходило. И все же,

несмотря на это, в архивные⁴ и музейные фонды понало немало ценных и редких сведений, проливающих свет на различные стороны изучаемой проблемы. Как уже говорилось, до недавнего времени этот материал не привлекал внимания исследователей.

В советской науке лишь в последние годы в связи с развернувшимся изучением культуры и быта городского населения стали разрабатываться вопросы свадебной обрядности у горожан. Появившиеся публикации отражают некоторые результаты изучения дореволюционного городского свадебного цикла, а также его современное состояние⁵. Однако проблема в целом, во всем ее сложном многообразии остается до конца не решенной. Между тем городская свадьба, так же как и крестьянская, представляет значительный интерес с точки зрения общетеоретических вопросов этнографической науки. Характерной особенностью ее исторической эволюции является то, что новое не всегда и не сразу вытесняло старое, а наслаивалось, переплеталось, сосуществовало с ранее возникшими и устоявшимися в быту обычаями и обрядами. В результате этой специфики в свадебном обрядовом комплексе соединились, хотя и в трансформированном виде, напластования различных исторических эпох, многогранно отразившие социальные, правовые, религиозные представления, этические нормы и эстетические воззрения народа, а также быт и семейно-брачные отношения.

Свадьба в городе — важный элемент духовной культуры; при более сложном социальном и этническом составе городского населения она является показателем взаимовлияния этнических и социальных групп. Все это позволяет исследователям рассматривать свадебный обряд как своеобразный историко-этнографический документ, дающий материал по истории быта народа. В связи с этим всестороннее изучение обычаев и обрядов городского населения нам представляется чрезвычайно важным, так как оно не только дает возможность выявить специфику культурно-бытовых традиций горожан, но и позволит в более полном объеме увидеть и правильно оценить национальные особенности традиционной-бытовой культуры народа в целом.

Определение исторической типологии городского свадебного ритуала, выявление в нем общих и специфических черт традиционной свадебной обрядности, установление степени бытования их в различной социальной среде, а также выделение общегородских и локальных особенностей помогут яснее представить этническую принадлежность городского населения, помогут правильно представить процесс социально-бытовой дифференциации и интеграции в городе в прошлом и настоящем. Кроме того, изучение современной городской свадьбы интересно не только в историко-этнографическом плане: оно позволяет глубже проникнуть в сущность социальной психологии городского населения, что в свою очередь дает возможность понять, какую же роль играет социально-культурная и социально-психологическая ориентация в

становлении общенациональной модели современного свадебного ритуала. Это само по себе имеет большое практическое значение в связи с работой по созданию советской свадебной обрядности, которая в последние десятилетия особенно активно проводится в нашей стране ⁶.

Основными объектами для исследования свадебного обряда горожан выбраны города Калуга, Козельск (Калужская обл.), Елец (Липецкая обл.), Ефремов (Тульская обл.). В этих городах автор работал с 1965 по 1975 г. в составе экспедиции, организованной восточнославянским сектором Института этнографии АН СССР под руководством Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой. В программу исследования входило изучение материальной и духовной культуры городского населения и, в частности, изучение свадебных обрядов горожан. Не останавливаясь подробно на характеристике этих городов ⁷, отметим лишь, что выбранные города по числу жителей и по занимаемой территории относятся к типу малых и средних городов средней полосы России.

Эти русские города имеют давно сложившийся культурно-бытовой уклад. Для них характерно то, что в предреволюционные годы, являясь местными торговыми центрами, они были тесно связаны со своей сельской округой, традиции которой влияли на различные стороны культурной жизни отдельных социальных групп города. Названные города расположены в области расселения южнорусской этнографической группы русского народа, которая, как известно, отличается от северорусской группы языковыми и культурно-бытовыми особенностями. Поэтому при изучении свадебного обряда у городского населения важно будет, учитывая специфику традиционной сельской свадьбы в данном районе, определить место сельских традиций в свадебном обряде различных социальных слоев городского населения.

Источники для изучения свадебных обычаев и обрядов горожан разнообразны: нами привлечен литературный, архивный и полевой этнографический и статистический материал, позволяющий сделать попытку обобщения сведений о характере семейно-брачных отношений и свадебных традициях в различных социально-сословных группах дореволюционного города.

Как уже отмечалось, в дореволюционной литературе нет достаточных сведений о свадебном обряде русского городского населения, а потому для нас оказалась весьма полезной также купеческая и дворянская мемуарная литература XIX в. Мемуарное наследие, оставленное купечеством и дворянством, является историческим памятником с ярким социально-бытовым содержанием ⁸. В мемуарах отразилась не только хозяйственная и деловая жизнь этих сословий, но и домашний быт, семейный уклад с его традициями, нравами, обычаями и обрядами, в том числе и свадебными.

Для выявления соотношения в свадьбе горожан элементов крестьянских и городских свадебных традиций нами привлекают-

ся работы дореволюционных и советских авторов, посвященные крестьянским свадебным обрядам и свадебному фольклору. Обращаемся мы и к различным изобразительным материалам, т. е. рисункам, гравюрам, картинам, отражающим различные стороны интересующей нас проблемы. Среди них особого внимания заслуживает лубок «Русские народные картинки», в сюжетах которых нашли отражение некоторые моменты городских свадебных действий; лубочные картинки в XIX в. имели широкое распространение в крестьянском и мещанском быту⁹.

В работе также используются материалы, хранящиеся в различных архивах и дающие представление о свадебных обрядах и свадебном фольклоре. Материалы эти касаются главным образом крестьянского населения¹⁰, однако в архивных фондах имеются сведения и о свадебных обрядах отдельных групп горожан. Так, в Архиве Географического общества мы находим записи свадебных обычаев и обрядов по 11 городам Калужской, Тульской и Орловской губерний, а также по 13 городам соседних с ними губерний — Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской. Привлечение этих материалов позволяет не только полнее нарисовать картину дореволюционного свадебного обряда городского населения в районе изучения, но и представить его на более широкой территории.

Особого внимания заслуживают ответы на программу, разосланную Русским географическим обществом в 1848 г. В этой обширной программе были пункты, посвященные браку и свадьбе¹¹. Использование богатейших архивных материалов по дореволюционным крестьянским свадебным обрядам и свадебному фольклору помогает выявить специфику обряда у городского населения, а также определить его локальные особенности.

Трудно переоценить значение так называемых актовых материалов, выявленных нами в фондах государственных архивов изучаемых областей: брачных контрактов, росписей приданого и т. п.

Юридические брачные акты, контракты, жалобы, судебные супружеские разбирательства, завещания, договорные о росписи приданого, книги брачных «обысков» и другие документы, хранящиеся в делах Духовной консистории, дают возможность разобраться в важных вопросах брака, понять особенности семейно-брачных отношений у различных социально-сословных групп города. Для выяснения социальной и возрастной характеристики браков горожан мы используем (в качестве примера) материалы метрических книг по г. Ефремову, дающие интересные сведения о соотношении браков по сословиям и возрасту женихов и невест в конце XIX — начале XX в. (с 1877 по 1918 г.).

Важная роль в нашей работе принадлежит полевым исследованиям. В результате стационарного изучения культуры и быта в городах был собран оригинальный полевой материал, освещающий свадебный обрядовый цикл у различных социально-сослов-

ных групп дореволюционного города. Получены также многочисленные данные о развитии свадебных традиций в советском городе. Для того чтобы получить ответ на некоторые вопросы, связанные с современным состоянием свадьбы и особенностями семейно-брачных отношений, пришлось привлечь количественные данные, которые мы получили, проведя через ЗАГСы специальную анкету среди лиц, вступающих в брак. Анкета была составлена автором совместно с Л. А. Анохиной, М. Н. Шмелевой и В. Ю. Крупянской. Полевой материал, собранный у населения изучаемых городов, а также у жителей слобод и ближайшей сельской округи, послужил основой для нашей книги.

Указанные выше источники позволяют начать исследование обычаев и обрядов у городского населения с середины XIX в. и довести его до начала 70-х годов XX в. Этот хронологический отрезок включает две различные социально-экономические формации (капиталистическую и социалистическую), в рамках которых мы и должны будем проследить развитие свадебного обряда. Таким образом, в нашем исследовании выделяются два периода: 1-й — дореволюционный, с середины XIX в. до Великой Октябрьской революции; 2-й — советский, с 1917 по 1970 г.¹²

В предлагаемой книге нами рассматриваются брак и свадебные обряды городского населения в социальном аспекте, а также прослеживаются изменения свадебной обрядности у различных слоев городского населения в связи с социальным и культурно-бытовым развитием на протяжении более чем столетие. Исходя из этого, автор ставит перед собой следующие задачи: 1. Определить состав свадебного обрядового цикла у городского населения; 2. Выделить различные варианты в свадебном обряде, обусловленные социальной неоднородностью городского населения в прошлом и настоящем; 3. Проследить локальные особенности свадебного обряда в изучаемых городах; 4. Выявить традиционные черты крестьянской свадьбы в свадьбе городской; 5. Выявить, что привносилось в свадебный обряд различных слоев городского населения в разные исторические периоды многообразными условиями городской жизни.

* * *

Успешное разрешение поставленных задач во многом зависело от правильного выбора информаторов. Этнографу, изучающему крестьянский свадебный обряд и работающему в сравнительно монолитной и социально однородной среде, не составляет особого труда найти информатора, который детально ознакомит его со свадебным обрядом не только своего, но и соседних сел. В городе же это осложняется большой территориальной и производственной разобщенностью населения и целым рядом других факторов. Поэтому особенно важно было получить сведения от различных групп населения.

Круг потенциальных информаторов был намечен нами еще до того, как мы приступили к сбору конкретного материала. Для первого периода (XIX — начало XX в.) это были люди старшего поколения, коренные жители данного города, принадлежавшие в прошлом к разным сословиям. Выявить их (среди работающих пенсионного возраста или ушедших на пенсию) удалось как путем поисков внутри избранных нами для обследования производственных коллективов, так и путем изучения территориальных подразделений города — районов и улиц старого заселения, городских окраин. Среди намеченных информаторов мы отбирали тех, кто знал и мог рассказать о свадебных обрядах своей социальной среды. Так постепенно выявлялся и расширялся реальный круг так называемых типичных представителей различных классов, сословий, профессий, характерных для дореволюционного города. В этой работе нам оказали большую помощь общественные организации предприятий и местные уличные комитеты, городской совет пенсионеров. Собирался материал по специальным, заранее составленным вопросам, которые по ходу сбора материала расширялись и конкретизировались. При сборе материала по дореволюционному периоду мы, естественно, были ограничены в методах и приемах и могли пользоваться только методом опроса-беседы.

Работа с информатором, как правило, приводила нас в семью, а это давало возможность получить более широкий материал. Работая в семье и пользуясь ретроспективным методом, мы записывали свадебный обряд от представителей разных поколений. Попутно собирались сведения о свадебных обычаях и обрядах, наблюдавшихся нашими информаторами у друзей, родственников, сослуживцев. Случалось так, что нам недоставало информаторов из той или иной группы (например, дворянской, реже — купеческой); тогда мы продолжали сбор информации у лиц, находившихся в контакте с представителями интересующей нас группы. Так как материал по городской свадьбе собирался впервые, то все наши усилия были направлены на то, чтобы получить максимум информации, поэтому фиксировались даже фрагменты обряда, названия отдельных свадебных чинов, отмечались их место и роль в свадебном ритуале.

Изучение современного городского свадебного обряда велось главным образом по социально-профессиональным группам самодеятельного населения, а именно: среди рабочих основных сфер производства, строителей и транспортников, служащих сферы быта, интеллигенции, работающих в области науки и культуры, а также среди работников инженерно-технического труда, кружевниц и вышивальщиц¹³. Были охвачены и некоторые группы несамодеятельного населения, например студенчество и др. Собранный таким образом материал легко сопоставим: он дает возможность проследить, какие социально-профессиональные группы и в какой степени сохраняют традиционные городские и сель-

ские элементы свадебного обряда, а также установить, в каком соотношении они находятся. Мы стремились также выявить локальные особенности свадебных традиций, распространенных в изучаемых городах, вскрыть тенденции современного развития свадебных обрядов.

Заметим, что такой социально-дифференцированный подход к изучению современной свадьбы нам представляется оптимальным. С одной стороны, он дает возможность получить объективное представление о свадебном ритуале горожан в целом, с другой — позволяет установить, в каких группах городского населения и в какой мере сохраняются различные социальные традиции (городские и крестьянские) и отдельные элементы свадебной обрядности. Он дает возможность выделить группы, в которых обнаруживается ббльшая фактическая приверженность к обрядовым традициям или инновациям. В свою очередь решение этих вопросов позволит в дальнейшем выявить те социальные слои, на которые следует ориентировать деятельность общественных и государственных учреждений, создавая и внедряя в быт новые формы свадебных обычаев и обрядов.

При сборе материала по современной свадьбе мы пользовались многими методами, применяемыми при сборе аналогичного материала по дореволюционному периоду. Так, поиск информаторов производился также в производственных коллективах, но в данном случае — среди других возрастных групп. Успешно применялся и территориальный метод. Особенно интересный материал дала работа в районе новостроек. Большую помощь при изучении современного свадебного обряда нам оказали работники ЗАГСа. В своей работе мы использовали и некоторые методы конкретно-социологического исследования.

Проводившееся в 1968 г. пробное анкетное обследование лиц, вступающих в брак, показало ценность материала такого рода, особенно в сочетании с этнографическими данными¹⁴. Поэтому в дальнейшем на основе статистических сведений о распределении браков в течение года была определена минимальная выборочная совокупность по каждому из четырех изучаемых городов. Она оказалась равной числу вступающих в брак в течение одного месяца. Однако для повышения представительности выборки было решено это число удвоить, т. е. взять для обследования всех, кто вступает в брак в течение не одного, а двух месяцев. При этом для проведения опроса были выбраны в каждом городе те месяцы, которые, как ожидалось, давали бы наименьшую ошибку в представлении о частоте браков: в Калуге — март, октябрь, в Ельце — июнь, сентябрь, в Ефремове — июль, октябрь, в Козельске — февраль, ноябрь.

На основании этого в 1969 г. в намеченных городах состоялось повторное анкетное обследование, и объем выборки составил: в Калуге — 336 пар, в Ельце — 156 пар, в Ефремове — 66 пар, в Козельске — 88 пар¹⁵. Таким образом, в Калуге

было опрошено 672 человека, а в трех остальных городах — 620 человек; всего — 1292 человека. Материалы анкеты дают представление о национальности, брачном возрасте, местах встреч и продолжительности знакомства жениха и невесты, об их социальном происхождении и положении, об уровне образования и продолжительности проживания в городе.

Ряд вопросов был направлен на выявление традиционных и современных элементов в свадебной обрядности горожан и отношения к ним вступающих в брак. Некоторые вопросы дают ответ на то, какую роль в ориентации молодых играют родители, а также наличие контактов и связей с сельскими родственниками. Ответы на другие вопросы обнаруживают современные представления молодежи о начале совместной жизни и т. д.

Цифровой материал и таблицы, составленные в результате обработки анкеты, в сочетании с имеющимися этнографическими данными подкрепляют выводы, сделанные на основе наблюдений, а в некоторых случаях — указывают новые аспекты для дальнейшего исследования.

- ¹ Наиболее полная сводка материалов по свадебному обряду и первые попытки обобщений содержатся в кн.: *Сумцов Н. Ф.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881.
- ² *Померанцева Э. В.* Семейно-обрядовая поэзия. — В кн.: Русское народно-поэтическое творчество /Под ред. Богатырева. М., 1956; *Чистов К. В.* Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора: Свадебный обряд. — В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 80.
- ³ *Рабинович М. Г.* Этнографическое изучение города в России в конце XIX — начале XX в.: (Программа В. Н. Тенишева). — В кн.: ОИРЭФИА, 1968, вып. IV, с. 62—70.
- ⁴ Для настоящей книги использованы следующие фонды: Государственного архива Русского географического общества, Государственного архива Тульской обл., Государственного архива Калужской обл., архива Рязанского краеведческого музея, Этнографического архива Общества исследователей Рязанского края (далее — АРКМ).
- ⁵ См.: *Круплянская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала: (Конец XIX — начало XX в.). М., 1971, с. 74—86; *Жирнова Г. В.* Русский городской свадебный обряд конца XIX — начала XX в. — СЭ, 1969, № 1; *Она же.* О современном городском свадебном обряде. — СЭ, 1971, № 3; *Она же.* Методика сбора полевого материала по городскому свадебному обряду. — В кн.: Вопросы методики этнографических и этносоциологических исследований: (Доклады на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов). М., 1970; *Она же.* Некоторые проблемы и итоги изучения свадебного ритуала в русском городе XIX — начала XX в.: (На примере малых и средних городов РСФСР). — В кн.: Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978; *Рабинович М. Г.* Свадьба в русском городе XVI в. — Там же.
- ⁶ Этим занимаются, в частности, специальные комиссии по делам гражданской обрядности.
- ⁷ Она изложена самым подробным образом в книге: *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: На примере г. Калуга, Елец, Ефремов. М., 1971.

- ⁸ *Кафенгауз Б. Б.* Купеческие мемуары.— В кн.: Московский край в его прошлом.— В кн.: Труды ОИМГ, 1928, вып. 1; Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1903. Ч. I — III (ч. I — 1736—1762; ч. II — 1762—1847; ч. III — 1848—1854); *Мельгунова П. Е., Сивков К. В., Сидоров Н. П.* Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век. М., 1918, ч. II, вып. 1.
- ⁹ См.: *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. СПб., 1900, т. 1—2, с. 101—106.
- ¹⁰ АГО, ГАТО, ГАКО, АРКМ, архив этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (хранится в Институте этнографии АН СССР), архив Вольного Экономического общества (далее — АВЭО) и архив этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева (хранится в Государственном музее этнографии народов СССР).
- ¹¹ *Рабинович М. Г.* Ответы на Программу Русского географического общества как источник для изучения этнографии города.— В кн.: ОИРЭФИА, 1971, вып. V, с. 45, 49.
- ¹² Поскольку изменения обряда появились не в первые годы после революции, фактически для автора рубежом послужили 1920-е годы.— *Прим. ред.*
- ¹³ Об этом см.: *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* К вопросу о классификации городского населения при этнографическом изучении города.— СЭ, 1970, № 2.
- ¹⁴ См.: *Жирнова Г. В.* О современном городском свадебном обряде.
- ¹⁵ Анкета распределялась через ЗАГСы среди лиц, собирающихся вступить в брак.

БРАК И СВАДЬБА ДО РЕВОЛЮЦИИ (конец XIX — начало XX в.)

НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ. ЕГО ЧИСЛЕННОСТЬ, ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ, СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Во второй половине XIX — начале XX в., в период все более быстрого и широкого развития капитализма в России, заметно выросла численность городского населения. Важную роль в этом процессе сыграла крестьянская реформа 1861 г., которая резко усилила пролетаризацию крестьянства и вызвала волну переселения крестьянских семей в городские центры. Однако темп роста населения в различных городах во многом зависел от состояния экономики и промышленного развития самого города. Так, если для городов промышленных областей был характерен бурный рост населения уже с первых лет после отмены крепостного права, то в городах средней полосы России постоянное увеличение численности населения началось лишь в середины 80-х годов XIX в., т. е. со времени усиленного развития местной промышленности и железнодорожного строительства¹. Отмеченные обстоятельства сыграли важную роль в росте Калуги, Козельска, Ельца, Ефремова, численность населения которых заметно увеличилась только к концу 90-х годов XIX в. В начале XX в. они были типичными средними (Калуга, Елец) и малыми (Козельск, Ефремов) городами средней полосы Европейской России².

Увеличение населения этих городов происходило, как и по всей России в тот период, не за счет естественного его прироста, который был невелик³, а главным образом в результате сильного притока населения из сел и деревень, устремившегося в город в поисках работы. Напомним, что только в период 60—90-х годов XIX в. более двух третей русского крестьянства, не получая необходимых средств существования от труда в сельском хозяйстве, вынуждено было покинуть родные места временно (отход сезонный или на год — другой) или навечно в поисках заработка⁴.

Значительное число крестьян, как известно, уходило в крупные промышленные центры, а также в богатые земледельческие районы, на Юг России, часть же их оседала в местных городских центрах. Попадая в такие города, как Калуга, Козельск, Елец или Ефремов, где промышленности не требовалось много рабочих рук, крестьяне-отходники чаще всего становились плотниками, жестянщиками, каменщиками, портными и т. п., пополняя тем самым

ряды местных городских ремесленников. Крестьяне пристраивались в городах и в качестве мелких торговцев, чему в известной мере способствовал торговый характер изучаемых городов. Некоторые из осевших в городе нанимались поденщиками на небольшие кустарные производства или к огородникам, устраивались и в качестве прислуги в частные дома и общественные заведения ⁵.

В зависимости от характера отхода крестьяне задерживались в городах на разные сроки ⁶. Однако среди них было много таких, которые трудились в городе безвыездно в течение ряда лет. Чаще всего такие крестьяне полностью отрывались от деревенского хозяйства и перевозили в город на постоянное жительство свои семьи. Селились они, как правило, на окраине города, где занимали пустовавшие, малоудобные участки. Так, в Ельце в глубоком каменистом овраге к началу XIX в. вырос целый поселок под названием «Каменья», население которого сплошь состояло из бывших сельских жителей ⁷. Такое компактное заселение городской окраины выходцами из села имело место и в Калуге (Подзавалье, Киевка) ⁸, и в Ефремове (Черкесы) ⁹.

Помимо осевших в городе крестьян, большую роль в его производственной и культурной жизни играло население пригородных слобод и ближайшей сельской округи. Так, жители елецких слобод Аргамач, Ламская, Черная официально числились крестьянами, имели земельные участки, однако основные средства к существованию получали от каждодневной работы в городе в качестве разного рода мастеровых ¹⁰. Женское население этих слобод занималось очень распространенным в Ельцеком у. кустарным промыслом — кружевоплетением. Изделия из кружева большей частью поступали в город, где шли на удовлетворение спроса самых различных слоев городского общества. Жители калужских слобод Загородная и Ямская нанимались в город ломовыми извозчиками ¹¹.

Участвуя в повседневной жизни города, крестьяне невольно вовлекались в систему сложных и многообразных связей с различными социально-сословными группами городского населения. Функционируя в иной культурной среде, крестьяне воспринимали элементы городской культуры. Вместе с тем своими сельскими традициями они определенным образом воздействовали и на некоторые стороны городского быта, в частности на браки и свадебный обряд горожан.

Национальный состав населения в изучаемых городах, как и во многих других городах средней полосы России, характеризовался решительным преобладанием русских, которые, по сведениям Центрального статистического комитета России, на 1910 г. составляли: в Калуге — 93,7%, Козельске — 98,7, Ельце — 97,4 и Ефремове — 98,4%. Подавляющее большинство их было православного вероисповедания (в г. Калуге — 93,6%, в Козельске — 98,7, в г. Ельце — 97,2 и в г. Ефремове — 98,4%) ¹². Следует отметить, что такой однородный в национальном отношении

фон¹³, на котором продолжал формироваться и развиваться свадебный обряд, способствовал стойкому сохранению и проявлению общерусских элементов в городской свадьбе.

В то же время по происхождению и социальному составу городское население, составляющее среду бытования этого обряда, к концу XIX в. было весьма неоднородно. Оно объединяло потомственных горожан и бывших сельских жителей, людей различных сословий, классов, имущественных состояний и т. п. Все это определяло характерную многовариантность свадебного обряда, коренившуюся в особенностях культурно-бытовых традиций у различных слоев городского населения. Непременным условием при воссоздании и анализе дореволюционного свадебного обряда является, следовательно, учет социальной дифференциации населения города.

Коренным и самым многочисленным городским сословием являлось мещанство. Это сословие, официально утвержденное Городовым положением 1785 г.¹⁴, известно в более древних источниках под названием посадских людей. С 80-х годов XVIII в. мещане, будучи основными плательщиками городских налогов и податей, составляли вместе с купцами и потомственными почетными гражданами «правильных городских обывателей». Сословие посадских людей, называвшееся в исследуемый нами период мещанством, издавна объединяло ремесленников, мастеровых, а также мелкий торговый люд города. В середине XIX в. численность мещанства составляла более 50% всего городского населения Европейской России и Сибири¹⁵.

Горожане, состоявшие в этом сословии, образовывали (согласно Городовому положению) свое «городское общество» с исполнительным органом — мещанской управой. С согласия мещанского общества в него могли записываться, по общему правилу, лица из других сословий. Мещанское общество имело право в определенных случаях, даже против желания, исключить своего члена специальным увольнительным приговором. Мещанство, объединявшее главным образом «простолюдинов», как было принято тогда выражаться, государственной властью и законом закреплялось как низшее, непривилегированное сословие городского общества. Помимо воинской повинности и подушного оклада, мещане платили целый ряд денежных налогов, связанных с содержанием городского хозяйства. В конце XIX в., по официальной статистике (перепись 1897 г.), мещанство составляло в Калуге 44%, Козельске — 59, Ефремове — 52,5 и Ельце — 40,2%¹⁶ (т. е. в среднем те же 50%, что и в середине столетия). Однако к этому времени мещанское сословие не было монолитным и его организация устарела.

По мере развития и утверждения капиталистических отношений в указанных городах в мещанстве, как и в других сословиях, происходило заметное материальное и социальное расслоение. Очень незначительная часть мещан (хозяева мелких торго-

вых и промышленных заведений) вливалась в состав местной буржуазии. Немало было мещан-домовладельцев, живших на доходы от сдачи внаем своих домов. Однако подавляющая часть мещанства, состоящая из ремесленников и мастеровых, к началу XX в. все больше и больше разорялась, лишалась средств производства и превращалась в наемных рабочих на местных фабрично-заводских предприятиях. Некоторая часть мещан пополняла ряды «разночинцев» — местной интеллигенции.

Купечество, как и мещанство, являлось коренным городским сословием. В 50-х годах XIX в. оно составляло 4,5% всего городского населения Европейской России и Сибири¹⁷. К 1897 г. купечество составляло от всей численности городского населения г. Калуге 2%, в Козельске — 1,7, в г. Ефремове — 2,5 и в г. Ельце — 2%¹⁸. Такой сравнительно невысокий процент купечества в городах во многом объяснялся тем, что с 1863 г. была уничтожена низшая, третья гильдия купцов и запись в гильдейское купечество стала фактически доступна лишь лицам, имеющим значительный капитал.

Городская купеческая организация во многом отличалась от мещанского общества. Выборы купеческих старост происходили по гильдиям, и купеческое общество не имело дисциплинарной власти над своими членами. Права купечества были гораздо шире, чем права мещанства, и обеспечивали свободу передвижения и возможность получать чины и ордена за особые заслуги, свободу от телесных наказаний. Купцы высшей, первой гильдии имели право приезда к императорскому двору, могли носить губернский мундир и получать звание коммерции- и мануфактур-советника. Имевшие это звание могли ходатайствовать о возведении их в почетное гражданство.

Лица, состоящие в почетном гражданстве, представляли немногочисленный¹⁹, но богатейший и влиятельный социальный слой городского общества. Потомственное почетное гражданство привлекало самую зажиточную верхушку купеческого общества, всячески стремившуюся повысить свой социальный статус, приблизиться к высшему, привилегированному дворянскому сословию.

Наиболее привилегированную часть городского населения составляли дворяне. Количество дворян в городах было различно и во многом определялось административным значением города, поскольку к дворянству — потомственному или личному — причислялись и многочисленные чиновники. Из материалов переписи 1897 г. видно, что больше всего дворян изучаемых городов проживало в губернском городе Калуге, где они составляли 11% всего населения. В уездных городах дворян было значительно меньше. Так, на это сословие приходилось: в г. Козельске — 5%, в г. Ефремове — 5,5, а в г. Ельце — всего 3,4%²⁰.

Дворянство разделялось на потомственное и личное. Потомственные дворяне издавна считались в государстве благородными

уже по роду и чину, пользовались целым рядом наследственных привилегий, на которых в данной работе нет смысла останавливаться, но далеко не всегда сохраняли имущественное превосходство. Это важное обстоятельство сказалось, как увидим, на заключении браков. В городах Калуге, Козельске, Ельце, Ефремове сосредоточивалось главным образом служилое дворянство — чиновники. Однако в зимнее время сюда съезжалась из имений и часть поместного дворянства.

Как неоднократно подчеркивалось, процесс классового расщепления происходил в малых и средних городах более медленными темпами, чем в промышленно развитых районах России. Тем не менее им были охвачены все сословия города. В конце XIX и особенно в начале XX в. коренное дворянство до известной степени было обновлено выходцами из других сословий. Большинство дворян, как уже отмечалось, состояло на службе (гражданской или военной), часть принадлежала к свободным профессиям и образовывала прослойку местной интеллигенции. Некоторые из дворян становились предпринимателями, владельцами и акционерами капиталистических предприятий.

Духовенство (черное и белое), проживающее в городах, представляло особый социальный слой городского населения. Главной обязанностью белого духовенства, как известно, было совершение общественных богослужений и различных церковных треб, а также постоянное наблюдение за тем, чтобы население исполняло все предписываемые православной церковью действия, внедрение православия в быт. В этой последней своей функции оно сближалось с черным духовенством, монахами, ведшими в остальном более замкнутый, изолированный образ жизни. Белое же духовенство (в особенности причт приходских церквей) приближалось и было тесно связано с городским мещанством. Священники, дьяконы и т. п. могли быть и домовладельцами. Но духовенство как сословие пользовалось также рядом привилегий, главной из которых было освобождение от налогов и податей. В конце XIX в. лица духовного звания составили: в г. Калуге — 3%, в г. Козельске — 1,8, в г. Ефремове — 1,2 и в Ельце — 0,8% всего населения²¹. Такой относительно высокий процент духовенства обусловлен большим количеством действующих церквей и наличием в некоторых городах, например в Калуге, крупных монастырей²².

В городах проживало большое количество лиц крестьянского сословия, не оформившихся еще ни в одно из перечисленных городских. В городах они нередко составляли половину всего населения, иной раз совсем ненамного уступая по численности мещанству и явно преобладая над всеми остальными сословиями. Так, в 1897 г. из всего населения крестьянами числились: в г. Калуге — 35%, в г. Козельске — 30,2, в Ефремове — 33,4, а в Ельце — 50,6%²³. Однако большинство крестьян, проживающих в городе, в результате длительных или постоянных отлучек

настолько отрывались от земли, что нередко полностью разрывали связь с хозяйственной жизнью деревни и жили другими интересами, отражавшими их фактически новое социальное положение. Крестьяне и в городах не освобождались от пут своего сословия. Юридически эта часть населения продолжала оставаться обособленной от других социальных слоев городского общества. Независимо от материального и имущественного положения, длительности пребывания в городе крестьяне не получали прав городского сословия. Собственно пролетариата — свободных наемных рабочих — в начале изучаемого периода в Ельце, Ефремове, Козельске почти не было, а в Калуге было очень мало.

Мы вкратце охарактеризовали положение и состояние основных сословий, составлявших во второй половине XIX в. население малых и средних городов России. Еще раз подчеркнем, что социально-экономические изменения, происходившие в стране в этот период, усиливали процесс социальной и классовой дифференциации населения, оказывали (особенно в конце XIX в.) сильное давление на прежний сословный строй городов. К началу XX в. социальная структура изучаемых городов представляла сложную картину, характерную (несмотря на сильные пережитки феодально-сословного строя) для развивающегося буржуазного общества. Как свидетельствует имеющийся полевой этнографический материал, сословные различия продолжали все же сохраняться в социальной жизни, в повседневном быту, в семейно-брачных отношениях и, в частности, в свадебных обрядах горожан вплоть до Октябрьской революции.

В данной главе рассматриваются некоторые вопросы, связанные с традициями семейно-брачных отношений у горожан в целом, главное же внимание в связи с задачами исследования уделяется свадебным обрядам, бытовавшим в среде мещанства, купечества и дворянства. Выбор именно этих сословий не случаен. Сформировавшиеся еще в период феодально-крепостнической России, к середине XIX в. и мещанство, и купечество, и дворянство имели вполне сложившиеся, устоявшиеся культурно-бытовые традиции, в которых важное место занимали свадебные обряды. В ходе исторического развития эти сословия, с одной стороны, создавали свои, а с другой — интенсивно перерабатывали крестьянские обычаи и обряды, приспособляя их к своей психологии и особенностям быта. В результате в свадебных обрядах горожан различных сословий обнаруживаются такие общие и специфические черты, которые отличают их от традиционных крестьянских и позволяют говорить о своеобразных традиционно-городских формах свадебной обрядности, а также о ее сословной многовариантности. Восстановив дореволюционный свадебный обряд у мещанства, купечества, дворянства, мы сможем лучше выявить и понять ту традиционную основу, на которой продолжали развиваться свадебные обычаи у различных классов и социальных групп буржуазного города.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ БРАКА

Брак у различных сословий. В середине XIX в. в быту городского населения существовали еще значительные различия, обусловленные прежде всего сословной принадлежностью различных его групп. Особенно сильно эти различия проявлялись в семейно-бытовых традициях, ограничивая определенным образом браки между сословиями, брачный выбор.

Имеющиеся в метрических и так называемых обыскных²⁴ книгах сведения, а также полевые этнографические материалы указывают на то, что браки, как правило, заключались внутри одного и того же сословия. Сословно-смешанных браков было мало²⁵. Обращаясь к данным метрических книг по г. Ефремову, убеждаемся, что в 1877 г. четыре пятых (78%) мещан этого города женилось на мещанках, женихи из крестьян в 90% случаев женились на городских крестьянках, купцы, духовенство и дворяне заключали браки только внутри своего сословия. Позже среди мещан появилось больше смешанных браков, хотя по годам данные различны (в 1918 г. их было более 50%).

У купцов, духовенства и дворян смешанные браки были единичны. Наиболее пестрая картина наблюдалась в 1917 г. В этот революционный год почти 60% браков, заключенных в Ефремове, были смешанными и только у дворян смешанных браков не было. Видно, что и в начале XX в. смешанные браки составляли незначительный процент и заключались, как правило, между сословиями, более заинтересованными друг в друге с экономической, хозяйственной и культурной точек зрения²⁶. Так, дворяне в тех редких случаях, когда заключали браки вне своей среды, смешивались чаще с купцами и богатыми мещанами. Мещанство же больше давало смешанных браков с близким по уровню городским крестьянством; обращает внимание и то, что в сословно-смешанных браках нередко возраст женщин на несколько лет превышал абсолютный брачный возраст, характерный для женщин данного сословия. Вероятно, в тех случаях, когда брак совершался исключительно из экономического расчета, на возраст женщины в меньшей степени обращали внимание.

Полевые этнографические сведения, характеризующие бытовые традиции сословий, указывают на то, что у горожан существовали различные взгляды на сословно-смешанные браки. В среде гильдейского купечества, преуспевавшего в практической деятельности и всячески стремившегося приблизить свое общественное положение к тому уровню, на котором находилось «благородное» дворянство, брак с дворянскими девушками имел престижное значение и рассматривался как своего рода продвижение по социальной лестнице. Но далеко не всегда такое отношение было и со стороны дворян.

Дворянство считало купечество «новыми людьми, лишь вчера объявившимися на общественной арене», малообразованными²⁷,

лишенными благородных традиций, и потому к браку с лицами из этого сословия относилось отрицательно. Однако при пошатнувшихся делах, особенно если семье угрожало разорение, дворяне шли на компромисс и выдавали своих непристроенных, нередко «пересидевших в девицах» дочерей за купцов или женили сыновей на купеческих, а то и мещанских дочках. При обычных обстоятельствах дворянство всячески препятствовало проникновению в их общество, даже путем брака, лиц из другой сословной среды.

Немало примеров этому можно пайти в Государственном архиве Тульской области в делах, проходящих по ведомству Духовной консистории. Так, например, из дела отставного канцеляриста, дворянина Василия Полунина²⁸, тайно, без согласия опекуна, повенчавшегося с мещанской дочерью (г. Епифань), видим, с какой силой вся семья, и даже дальние родственники, старалась предотвратить этот брак. Позднее, заручившись поддержкой Дворянской опеки, возбудили ходатайство перед Консисторией о немедленном его расторжении. Случалось, что дворянин, находясь в фактическом браке с женщиной из «низшего» сословия, получал от родителей разрешение на венчание лишь спустя несколько лет. Причем если у него имелись родные братья и сестры (достигшие совершеннолетия), то и они должны были дать согласие на этот брак²⁹.

Мещанство, как и другие сословия города, старалось заключать браки внутри своей среды, но были браки и с горожанами, принадлежащими к другим сословиям. Чаще всего мещане женились на девушках из городского крестьянства. Однако в мещанской среде отношение к таким бракам было несколько пренебрежительным. Выйти замуж за «лапотника» (так называли крестьян горожане) не составляло большой чести для девушки-мещанки³⁰. Нередко, отговаривая девушку от брака с крестьянином, говорили: «Нечего тебе за него идти, будешь весь век лаптем щи хлебать». Но в тех случаях, когда межсемейные экономические расчеты делали подобный брак необходимым, отец мог сказать заупрямившейся дочери: «Не дворянсья, не барыня, надо будет — и за лапотника пойдешь, если отдадим»³¹.

Такое отношение «свысока» к городскому крестьянству, вероятно, поддерживалось у мещан и тем, что как бы долго ни проживали крестьяне в городах, они оставались обособленной группой среди городского населения, не только не уравненной юридически в правах с горожанами, но и занимавшей среди них самое невыгодное положение. К тому же в материальной культуре и духовной жизни городского крестьянства продолжали сохраняться черты, унаследованные из сельского быта, своеобразные и во многом непонятные горожанам.

Рассмотренные материалы о браках горожан середины XIX—начала XX в. наглядно показывают, что у всех сословий брак основывался на экономическом расчете и неравноправном поло-

жении женщины; брак в большинстве случаев заключался без учета ее воли и склонности. Большое влияние при выборе супруга оказывали родители и родственники. Здесь действовали сословные и другие ограничения. Все это отражало частнособственнический характер брака, а также определенный вид отчуждения и несвободы человека ³².

В заключение — несколько слов о локализации браков у различных сословий.

Имеющиеся этнографические материалы свидетельствуют о том, что мещанство заключало браки обычно в пределах своего города. Если же девушку сватали в другой город, требовалось определенное свидетельство, своего рода разрешение на этот брак от городской думы и Духовной консистории. Родители также неохотно отдавали девушек в другой город («Что тебе здесь женихов мало?»). Однако социальная топография дореволюционного города проявлялась и внутри одного города. Существовали целые районы, заселенные главным образом бывшими выходцами из села. Из этой среды мещанство брало невест с неохотой, предпочитало браки с иногородними мещанами.

Иначе обстояло дело у дворян и именитого купечества. Здесь браки регулировались преимущественно сословными требованиями и экономическим расчетом, поэтому место жительства жениха (невесты) не играло существенной роли.

Брачный возраст. В середине XIX — начале XX в. по существовавшим в России законам юноша, достигший 18 лет, и девушка — 16 лет могли вступать в брак ³³. Однако специфические условия городского образа жизни, резкое различие в экономических, хозяйственных и культурных уровнях оказывали определенное влияние на фактический брачный возраст горожан.

Официальная статистика прошлого века ³⁴ показывает, что в городах мужчины и женщины вступали в брак в более позднем возрасте, чем в сельских районах России. К сожалению, эти материалы не дают ответа на такие важные вопросы, как соотношение возраста мужа и жены, и как комбинировались их возрасты в зависимости от сословной принадлежности. В связи с этим представляются особенно ценными сведения о вступающих в брак, имеющиеся в дореволюционных метрических книгах. Нам удалось на основании метрических книг г. Ефремова ³⁵ второй половины XIX — начала XX в. и полевых материалов установить, что возраст вступления в брак ³⁶ у горожан был заметно дифференцирован по сословиям.

Так, в мещанском сословии в рассматриваемый период наибольшее количество браков (82 из 130—63%) заключалось мужчинами в возрасте от 21 до 25 лет ³⁷, а женщинами — от 19 до 25 лет (129 браков из 130). Отметим также, что мужчины указанной возрастной группы чаще женились на женщинах из возрастной группы 19—20 лет (50% всех случаев). Разница в возрасте между мужчиной и женщиной в браке составляла прибли-

зительно 2—3 года³⁸. В среде мещанства был распространен взгляд, что мужчина должен жениться тогда, когда у него в руках есть ремесло и он может прокормить свою семью. В действительности же родители никогда не торопили сыновей с женитьбой, считая, что «парень не девка, не пересидит, всегда успеет хомут на шею надеть». К тому же женатый сын для семьи (имеется в виду малая родительская семья³⁹. — Г. Ж.) — «отрезанный ломоть, на его помощь не надейся»⁴⁰. Нередко семья, не желая лишаться постоянной материальной поддержки сына, умышленно оттягивала время его женитьбы.

Иначе относились в семьях к дочерям, вошедшим в «невестины лета», их стремились пораньше да поудачнее «сбыть с рук», т. е. выдать замуж. Девушки после 25 лет у мещан, как, впрочем, и у других сословий города, считались «засидевшимися в невестах». К таким девушкам в семье относились с некоторым сожалением и презрением. В дореволюционной России даже в конце XIX — начале XX в. широко бытовало мнение, что единственной и конечной целью в жизни каждой девушки является замужество. Такой взгляд на женщину фактически отражал ее угнетенное положение как в семье, так и в обществе.

Самый большой возрастной разрыв у брачующихся, нередко доходивший до десяти и более лет, существовал у купечества. Абсолютный брачный возраст у мужчин приходился обычно на 26—35 лет, у женщин — на 17—20 лет. Именно между этими возрастными группами, как правило, и заключались браки в купеческой среде. Купечество, живущее на доходы с капитала и стремившееся прежде всего упрочить свое экономическое положение, считало, что женитьба «хороша лишь после того, как налажено «дело» и пущен в оборот наследственный капитал»⁴¹. Такое предствление в известной мере определяло брачный возраст мужчин этого сословия.

В дворянском сословии существовало мнение, что в брак следует вступать после того, как выслужисься и получишь свою долю от наследственного состояния семьи. В служилом дворянстве не принято было жениться, не достигнув известного чина и без разрешения начальства на этот брак⁴². Как видно из наших материалов, основное количество браков заключалось мужчинами-дворянами в возрасте от 26 до 30 лет. Женщины дворянского происхождения вступали в брак позже, чем женщины купеческого и мещанского сословий. Их абсолютный брачный возраст приходился на 21—25 лет. Разница в возрасте супругов, так же как и у купечества, была значительной.

Приведенные выше данные по г. Ефремову не противоречат материалам более общим, не дифференцированным по сословиям. Так, подсчеты брачного возраста по семи городам средней полосы России на 1868 г. показывают, что 36% вступивших в брак мужчин были в возрасте от 21 до 25 лет, что почти вдвое превышает число вступивших в брак от 26 до 30 лет. Остальные возрасты

составляют еще более низкий процент. Женщины-горожанки выходили замуж раньше: 56% — до 20 лет и только 25% — в возрасте 21—25 лет. Вместе эти две возрастные группы составляют более четырех пятых всех учтенных в табл. 2 случаев. Данные, полученные по губерниям той же зоны в целом за 1867 г., показывают еще более ранний возраст вступающих в брак: до 20 лет женилось более половины мужчин (60%) и выходило замуж более трех четвертей женщин (76%), а возрастная группа 20—25 лет едва составляла 18% мужчин и 12% женщин. Объясняется это тем, что таблица учитывает и крестьян, среди которых ранние браки решительно преобладали⁴³.

Изложенные сведения показывают, что у горожан абсолютный брачный возраст мужчин и женщин имел различные границы, которые определенным образом варьировали по сословиям. Брачные возрасты мужчин и женщин комбинировались по-разному, что во многом определялось условиями быта их сословий, особенностями личной жизни. Приведенные данные позволяют выявить общую закономерность изменения брачного возраста женщин в зависимости от возраста мужчин. Чем позднее мужчина вступал в брак, тем больше его возраст превышал возраст жены, хотя и ее возраст (в среднем) несколько повышался.

Время заключения браков. Имеющиеся статистические и литературные данные о браках позволяют установить не только брачный возраст горожан, но и время, в которое главным образом заключались браки. Так, еще в 70-х годах прошлого века проф. Ю. Э. Янсон, анализируя годовое распределение браков по месяцам, пришел к выводу, что у городского населения Европейской России, так же, как и у крестьянского, наибольшее число браков совершалось зимой, в январе — феврале, и осенью, в октябре — ноябре. В летнее время количество браков заметно уменьшалось, а во время постов браки у православного населения вообще не заключались. Аналогичная картина прослеживается и в материалах официальной статистики о движении населения в изучаемом нами районе. Вместе с тем чувствуются и особенности каждого города. Так, в Калуге две трети браков (66%) были заключены за три осенних месяца (сентябрь — ноябрь) и только 13% — за зимние месяцы (январь, февраль и декабрь). На декабрь пришелся всего 1% браков, а в других городах в этом месяце браки вовсе не заключались. В Воронеже почти половина браков (42%) заключена зимой и только пятая часть (20%) — осенью. Аналогичная картина наблюдалась в Орле и Ельце. В последнем браки распределены поровну между зимним и осенним периодами (соответственно 40 и 41%). Однако следует отметить, что у городского населения в осенние месяцы браки распределялись более равномерно, чем у крестьянства.

На общее распределение браков, с одной стороны, оказывала влияние глубокая бытовая традиция, связанная с особенностями хозяйственной, трудовой жизни русского народа, с другой —

церковные установления, посты, особенно такие длительные, как великий и рождественский.

Этнографические материалы свидетельствуют о том, что горожане на масленичной неделе и в посты старались не справлять свадьбы. По суеверным преданиям, широко бытовавшим среди городского простонародья, считалось, что в это время появляется много «лихих людей» (т. е. колдунов)⁴⁴, которые могут испортить свадьбу. Существовала даже поговорка: «На маслену жениться — с бедой породниться». Самым удобным и благоприятным временем, к которому горожане и приурочивали большинство своих свадеб, считались осенние и зимние мясоеды. Как известно, осенний мясоед начинался с успения (15 августа по ст. ст.) и продолжался до рождественского (Филиппова) поста (14 ноября по ст. ст.), т. е. длился в течение тринадцати недель. Двенадцать недель мясоеда горожане называли «свадебными», так как в это время, по обычаю, совершали сватовство, разыгрывали свадьбы, устраивали «княжие», «отводные» столы и т. п.⁴⁵ На тринадцатой неделе начинали готовиться к посту, а потому свадеб обычно не справляли.

У сельского населения изучаемого района, как и повсюду в русских деревнях и селах Европейской России⁴⁶, свадьбы начинали играть несколько позже, а именно с покрова дня (1 октября по ст. ст.), т. е. когда были завершены все основные сельскохозяйственные работы, собран и определен размер урожая. Последнее в крестьянской среде играло важную роль. Если семья собрала плохой урожай, то нередко отказывались от предполагаемой свадьбы, так как не было хлеба, чтобы «кормить лишний рот». Иногда приходили и к компромиссному решению. Невеста приносила в дом жениха вместе с приданым какое-то количество зерна и зимой ела, как говорили, «свой хлеб».

Зимний мясоед, начинавшийся с рождества (25 декабря по ст. ст.) и продолжавшийся (от пяти до восьми недель) до масленицы, горожане нередко называли «свадебником» или «свадебнецем». Последнее название имело давнее и широкое распространение в бытовой лексике всех социальных слоев русского народа⁴⁷. «Свадебник» («свадебнец») начинался на второй или третий день после крещения, так как в «великие праздничные» дни, согласно церковному уставу, священники не могли венчать. Кроме того, по установившимся религиозно-церковным представлениям народа, играть свадьбы в «христовы дни» считалось «делом греховным». В летнее время свадьбы начинали справлять обычно с красной горки (первое воскресенье после пасхи) и до троицы, после которой снова начинался пост (Петровский). Он длился около пяти недель. С Петрова дня (29 июня по ст. ст.) и до «спасовок» (1 августа по ст. ст.) шел второй летний мясоед, во время которого горожане опять могли справлять свадьбы. На июль приходится, как видно из табл. 4, довольно высокий процент браков — в среднем 7,5, тогда как на июнь и на август —

примерно по 4%. Затем наступал двухнедельный усупенский пост (с 1 по 15 августа по ст. ст.), за которым следовал, как мы уже говорили выше, мясоед, открывавший осенний свадебный сезон.

Места знакомств и общественные смотры невест. В изучаемый период знакомство и сближение городской молодежи, достигшей брачного возраста, происходили преимущественно внутри той социальной среды, с которой она была связана происхождением⁴⁸. Это определялось, в частности, тем, что места знакомств, так же как и характер развлечений, способы общения и времяпрепровождение несемейной молодежи были у каждого сословия свои, в зависимости от его культурно-бытовых традиций⁴⁹.

Так, в бедной мещанской среде, расселявшейся главным образом на городских окраинах и частично в слободах, знакомство между парнями и девушками нередко завязывалось на вечеринках, молодежных сборищах типа «вечерок» и «бесед», которые широко бытовали в осенне-зимний период у крестьянской молодежи России. Мещанские «вечерки» (Калуга, Козельск), или «вечерухи», «вечерушки» (Елец, Ефремов)⁵⁰, начинались также с октября, когда кончались покровские гуляния («игрища»)⁵¹, но они не были такими многолюдными, как крестьянские. На них собирался довольно узкий круг молодежи, обычно шесть-семь пар, причем без предварительной договоренности и приглашения на такие вечера обычно никто не являлся. Мещанские молодежные вечеринки устраивались, как правило, в субботние, воскресные или праздничные дни, так как «по будням приличных девушек не отпускали вечером из дома»⁵². Молодежь собиралась на квартире у кого-нибудь из участников вечера⁵³, гораздо реже для этого случая специально снимали помещение⁵⁴. Иногда для общего угощения парни покупали в складчину чай, сахар, конфеты и орехи, но основное внимание молодежь уделяла развлечениям: танцам, песням, играм.

Любимым музыкальным инструментом в этой среде являлась гармоника, под которую танцевали польку, краковяк, чардаш, вальс, падеграс, кадрили⁵⁵. Много исполнялось песен любовного характера, типа «жестоких» романсов, которые сама молодежь делила на «мужские», такие, как «Когда я был слабодный мальчик», «Полюбил иль украд я девицу», «Зачем ты, безумная, губишь того, кто так любит тебя», «Бывали дни, гуляли мы», и «женские» — «Вот вечер вечерееет», «Взвейся, полети сизый голубочек», «Любила меня мать, уважала», «Вспомни, Ваня, мой любезный» и т. п.⁵⁶ В тех и других песнях говорилось о несчастной любви, измене, ревности, самоубийствах⁵⁷, только в «мужских» песнях обманутым и отвергнутым оказывался парень, а в «женских» — девушка. Наиболее распространенными играми на этих вечерах были «краски», «телефон», «флирт цветов», «колечко» и т. п.⁵⁸ Заканчивались вечеринки около 11 часов вечера. Молодежь расходилась парочками, каждый парень стремился проводить приглянувшуюся ему девушку до дому⁵⁹.

В этой же среде были распространены так называемые девичьи вечеринки — «капустницы»⁶⁰, во время которых также происходило знакомство и общение девушек с парнями. «Капустницы» начинались в городах средней полосы России с первых чисел октября и продолжались около двух недель. В исследованиях прошлого века упоминается о том, что в это время девушки в богатых праздничных убранствах ходили с песнями из дома в дом, рубили капусту, а вечером оставались в одном из домов для веселья⁶¹. В архивных и полевых материалах, относящихся к концу XIX — началу XX в., имеются более подробные сведения. В них, например, указывается, что чаще всего такие вечера устраивала семья, в которой была невеста; приглашали в назначенный день ее подруг рубить капусту. Днем девушки помогали взрослым рубить капусту, а вечером в награду за труды для них собирали вечерушку с угощением и музыкантами. На эти девичьи вечеринки обязательно приглашали холостых парней⁶². Развлечения были такие же, как и на обычных вечеринках.

В зажиточных и более культурных слоях мещанства старались не отпускать молодежь на подобные сборища⁶³. В этой среде было принято, на манер знатного купечества и дворянства, устраивать домашние молодежные вечера в честь именинниц или именинников⁶⁴. На этих вечерах обычно собирался еще более узкий круг молодежи, главным образом из семей, поддерживающих между собой деловые, дружеские или родственные связи. Знакомство и общение молодежи происходило в присутствии старших, которые с пристрастием следили, чтобы все было, как «заведено приличием». Молодежь на таких вечерах танцевала под фортепиано вальс, кадрили. Иногда под гитару пели песни и романсы, главным образом литературного происхождения, такие, как «Что ты жадно глядишь на дорогу», «Я ли в поле да не травушка была», «У зори, у зореньки», «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», «Накинув плащ, с гитарой под полою» и т. п.⁶⁵ Любили играть в «ручеек», «жмурки», «мнения».

В дворянском сословии и в среде гильдейского купечества помимо «именинных вечеров», молодежь с определенного возраста «вывозили» на семейно-танцевальные вечера и балы, сезон которых открывался в городах с октября⁶⁶. На вечерах такого рода, пожалуй, единственным развлечением для молодежи являлись танцы, во время которых происходило знакомство и сближение девушек с молодыми людьми. Такие съезды обычно служили своеобразным смотром невест; на них старшее поколение «высматривало» подходящую для семьи партию⁶⁷.

В зимнее время в городах для учащих старших классов и студенчества устраивались платные вечера, которые посещала главным образом купеческая и дворянская молодежь⁶⁸. На них основное внимание уделялось также танцам. Танцевали обычно под оркестр вальс, мазурку, котильон и т. п. Молодой человек в знак симпатии мог подарить своей партнерше цветы, которые в

виде маленьких прищипливающих букетиков продавались у входа в зал или внизу парадной лестницы. Расходились с таких вечеров компаниями. За девушками из «благородных» и богатых семей нередко присылали экипажи, которые отвозили их домой.

В весенне-летнее время, когда дворянство, именитое купечество, а также состоятельное мещанство вывозили свои семьи на дачи, в имения, на модные курорты, где наступал летний сезон⁶⁹, в городах оставалась в основном трудовая часть молодежи. Она, как и сельская молодежь, свободное от работы время проводила в гуляньях на воздухе, во время которых происходили встречи и знакомства между девушками и молодыми людьми. В архивных материалах по народному быту, относящихся к 50-м годам XIX в., многократно отмечается, что парни из городского простонародья присматривали для себя девушек на игрищах («игрищах»), которые обычно устраивались в воскресные и праздничные дни на городских заставах, выгонах и пустошах. Здесь начиная с полудня и до позднего вечера празднично одетые парни и девушки водили хороводы, пели «круговые» (хороводные) песни и играли в «горелки», «догонялки», «колечко» и т. п.⁷⁰ На подобных гуляньях, помимо городских обывателей, праздно наблюдавших за веселящейся молодежью в качестве зрителей, обязательно присутствовали лица, преследовавшие определенный практический интерес. Это были прежде всего родители и родственники молодежи, которые «приглядывали» для сына или дочери подходящую партию, а также женщины, «промышлявшие» сватовством, так называемые свахи-профессионалки⁷¹.

Полевые этнографические сведения, собранные в Калуге, Козельске, Ельце и Ефремове, позволяют заключить, что в конце XIX в. такая форма молодежных встреч лишь изредка встречалась в среде беднейшего мещанства, расселявшегося на городских окраинах, и у слободской молодежи⁷². Однако и в конце XIX — начале XX в. для простонародной городской молодежи улица в летнее время продолжала оставаться традиционным местом каждодневных встреч и гуляний⁷³. Вечером, закончив работу, парни и девушки, достигшие брачного возраста, собирались небольшими компаниями около чьего-нибудь дома (или во дворе дома), грызли семечки, обменивались новостями, шутками, плясали и пели под гармонику. В конце XIX в. на вечерних гуляньях во время плясок под гармонь молодежь исполняла большое количество частушек любовного и семейно-бытового характера. В изучаемых городах частушки пелись по-разному, имели свою мелодию и название. Так, в Калуге и Козельске (Калужск. губ.) были распространены частушки-«страдания», а в Ельце и Ефремове — «мотанье» («матаня») и «елецкого»⁷⁴.

Своеобразным и весьма популярным местом встреч и свиданий парней и девушек была церковь, куда родители всегда беспрепятственно отпускали молодежь. В церкви, как это бывало раньше у всех сословий, у городского простонародья часто про-

исходил своего рода общественный смотр невест. Вот, например, что сообщал по этому поводу в 1850 г. один из корреспондентов РГО: «...в некоторых приходах г. Тулы, а особенно в приходах Никольской Свято-Духовской и Кладбищенской церковью девушками-невестами издавна ведется обычай почти каждую службу являться в новых и разнообразных нарядах. Делается это с целью привлечь внимание холостых мужчин и замужних женщин — свах. Эти невесты называются «поновляхами», потому что их можно сразу узнать по новому наряду и отличить их от других, одетых в будничное платье. Когда наступит время церковной службы, то две-три женщины ходят по домам и приглашают в церковь других женщин, говоря: «Пойдем же, бабы, поновлях смотреть, невест высматривать...»⁷⁵. Полевые этнографические сведения, собранные в Калуге, Козельске, Ельце, Ефремове, показывают, что и в конце XIX — начале XX в. этот обычай прочно держался в быту горожан. Не случайно информаторы, молодость которых приходилась на первые десятилетия XX в., вспоминают, что священники часто устраивали специальные проповеди для молодежи, объясняли, как грешно превращать церковь в место свиданий, и, обращаясь к старшим горожанам, упрекали их за то, что они своим неправильным поведением показывают дурной пример молодежи⁷⁶. Однако, несмотря на подобные проповеди, церковь продолжала оставаться излюбленным местом встреч девушек и парней.

Рассматривая материалы о местах встреч и знакомств молодежи, мы неоднократно наталкивались на сведения, которые показывают, что у горожан в изучаемый период сохранялся, правда, в очень разбавленных и модифицированных, часто неясно выраженных формах, древний обычай общественных «смотров невест»⁷⁷. Одной из форм его, несомненно, был упомянутый нами обычай смотреть поновлях. «Показы невест» и «смотри» в условиях города, где существовала большая, чем в деревне, семейная разобщенность и замкнутость, издавна играли важную роль. Они информировали заинтересованных людей своего круга об имеющихся невестах, позволяли, как говорили, показать «товар лицом» и тем способствовали разрешению основной проблемы — создания новой семьи. Однако социальное развитие этого обычая в городской среде привело к чрезмерному «выпячиванию» его церемониально-показной стороны, которая должна была публично демонстрировать богатство и знатность семьи и поднимать престиж одного сословия перед другим. Богатые купцы, имевшие свои выезды, особенно пышно оформляли большие масленичные катания, во время которых, по обычаю, показывали горожанам своих дочерей-невест⁷⁸. Происходило это следующим образом. После полудня на центральную улицу (или площадь) начинали уезжаться участники катаний со своими семьями. Каждая купеческая семья приезжала на двух-трех санях-розвальнях, устланных коврами, на которых лежали атласные подушки для сиде-

ния. Лошади, запряженные в сани, украшались лентами, бубенцами, их спины были покрыты расшитыми бархатными попонами⁷⁹.

Небезынтересно отметить, что в порядке размещения членов семьи по саням соблюдалась строгая последовательность, которая, на наш взгляд, отражала характер внутрисемейных отношений. Например, в первых санях всегда располагался глава семьи — отец с сыновьями (если они имелись), во вторых сидели мать с дочерью-невестой, одетой подчеркнуто богато и пышно («на голове шляпа с цветами — парижский шик»), в третьих санях находились остальные члены семьи и кто-либо из прислуги. Все участники «поезда» были празднично одеты, даже «кучера были в атласных цилиндрах и белых перчатках». Ярко украшенные «поезда» составляли один большой санный «поезд», который в назначенный час начинал круговой объезд города. Маршрут «поезда» пролегал лишь по главным улицам города, которые были заселены в основном буржуазно-дворянскими семьями. Однако «поглазеть» на эту любопытную церемонию стекалось много народа с разных концов города, приходили сюда и жители слобод.

Сначала санный «поезд» медленно и торжественно объезжал центр города, но постепенно скорость его возрастала, и последний круг «поезд» буквально «пролетал» по улицам. В этот момент всякое иное движение по мостовым прекращалось, так как это было опасно. Некоторые купцы, чтобы лишний раз показать свое богатство и щедрость, бросали народу денежную мелочь, которую доставали из специально приготовленных для этого случая мешочков⁸⁰. Такого рода катания с показом невест имели широкое распространение и в среде столичного купечества. Например, в Москве в середине XIX в., как сообщает Вишняков, «...по левой стороне Новинского проезда, считая от Кудрина, происходило катание, чрезвычайно популярное в купеческой среде. Это была выставка лучших экипажей, тысячных рысаков и богатой упряжи. Владельцы разъезжали с разодетыми женами и детьми, особенно же взрослыми дочерьми: катание считалось и выставкой богатых невест. Поэтому у барьера толпилась в несколько рядов московская молодежь мужского пола: она жадно следила глазами за катающимися, обменивалась с ними поклонами и вполголоса критиковала. Случалось, что кольцо экипажей захватывало всю Поварскую»⁸¹.

Описанный выше обычай, включавший в себя и показ невест, был пронизан той претенциозностью, которая была особенно характерна для зажиточной части купечества, занимавшего видное положение в городском обществе⁸². В летнее время своеобразными смотрами невест были хороводы. Вопреки известной поговорке «Ищи жену в огороде, а не в хороводе» хороводам принадлежала, как мы видим, большая роль не только в знакомстве, но и в показе невест. Среди зрителей бывали и родители женихов, и профессиональные свахи. Этот вид смотра невест вме-

сте с масленичными катаниями ярко раскрывает специфику бытовых традиций у городского населения и помогает понять национальные особенности быта русских в середине XIX — начале XX в.

Некоторые предбрачные гадания. Во второй половине XIX в. в Калуге, Козельске, Ельце и Ефремове продолжали сохраняться многие виды гаданий. Тематика их была самой разнообразной. Существовали гадания о судьбе, замужестве, хозяйственном благополучии и т. п. Среди неженатой молодежи, особенно у девушек, большой популярностью пользовались различные виды предбрачных гаданий (гадания о замужестве). Однако в городе в отличие от деревни в конце XIX в. наиболее распространенными, встречавшимися решительно во всех социальных слоях общества, были различные формы индивидуальных гаданий, в то время как коллективные («подблюдные») гадания, сопровождавшиеся песнями, наблюдались лишь в подгородных слободах и тех районах города, которые были компактно заселены выходцами из сел и деревень⁸³.

Горожане, как и крестьяне, издавна считали наиболее благоприятным временем для гаданий святочную неделю (время между рождеством и Новым годом). «Святые вечера» продолжались до крещения. Гадания, совершавшиеся в этот период, получили название «святочных гаданий». На святочной неделе девушки из всех сословий, «кто в шутку, а кто всерьез, гадали на женихов». Святочные гадания происходили обычно в полночь или на заре. Наиболее распространенными были традиционные способы гаданий, к примеру бросали обувь за ворота дома. В какую сторону будет обращен носок упавшего башмака, в ту сторону девушка выйдет замуж⁸⁴. Слушали тишину на улице или в доме: откуда послышится шум (стук, скрип, лай собаки, пение петуха), значит, в той стороне живет будущий муж⁸⁵. Сжигали на тарелке бумагу и напряженно смотрели на тень, отбрасываемую образовавшимся пеплом: очертание в виде здания означало венчание, в виде сугроба — смерть⁸⁶. Выливали в стакан с водой яичный белок или разогретый воск: если они застывали в воде в форме вытянутых свечей, здания или кольца, то это предвещало венчание, а если оседали на дно стакана в виде блина, то — долгое девичество⁸⁷. Выходили на улицу, брали горсть снега или льдинку, приносили в дом; после того как образуется вода, рассматривали, какой в пей сор. Если в воде окажется волос, то жених будет из духовного звания, а если соломинка, щепка или прутик, то из какого-либо светского сословия. По цвету волоса старались определить, будет ли жених блондином, брюнетом или шатеном⁸⁸. Приносили в дом петуха, ставили перед ним две чашечки: одну с зерном, другую с водой — и следили за поведением птицы. Если петух начинал махать крыльями, бегать из угла в угол и квохтать, то, значит, и характер у жениха будет шумный и беспокойный. Начинал ли петух сначала кле-

вать зерно или пить воду, считалось, что соответственно жених будет богатый или бедный, пьяница⁸⁹ и т. п.

Приведенные в качестве конкретных примеров гадания имели вполне определенную смысловую направленность. Все они в символической форме должны были рассказать девушке о ее будущем женихе. Такой же характер имели и некоторые другие гадания, совершаемые девушками на покров день (28 октября по ст. ст.) и на день Параскевы (24 ноября по ст. ст.). Эти праздники входили в состав тех специфически женских и девичьих праздников, которые издавна отмечались русскими в течение октября — декабря и должны были, как известно, покровительствовать женским работам, рождению детей, а также устройству браков⁹⁰. Возможно, поэтому девушки, перед тем как начать гадания, обращались к «празднику», произнося быстрым шепотком три раза кряду такие слова: «Параскева-матушка, выдай меня замуж поскорее, расскажи про замужество» или «Батюшка-покров, покажи моего суженого и покрой мою голову»⁹¹. В эти дни девушки чаще всего гадали по зеркальцу, колечку, птичьему перышку, а также по разграфленному листу бумаги, где были написаны самые различные изречения о замужестве. Следует отметить, что последний способ гаданий был характерен для городов: он был почерпнут из гадательных книг, которые и в XIX в. продолжали пользоваться исключительной популярностью среди мещанства и купечества⁹².

В конце XIX — начале XX в. в городах, помимо перечисленных видов гаданий, широко практиковалось гадание на женихов по картам. Иногда девушки сами гадали друг другу, но чаще обращались для этого к специальным женщинам-гадальщицам, которые за сравнительно небольшую плату или подношение могли в любое время рассказать о женихах, а также о том, что ожидает их в замужестве. К гадальщицам нередко ходили и просватанные родителями девушки, чтобы узнать, «хорош или плох тот, за кого ее отдают», но делалось это в большой тайне от семьи.

В весенне-летнее время в городах обычно появлялось много бродячих музыкантов, шарманщиков, фокусников, и тут интересно заметить, что в конце XIX — начале XX в. на городских улицах часто можно было увидеть шарманщика с прирученной морской свинкой или попугаем, которые умели вытаскивать из коробки билетки со «счастьем». Любопытно и то, что эти билетки часто оказывались напечатанными типографским способом⁹³. Текст билетиков состоял из пословиц, поговорок, примет, изречений, наставлений как народного, так и книжного происхождения. Основной их темой были любовь, дружба, замужество, счастье, богатство, терпение и т. п. Такие «продавцы счастья», как их называли горожане, особенно удачно промышляли в праздничные и ярмарочные дни среди девушек из простонародья, которые обычно покупали по несколько билетиков. Однако более трех раз

кряду не гадали, так как считалось, что все последующие гадания будут «пустыми».

Изложенные выше сведения позволяют сделать вывод о том, что в середине XIX — начале XX в. у девушек-горожанок, так же как и у крестьянских девушек, сохранялся старинный обычай гадать на женихов. Помимо традиционно-народных гадательных приемов, у горожанок большой популярностью пользовались некоторые специфические виды гаданий, возникшие и развившиеся в условиях города. Такое стойкое сохранение различных видов гаданий, пусть даже в форме игры, развлечения, объясняется прежде всего тем, что в изучаемых городах общий культурный уровень населения продолжал оставаться низким. Кроме того, на жизнестойкость предбрачных гаданий оказывал влияние ряд других взаимосвязанных обстоятельств, среди которых важным было то, что в дореволюционной России молодежь крайне редко вступала в брак в результате свободного выбора и взаимных симпатий. Чаще всего судьба замужества зависела от воли родителей, экономического расчета, сословных требований.

Отмеченное выше неравноправное положение женщины как при заключении брака, так и в дальнейшей семейной жизни обусловило бытование всех видов гаданий почти исключительно в женской среде.

ПРЕДСВАДЕБЬЕ

Сватовство. Материалы, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что в середине XIX — начале XX в. у обитателей Калуги, Козельска, Ельца и Ефремова продолжал бытовать широко распространенный среди русского православного населения традиционный способ вступления в брак, а именно с помощью сватовства и свадьбы⁹⁴. Браки «убегом» («самокруткой»), т. е. по личной договоренности жениха и невесты, но без согласия на то родителей или опекунов даже в конце XIX в. встречались редко. К таким бракам, как и к «не венчанным» (гражданским), городская общественность и семья относились враждебно, считая их безнравственными и противозаконными.

Традиционный свадебный цикл горожан, так же как и крестьянский, состоял из трех последовательных этапов: предсвадебного, свадебного и послесвадебного. Каждый из этих этапов сопровождался определенными обычаями и обрядами, которые бытовали в городе в различных вариациях, что в значительной степени обуславливалось действием экономических, сословных, социально-культурных и демографических факторов. Так, у всех социально-сословных групп города предсвадебный этап свадебного цикла начинался с традиционного сватовства. Нам удалось выявить следующие варианты этого обряда: 1) сватовство, подготавливавшееся и совершавшееся особыми лицами — свахами-профессионалками; 2) сватовство, производившееся ближайшими

родственницами со стороны жениха; 3) сватовство, выполнявшееся отцом жениха. Но и в тех случаях, когда сватовство совершалось особыми лицами, необходима была санкция отца — главы семьи. Историческая и мемуарная литература свидетельствует о том, что в XVII—XVIII вв. эта традиция строго соблюдалась всеми сословиями⁹⁵.

В проведении сватовства, как и в ряде других свадебных обычаев и обрядов, нашла яркое отражение социальная топография дореволюционного города. Так, для центральной части всех изучаемых городов, где в основном расселялись дворяне, крупные чиновники, богатое купечество, промышленники и зажиточное мещанство, наиболее типичным было сватовство с помощью свах-профессионалок. Эти женщины обычно не состояли в родстве с брачующимися семьями, а выполняли роль посредников за определенное вознаграждение. В обязанности свах входило не только совершать само сватовство, но и подобрать предварительно его объект, разузнать о том, какое приданое дается за невестой и в чем оно состоит: в платьях, деньгах, вотчинах или дворовых людях⁹⁶. Кроме того, через сваху жених узнавал подробности о природной красоте и нраве невесты, которую в некоторых случаях мог видеть открыто только в день свадьбы.

Напомним, что женщины в феодальном городе до XVIII в., согласно глубоким внутрисемейным традициям и нормам общественного поведения, вынуждены были вести замкнутый и обособленный от мужчин образ жизни. Даже в праздничные дни, исключая свадебный пир, горожанки веселились и трапезничали отдельно от мужчин. Только с разрешения отца семейства жена и сноха могли на короткое время появиться среди собравшихся в доме мужчин, чтобы обнести гостей чаркой вина⁹⁷. В средних слоях горожан такие нормы и традиции сохранялись и в XVIII — начале XIX в.

Подчиненное положение женщины в семье и обществе, ее затворнический быт, невозможность свободного общения женщин и мужчин, а также частнособственнический характер брака — все это способствовало постепенному появлению и развитию в городах особой формы сватовства с участием свах-профессионалок. В XVIII—XIX столетиях институт свах-профессионалок настолько развился, что уже открыто признавался обычаем⁹⁸. Во второй половине XIX — начале XX в. свахи-профессионалки встречались как в столичных, так и в провинциальных городах России. Ими обычно становились общительные и предприимчивые женщины среднего и пожилого возраста из мещанского и купеческого сословий. Чаще всего это были одинокие вдовы, для которых сватовство являлось своего рода ремеслом, приносящим определенный доход.

Чрезвычайно интересный материал нам удалось собрать о профессиональных свахах в Калуге и Ельце. Здесь в конце XIX — начале XX в. свахи были известны под различными кличками

(«Топориха», «Дегтярный помазок», «Ильинишна», «Чигариха», «Гашиха») и составляли как бы особую социально-профессиональную группу⁹⁹. Внутри этой группы свахи различались по имущественному положению, что определяло тот социально-словный круг, который они обслуживали, где сваха могла показать свое «искусство». Так, на рубеже XIX и XX вв. в Калуге самой ловкой свахой считалась «Топориха». Она сватала исключительно в купеческом сословии и бралась устроить самое «безнадежное дело», если только оно было ей выгодно. Сваха хорошо знала всех женихов и невест «своего» круга, их возраст и условия, которые ставила та или иная сторона, роспись приданого, которое давали за невестой. В дворянской и богатой купеческой среде роспись приданого нередко составлялась отцом еще в день рождения дочери. Роспись являлась своего рода предложением, на основе которого впоследствии происходила брачная сделка и составлялся официальный договорный документ¹⁰⁰

Все необходимые сведения о женихах и невестах свахи собирали в результате личных наблюдений и контактов с семьями, за небольшое вознаграждение получали их от посредников: домашней прислуги, всякого рода приживалок, гадальщиц, дворников и даже квартальных надзирателей¹⁰¹. Большие надежды на свах-профессионалок возлагали семьи, преследовавшие меркантильные цели, а также имевшие «засидевшихся в девках» невест. В случае, если дело «связывалось», сваха получала от заинтересованной стороны вознаграждение. Размеры его зависели от зажиточности семьи, но, как правило, оно было не менее 10 р., а в купеческой среде доходило до 25 р. Помимо этого, свахе обязательно дарили кашемировую шаль, которая со временем приобретала своеобразное символическое значение. Так, об упомянутой «Топорихе» говорили: «К ней пойдешь, не пропадешь, у нее сундук шалей высватан»¹⁰². Чем больше было у свахи высватанных шалей, тем популярнее она была в городе и тем большим уважением пользовалась среди свах. Большая, с кистями кашемировая шаль на плечах свахи была постоянным атрибутом одежды в моменты сватовства и являлась своего рода социально-разграничительным знаком.

Другой обычай наблюдался на окраине Калуги среди поденщиков, ремесленников, мелких торговцев. Здесь функция сватовства принадлежала исключительно родственницам жениха по мужской линии. Обычно сватать ходила старшая сестра отца или его мать, т. е. тетка или бабушка жениха («сватья», «сватушка»). Такой способ сватовства был распространен также среди мещанского простонародья в Козельске и особенно типичен для жителей козельских слобод — Инвалидной, Пригородной, Большого Заречья. В Ельце и Ефремове в тех же социальных группах сватать могла любая замужняя женщина («сватунька») из родни жениха. В елецких слободах (Аргамач, Черная, Ламская), население которых хоть и было приписано к мещанскому сословию,

но занималось главным образом сельским хозяйством, сватала также старшая женщина из родни жениха.

Повсюду в бедных слоях мещанства встречался другой, хорошо известный крестьянству обычай, по которому сватать ходил лично отец жениха — «сват», гораздо реже в этой роли выступал крестный отец или дядя жениха. Таким образом, в середине XIX — начале XX в. в среде городского простонародья, так же как и у крестьянства, широко бытовали различные виды сватовства с участием родственников жениха. В связи с этим хотелось бы напомнить, что родители молодых и их родственники издавна называли друг друга «сватами» и «сватьями» не только в период свадебных действий, но и в бытовой лексике, для обозначения существующего между семьями родственного свойства по браку. То, что семейные названия «сват» и «сватья» вошли в состав традиционной брачной терминологии русских, свидетельствует, в частности, об очень древней традиции сватовства с помощью родственников.

Вместе с тем все выявленные в городской среде виды сватовства, включая и сватовство свахами-профессионалками, отражают развитие семейных и семейно-брачных отношений, их исторические стадии. Вопрос этот, чрезвычайно интересный и важный для этнографической науки, мог бы стать темой специального исследования.

Собранные материалы свидетельствуют о том, что во второй половине XIX в. как в городе, так и в деревне для успешного завершения сватовства принято было выполнять ряд обрядовых действий и предосторожностей, связанных главным образом с древней верой в приметы. Суеверное отношение горожан к некоторым дням недели и числам нашло отражение и в их свадебных традициях. Например, считалось, что в среду и пятницу не следует затевать какие-либо свадебные дела, в том числе и сватовство, так как эти дни неблагоприятны для брака. Следили горожане и за тем, чтобы сватовство, как и день свадьбы, не приходилось на 13-е число, которое называли «чертовой дюжиной». В то же время, как мы сможем убедиться дальше, такие нечетные числа, как 3, 5, 7, 9, в сватовстве и в свадьбе горожан играли определенную обрядовую роль, считаясь, по-видимому, счастливыми¹⁰³.

Горожане верили и в некоторые другие приметы. Например, тот, кто шел в дом со сватовством, старался по дороге ни с кем не встречаться и не разговаривать. Подойдя к дому, он сначала незаметно прикасался рукой или плечом к дверному косяку и лишь потом стучал в дверь. Получив приглашение войти в дом, входил, крестился на образа и только после этого приступал к разговору. Примечательно и то, что пришедшие со сватовством во время разговора старались незаметно для окружающих дотронуться до ножки стола, за которым обычно велась беседа.

У слободского населения и обитателей городских окраин суще-

ствовал обычай, широко бытовавший среди крестьян, — во время сватовства садиться непременно под «матицу», чтобы дело прочнее связалось. Обычай садиться при сватовстве под «матицу», так же как и прикосновения к деревянным предметам (в нашем случае — дверной косяк, ножка стола), отмечен у многих народов, и, очевидно, истоки его надо искать в языческих верованиях, архаических представлениях, связанных с жилищем, с хранителями домашнего очага.

Наши материалы свидетельствуют о том, что в какой бы социально-сословной группе ни происходило сватовство, разговор с родителями невесты было принято начинать с традиционной формулы-вступления: «Я к вам пришла не пировать, не столовать, а с добрым словом, со сватаньем. У вас есть невеста, а у меня жених, станем родство заводить»; «У вас есть товар, а у нас купец, давайте торговаться»; «У вас есть куничка, а у нас охотник»¹⁰⁴, и т. п. Каких-либо других форм поэтического фольклора в момент сватовства не было.

В первый день сватовства выясняли, согласна ли семья выдать невесту замуж, и в случае положительного ответа родители невесты и сваха¹⁰⁵ трижды обходили вокруг стола, крестились на образа и на этом расставались. Вечером того же дня или на другой день договаривались о дне смотрин, которые устраивали, как правило, через неделю после сватовства в доме невесты.

Смотрины. Смотрины в различной социально-сословной среде протекали неодинаково. Они различались прежде всего по значению, которое придавалось этому событию: это определяло и состав участников, и особенности самой процедуры.

Так, в купеческой и зажиточной мещанской среде смотрины распадалась как бы на две части: знакомство жениха и невесты и «торг» свахи с отцом невесты. На смотринах присутствовали обязательно невеста со своими родителями, жених и сваха. Начинались смотрины с краткой молитвы, после чего троекратно обходили вокруг стола. Затем приступали к чаепитию, во время которого происходило знакомство жениха и невесты. В силу замкнутости образа жизни женщин, о которой говорилось выше, и в XIX в. иногда случалось, что это было их первое знакомство. После окончания чаепития отец невесты и сваха переходили в другую комнату, где совершался торг. Во время торга сваха договаривалась с отцом невесты о составе приданого и размере денежной суммы, даваемой за невестой. Обо всем, что должна была выторговать сваха, она заранее договаривалась с отцом жениха. Случалось, что свадьба задерживалась, а то и вовсе расстраивалась, если составленная роспись приданого или денежная сумма не соответствовала желанию сторон¹⁰⁶.

Столь же большую роль играло приданое и в дворянских свадьбах¹⁰⁷. Однако здесь обрядового торга не было. Опись приданого, включая движимое и недвижимое имущество с точным указанием размера денежного капитала и ежегодного дохода с него,

оформлялась в виде специального брачного контракта. Следует заметить, что и в феодальном городе описи приданого в виде различных «рядных записей», «рядных сговорных», «рядных приданных», «поступных записей», «рядных росписей приданого», так же как и расписки в получении приданого всего сразу или по частям, были важным свадебным документом главным образом среди богатых и знатных горожан, а также среди духовенства¹⁰⁸. В изданных собраниях юридических актов¹⁰⁹ имеется немало документов такого рода, относящихся к XVII — началу XVIII в. Все они в бытовом отношении чрезвычайно интересны, так как дают самое подробное описание того, что было выговорено за невестой, перечисляются даже такие мелочи, как «белильницы», «сурмильницы», «то, на чем ключи висят» и т. п.¹¹⁰

В семьях ремесленников, рабочих, мелких торговцев, поденщиков о приданом договаривались устно. Переговоры обычно велись в момент «сговора» («рукобитья») между отцом жениха и отцом невесты, а если у невесты не было отца — с матерью или старшим братом. Заметим, что как в городе, так и в деревне брат в случае необходимости обязан был взять на себя заботу о замужестве сестры и о ее приданом¹¹¹.

Тот факт, что у основной массы беднейших горожан отсутствовала письменная роспись приданого, объясняется не столько малограмотностью населения, сколько тем, что здесь приданое было гораздо меньших размеров и иного состава, чем в купеческих и дворянских кругах. В то же время приданое даже у беднейших горожан не было таким, как у крестьянства. В частности, приданое платье горожанки состояло не из предметов собственного рукоделия, а по большей части из покупной одежды. В приданое горожанкам давали также мебель, зеркала, граммофоны и прочие предметы городского быта¹¹².

Сравнительное изучение состава приданого в различных социальных группах, как и выяснение того, какую же роль оно играло в свадьбе горожан в целом, представляется нам важным и интересным. Оно дает возможность лучше понять общее и особенное в семейно-правовом положении женщины у различных социально-сословных групп дореволюционной России. Однако этот вопрос настолько же интересен, насколько и сложен, так как ранние источники не всегда дают сопоставимый материал по всем социальным группам. В этом случае могут оказаться полезными этнографические материалы середины прошлого века, хранящиеся в Архиве Русского географического общества, а также полевые материалы, собранные в городах средней полосы РСФСР и относящиеся к концу XIX — началу XX в.

На городских окраинах, а также в слободах сохранялась более традиционная форма смотрин, сходная во многом с той, которая бытовала в деревнях и селах изучаемого района. Так, в Калуге и Козельске независимо от того, кто выполнял функции сватовства, на смотринах обязательно присутствовали родители

жениха и невесты. В Ёльце и Ефремове на смотрины («глядешки»), кроме родителей жениха и невесты, приходила старшая сестра жениха или другая близкая родственница. Невеста в течение всего вечера была главным действующим лицом, сохраняя, однако, по традиционному обычаю молчание и переодеваясь в лучшие свои платья до трех раз. Соблюдался и обряд испытания невесты¹¹³. Иногда мать жениха спрашивала: «А ловка ли девка?». Тогда невеста брала веник и делала вид, что метет пол. В быту кустарей (вышивальщиц, кружевниц, вязальщиц, портних и т. п.) испытание невесты имело иной характер. Так, если невеста была кружевницей, то, чтобы показать ловкость, перекидывала из руки в руку коклюшки, а затем выносила кружева, сплетенные для венчального полотенца. Вышивальщицы Калуги показывали гостям вышитое невестой венчальное полотенце и другие предметы ее рукоделия.

Бытование у горожан обряда испытания невесты именно на смотринах можно было бы расценивать как результат перемещения и некоторой трансформации обрядовых действий, вызванных общей тенденцией изменения свадебного обряда. Нам же представляется, что существование этого обряда именно на смотринах во многом определялось специфическими условиями жизни и быта кустарей. Очевидно, проверять профессиональные навыки девушки, ее способности к ремеслу было бесполезным, так как женщина в среде городского пролетариата вынуждена была зарабатывать деньги своим трудом, чтобы подчас кормить не только себя, но и всю семью. С другой стороны, испытание невесты как часть знакомства с будущими родственниками в условиях города было важно из-за большей, чем в деревне, семейной замкнутости и разобщенности населения.

На смотринах сохранялся и другой традиционный обычай, по которому жених и его родители обязательно выходили в сени или на крыльцо, где обменивались мнениями о невесте, даже если они хорошо знали ее. После этого мать невесты подносила жениху стакан «медового питья». Если он выпивал весь мед, значит, невеста ему понравилась, в противном случае он лишь пригубил питье и возвращал стакан¹¹⁴.

Торг в этом варианте смотрин отсутствовал. Зато непременно оговаривались «невестины дары» для жениха и его ближайших родственников. Для жениха невеста должна была приготовить определенное количество рубашек, две пары белья, брюки, для матери жениха — ткань на платье, остальных родственников одаривала платками¹¹⁵. Как правило, все эти вещи невеста покупала в магазинах, а не шила сама, как это было в крестьянской среде¹¹⁶.

Смотрины в этой социальной среде начинались с чаепития. После того как договаривались о невестиных дарах, обычно переходили к выпивке, в которой принимали участие все присутствовавшие на смотринах, кроме жениха и невесты: им «не поло-

жено было в этот момент и глаз взрослым казать». Интересно также, что вино для выпивки обязательно приносил отец жениха. Последний обычай широко бытовал также в деревнях и селах изучаемого района.

В дворянских семьях смотрины происходили без каких-либо обрядовых действий. По этому поводу в доме невесты, как правило, устраивался званый обед. На нем присутствовали родители жениха и невесты, а также крестный отец жениха или его дядя. Если между семьями существовали давние дружеские связи, то приглашались и остальные домочадцы, включая сестер и братьев жениха.

У всех социально-сословных групп горожан, в том числе и у дворянства, смотрины по традиции завершались обрядовым молением и круговым обходом стола. В последнем действе принимали участие только родители невесты и родители жениха или сваха с его стороны. Этот обряд совершался без каких-либо посторонних наблюдателей и символизировал общее согласие продолжать начатое дело, после чего договаривались о дне сговора, который устраивали обычно через две-три недели после смотрин.

Сговор. В середине XIX — начале XX в. у горожан, как и у крестьянства, одним из самых важных моментов в предсвадебном этапе оставался сговор, который носил название помолвки, «образования» или рукобитья. Процедура сговора зависела от положения семьи.

В дворянских кругах по этому случаю в доме невесты давали бал с угощением. Приглашения в виде специальных билетов рассылались от лица старших членов ее семьи. Кроме родственников и друзей дома, на сговор обязательно приглашали почетных и влиятельных представителей городского светского общества. Отец невесты представлял собравшемуся обществу жениха и невесту, объявлял об их помолвке. Затем все присутствующие поочередно, по степени знатности и почетности, подходили к ним с официальными поздравлениями. По окончании поздравительной церемонии жених и невеста открывали бал вальсом. Как и в других сословиях горожан, в этот день жених дарил невесте кольцо с каким-либо драгоценным камнем. Обычай этот издавна имел широкое бытование в городе. Так, в научной литературе прошлого века говорится, что в княжеских и царских свадьбах кольцо обязательно входило в состав предбрачных даров невесте¹¹⁷.

В купеческой и зажиточной мещанской среде в день сговора происходило официальное знакомство родителей жениха и невесты, после чего совершалось благословение. В купеческих семьях жениха и невесту благословлял, как правило, священник. Он же присутствовал и при отдаче денежной части приданого; деньги передавал отец невесты отцу жениха сразу же после благословения. Такая роль священника в свадебном обряде сложилась, по-видимому, под влиянием церкви и прослеживается в русских городах по крайней мере с XVI в.¹¹⁸

У жителей городских окраин на сговоре обязательно присутствовали близкие родственники. Родители благословляли жениха и невесту иконой, затем происходил традиционный обмен хлебом и солью. После этого отец жениха и отец невесты поочередно отвешивали семь поклонов, ударяли друг друга по рукам и во всеуслышание обещали в согласии завершить начатое дело¹¹⁹. В Калуге и Козельске сговор чаще всего заканчивался «пропоем» невесты, который иногда продолжался и на следующий день: тогда приглашалась и дальняя родня. В зависимости от зажиточности крестьянской семьи «запой» могли длиться даже до двух недель.

В елецких слободах (Аргамач, Черная, Ламская), а также в бедных городских кварталах Ельца, Калуги и Ефремова в этот день сразу же после родительского благословения невеста выходила на крыльцо и, поклонившись семь раз по сторонам, сообщала собравшимся около ее дома соседям и подругам о том, что она окончательно просватана (сговорена), и называла при этом имя своего жениха. Объявление о помолвке встречалось подругами хлопаньем в ладони и ударами в медный таз¹²⁰. Вечером вся молодежь улицы собиралась у выгона, где парни и девушки играли в «догонялки» («горелки»), а жених угощал всю молодежь пряниками (обязательно медовыми), которые в особых формах пекла его мать. Заканчивалось веселье катанием на лошадях, украшенных бубенцами.

Таким образом, помолвка приобретала общественную огласку. Жених и невеста, кроме родительского благословения, получали общественную санкцию на брак. После помолвки отказаться от брака не могла ни одна из сторон.

Общераспространенной в городской среде была традиция завершать сговор, так же как сватовство и смотрины, хождением «круг стола». В обрядовом хождении на сговоре обнаруживается более широкий круг действующих лиц, чем на смотринах. Кроме родителей невесты и жениха, в обряде обязательно участвовали их духовные восприемники, т. е. крестные отцы и крестные матери. Во всех сословиях горожан на второй день после сговора совершался обряд вручения невесте «божьего милосердия», т. е. тех икон, которые позднее вместе с ее приданым отвозили в дом жениха. В их число входила и икона «родительского благословения». В обряде божьего милосердия, кроме невесты и ее родителей, принимали участие крестная мать и крестный отец, которые также благословляли ее иконой. Заметим, что иконы («божье милосердие») никогда не называли приданым, хотя они фактически входили в его состав. Даже в письменных актах¹²¹ надпись «роспись приданому» помещалась всегда после перечисления и описания икон, которые семья выделяла для дочери.

Церковное оглашение. Брачный «обыск». Большое значение в городе имело церковное оглашение¹²². По действующим канонам русской православной церкви желающий вступить в брак должен

был письменно или устно уведомить священника своего прихода «об имени своем, прозвании, чине или состоянии, ровно как и об имени, прозвании и состоянии невесты»¹²³. После этого священник в три ближайших воскресенья или в другие встречавшиеся между ними праздничные дни по окончании литургии объявлял прихожанам церкви имена желающих вступить в брак. Делалось это для того, чтобы установить, не существует ли каких-либо помех браку. Препятствием к браку могло служить, например, родство до определенного колена, свойство (кумовство или сватовство), отсутствие согласия (благословения) родителей или опекунов на брак и т. д.¹²⁴ Если невеста принадлежала к другому приходу, то оглашение совершалось и в ее приходской церкви. Затем священник выдавал невесте специальный «билет на женитьбу», в котором, помимо возраста, сословной принадлежности и семейного состояния невесты, указывалось, что она регулярно бывает на исповеди, «тайну причастия приняла и для вступления в брак препятствий по троекратному оглашению церкви никаких не объявлено». Такое же свидетельство заготавливалось священником для жениха и в случае необходимости выдавалось ему на руки¹²⁵. На основании этих документов и проведенного «предбрачного расследования» священник накануне или в день венчания составлял брачный обыск — особый письменный акт православной церкви, который заносился в специальную обыскную книгу. Однако архивные материалы второй половины XIX — начала XX в., относящиеся к делам Духовной консистории, свидетельствуют о том, что в жизни не всегда точно выполнялись церковные постановления о браке¹²⁶. Так, например, в привилегированном дворянском сословии встречалось немало браков в родстве и свойстве. В таких случаях священники могли совершать венчание лишь по специальному царскому разрешению. На практике письменное «высочайшее соизволение» на брак с грифом «секретно» приходило часто уже *post factum*¹²⁷.

Было немало случаев, когда священники, пользуясь своей властью, самовольно увеличивали плату за венчание¹²⁸, а иногда откровенно брали взятки, особенно за совершение «спешно петых браков», т. е. за венчание при различных неточностях в документах, без соблюдения троекратного оглашения и других мер предосторожности. Нарушения такого рода нередко приводили к появлению противозаконных браков (например, заключение второго брака при жизни первой жены или мужа)¹²⁹.

Девичник. Во второй половине XIX — начале XX в. девичник входил в состав свадебного цикла не у всех социально-сословных групп городского населения. Архивные материалы Русского географического общества убеждают нас в том, что в 50-х годах XIX в. девичник встречался в городах¹³⁰ главным образом у той части населения, которая по своим бытовым традициям была ближе всего к традициям крестьянства. Материалы, собранные в изучаемых городах, также свидетельствуют о социально-ограни-

ческой среде его бытования. В конце XIX — начале XX в. девичник был характерен лишь для обитателей городских окраин, в особенности для бывших сельских жителей и некоторых профессиональных групп (кружевницы Ельца, вышивальщицы Калуги), очевидно, в силу большей связи их с деревней. В этой среде традиционный девичник устраивали как обычно, накануне свадьбы. Для этого подружки невесты в складчину нанимали отдельное помещение, пекли там сладкие «клубцы» (печенье в виде перевитых одно с другим колец) и угощали парней, которые в свою очередь приносили им баранки, пряники, леденцы, орехи и т. п.

На девичниках в Калуге была обязательной наряженная елочка как символ невестинной «красоты». После девичника елочка становилась собственностью жениха, и он уносил ее домой. В связи с этим заметим, что свадебное деревце, символизирующее девичью красоту, являлось одним из характерных элементов среднерусской, южнорусской и украинской свадеб. У елецких кружевниц «красота» часто представляла собой белое полотенце с кружевной прошивкой, которую делала сама невеста. Иногда невесту на девичнике покрывали этим полотенцем. После окончания девичника самая близкая подружка невесты дарила «красоту» жениху, говоря при этом: «Была «красота» наша веселая да игривая, теперь будет ваша. Любите ее так же, как мы ее любили, живите с нею так же дружно, как мы жили». Жених брал полотенце, прятал его за пазуху, кланялся и уходил в сопровождении друзей¹³¹.

Таким образом, в этой среде встречались различные варианты обряда с традиционной символической «красотой», широко бытовавшие среди крестьянского населения. Однако следует отметить, что в изучаемых городах на девичнике свадебные обрядовые песни и причитания, темой которых было прощание невесты с родителями, подругами, вольной жизнью и девичьей «красотой», в конце XIX в., по нашим сведениям, уже не исполнялись. Отсутствовали и традиционные для девичника монологи и диалоги между подругами и невестой, подругами, женихом и его друзьями, и т. д.

Основным музыкальным инструментом в данном случае была гармоника, под которую парни и девушки пели с приплясыванием большое количество частушек. Нередко на девичнике устраивали игры в «короли», «фанты», «испорченный телефон» и др.

Сравнительное изучение архивных и полевых материалов приводит нас к выводу, что к началу XX в. традиционная обрядовая схема девичника в изучаемых городах в целом заметно упростилась и во многом приблизилась к обычному праздничному веселью городской молодежи. Этот вопрос представляет значительный интерес и требует в дальнейшем более глубокой разработки.

Перевоз постели и приданого. В городском свадебном обрядовом цикле, так же как и в крестьянском, важным моментом был

перевоз накануне свадьбы приданого и постели невесты в дом молодых. В социально-неоднородной среде дореволюционного города эта часть свадебного обряда сопровождалась у различных групп населения своими специфическими обычаями и отличалась по составу действующих лиц.

Так, в купеческой среде приданое перевозили женщины, которых возглавляла сваха-профессионалка¹³² или тетка невесты (предпочтительно — старшая сестра матери). Из мужчин к этому делу допускались только «мужики-ломовики», нанятые для переноски тяжелых вещей. Перевозили приданое обязательно на пяти крытых подводах. Этот поезд называли «постельным». В первой подводе везли икону и самовар, около которого сидел мальчик — «блюдник» и держал в руках поднос с огромной головкой сахара, украшенной лентой, и пачкой чая, завернутой в шелк; во второй подводе везли серебряную с позолотой солонку, которую держала в руках крестная мать, и фарфоровую посуду; третья подвода предназначалась только для перевозки постели невесты (пуховой перины, двух стеганых атласных одеял, двух летних одеял, четырех подушек больших, четырех маленьких, шести простыней, шести пододеяльников, двух праздничных занавесок к кровати и т. д.). На четвертую укладывали плюшевый ковер и мебель. Наконец, в пятой повозке ехала тетка невесты, а иногда и мать, которая везла роспись приданого. Там же сидела сваха, державшая в руках живую индюшку, украшенную ленточками и чепчиками.

Встречала приданое мать жениха или его старшая сестра (обязательно замужня). Той, которая встречала постельный поезд, полагалось дарить материю на платье, а сваха вручала ряженую индюшку. Случалось, что мать жениха принимала приданое строго по росписи, проверяя каждую вещь¹³³. «Парадную постель», как правило, стелила для молодых тетка или сваха. В средних слоях купечества, так же как и у жителей городских окраин и слобод, существовал обычай класть под перину яйцо (вареное или деревянное расписное), «чтобы у молодых детки родились». Прятали его туда тетка жениха или сваха, в зависимости от того, кто из них стелил постель молодым. Яйцо находилось под периной новобрачных три ночи, т. е. тот срок, во время которого, как считалось, невеста «теряла девичью чистоту». Только на четвертый день молодая могла убрать его оттуда¹³⁴. Деревянное яйцо¹³⁵ она заворачивала в венчалную рубашку и хранила среди своих вещей, а вареное — рубила на мелкие кусочки и кормила домашнюю птицу.

В данном случае мы сталкиваемся с пережиточным сохранением в сознании горожан очень древнего и общераспространенного представления о яйце как символе плодородия и обновления жизни.

В среде городского мещанства и крестьянства, как уже указывалось выше, приданое не достигало таких больших размеров.

Часто его без особой торжественности перевозили на одной подводе, а иногда просто переносили на руках. Зато перевоз постели в дом жениха сопровождался здесь обилием игровых моментов: выкуп постели, пляска свахи с ряженой курицей, пение эротических частушек и разные игры¹³⁶, характерные для традиционного крестьянского свадебного цикла. Сохранились и традиционные названия участников этой церемонии. Так, в Козельске и на окраине Калуги среди лотошников, кузнецов, вышивальщиц постель отвозили женщины — «перовые»; в Ельце и Ефремове в тех же группах их называли «приданками», а сваха, возглавлявшая поезд с приданым, повсюду называлась «постельной» свахой.

Что касается дворянства, то здесь перевоз приданого и постели невесты не сопровождался какими-либо публичными обрядовыми действиями. В этом сословии встречался, пожалуй, единственный, чисто православный обряд совместного уединенного моления на образа невесты и ее матери. Выполнялся он обычно сразу же после отъезда поезда с приданым от дома невесты. Этот обычай имел широкое распространение также в купеческой и мещанской среде. У крестьянского населения, как известно, в момент отъезда поезда с приданым и постелью невеста, окруженная подругами, произносила свои очередные обрядовые причитания.

Обрядовое печение. Одним из важных звеньев подготовки к свадьбе было приготовление ритуального печения. В середине XIX — начале XX в. у русского крестьянского населения изучаемого района встречались два вида свадебного обрядового хлеба — каравай и курник. Оба эти хлеба имели круглую форму, но различались по способу приготовления. Каравай выпекался из кислого ржаного или пшеничного теста, а курник — из пресного. Иногда внутрь курника запекали яйца в скорлупе, а сверху украшали куриной головкой из теста¹³⁷. Возможно, поэтому хлеб и получил название «курник». Области распространения курника и каравая не совпадали. Каравай широко бытовал у сельского населения Тульской, Орловской, Курской, Воронежской и других южнорусских губерний. Курник был более распространен по окраинам Рязанской и Тамбовской губерний и вообще преобладал в северных и центральных русских губерниях. Распространение этих обрядовых хлебов на определенных территориях несомненно связано с этнической историей русского народа, его расселением в данном районе.

В городах в середине XIX в. курник и каравай встречались главным образом на свадьбах ремесленников, мелких торговцев, лотошников, лавочников, а также в тех социальных группах населения, которые поддерживали связь с сельскими родственниками. В этой среде городского населения нередко выполнялись и другие очень древние обычаи и обряды, связанные с приготовлением и выпечкой свадебных хлебов. Так, например, в г. Чернь свадебный каравай готовили только замужние женщины (родст-

венницы). При этом они совершали ряд традиционных обрядовых действий, сопровождая их особыми хвалебными каравайными песнями: «Валю, валю каравай, с руки правой на левую, на богатую сторону, взойди, наш каравай, выше печи каменной, выше столба точеного, выше колечка позолоченного» и т. д.¹³⁸

Полевые материалы, собранные в г. Ельце и относящиеся к началу XX в., фиксируют остатки другого варианта этого обряда: «Каравай сажали в печь мужик с бабой из соседнего дома. Когда каравай вытаскивали из печи, бабы (только замужние.— Г. Ж.) плясали и пели ему хвалебные песни»¹³⁹.

В середине XIX — начале XX в. в свадьбах дворян, купцов и зажиточных мещан обычаи и обряды, связанные с приготовлением и выпечкой ритуальных хлебов (каравая, курника), отсутствовали. В этой социальной среде хлеб выполнял обрядовую функцию, пожалуй, только в момент благословения жениха и невесты и при встрече новобрачных из церкви. На свадебный же стол горожане подавали больших размеров «свадебные фигурные пряники» («печатные пряники»), украшенные изображениями птицы сирина, рыб, а также традиционными солярными мотивами. Вокруг свадебного фигурного пряника совершались обрядовые действия, аналогичные тем, которые в этот момент разыгрывались крестьянством вокруг каравая или курника. В литературе встречаются высказывания о древнем, даже дохристианском, происхождении свадебного пряника¹⁴⁰. Нам кажется, что этот вопрос требует уточнения. Вместе с тем состав продуктов и способ приготовления фигурного пряника¹⁴¹ свидетельствуют о том, что его появление тесным образом связано с развитием городского ремесла и торговли. Материалы по русской крестьянской пище показывают, что в быт деревенского населения пряник вошел только как особый вид городского лакомства, а не как обрядовое печенье.

В городах же без него не обходился ни один праздничный стол. Его подносили гостям в прощенное воскресенье и в день ангела, на крестинах и на свадьбах. Поэтому свадебный фигурный пряник можно рассматривать как особую форму обрядового печения, вероятно более характерную для городского быта. Однако в конце XIX в. в связи с дальнейшим развитием в городах кустарной пищевой промышленности пряник был вытеснен свадебным тортом, который изготовлялся специально для этого случая в кондитерских. На этих изделиях появляются и новые изобразительные мотивы, такие, как пара голубков, сердце и иные украшения и надписи.

Таковы в основном обычаи и обряды предсвадебного этапа, совершавшиеся во второй половине XIX — начале XX в. горожанами. Как мы могли убедиться, все они, выполняя важную организационно-хозяйственную функцию, имели ясно выраженную ритуализированную форму, в которой строго фиксировались время, место и состав действующих лиц.

СВАДЬБА

Обычаи и обряды в доме невесты и в доме жениха перед венцом. Пожалуй, самым важным из всех происходящих в день свадьбы обрядов горожане считали венчание, которое в деревенской свадьбе не играло такой доминирующей роли, а зачастую просто терялось среди обилия обрядов, совершавшихся как до, так и после него. По городскому обычаю в день венчания жених присылал невесте через сваху или свою тетку шкатулку, в которой лежали фата, восковые цветы, венчальные свечи, обручальные кольца, набор гребенок, духи, иголки, булавки и т. п. Этот обычай был известен горожанам издавна. В XVI в. даже в высших сословиях жених обязательно присылал невесте ларчик, в котором, кроме всего прочего, как символ его будущей власти лежала еще и плетка¹⁴²⁻¹⁴³. Однако Георг Корб, побывавший в России в 1698 г., утверждал, что плетку жениху собственноручно вручал отец невесты. При этом он, обращаясь к дочери, произносил следующие слова: «... помни, если ты должным образом не угодишь своему супругу, он вместо меня будет наказывать тебя этой плеткой...»¹⁴⁴. Жених обязан был принять плетку и заткнуть себе за пояс¹⁴⁵. Однако русские источники не фиксируют такого варианта обряда. Вполне возможно, что иностранец допустил некоторые неточности и преувеличения, передавая содержание виденного им обряда. Ошибка эта довольно типична в описаниях иностранцев того времени. Но даже в этом случае нам важен сам факт упоминания иностранцем плетки как символа подчиненного положения женщины в семье и обществе. В купеческой среде, где в семейных отношениях особенно ярко выражалось личное подчинение жены и детей домохозяину — отцу и мужу, этот устрашающий атрибут встречался в свадьбах и в более позднее время.

Купцы, крупные чиновники, дворяне покупали для невесты дорогие резные шкатулки с музыкальными замками. Те, кто победнее, дарили простые деревянные, а на окраинах городов шкатулку обычно делал из бересты сам жених.

После того как приносили шкатулку, тетка невесты — «снарядиха» — начинала одевать ее к венцу. Она же причесывала невесту, делая так называемую греческую прическу¹⁴⁶. В дворянских семьях специально для этого приглашали парикмахера. У горожан сохранялся традиционный обычай, согласно которому невесту обувал «свадебный отрок» (младший брат или другой ее близкий родственник). В купеческих семьях невесте вкладывали в туфельку золотой. Среди дворянства, крупного чиновничества и ориентирующегося на их быт богатого купечества свадебный отрок не только обувал собиравшуюся к венцу невесту, но и подавал ей на серебряном подносе перчатки и фату, провожал до свадебной кареты, нес за ней шлейф и т. д. В дворянской свадьбе для большей пышности и торжественности часто назна-

чали двух свадебных отроков. При этом следили, чтобы рост, внешний вид и одежда у них были одинаковыми. Это, вероятно, перешло из дворцового быта, где шлейф царицы несли два пажа¹⁴⁷. В мемуарах, записках и дневниках, оставленных современниками (XVIII—XIX вв.), можно найти немало сведений о том, как сильно была развита зрелищно-демонстративная сторона в домашнем быту царской семьи и дворянства, а также о том, какое влияние она оказывала на нравы других сословий¹⁴⁸.

В традиционном крестьянском ритуале большую роль играли обереги, в качестве которых выступали самые разнообразные предметы: лук, чеснок, мак, рыболовная сеть, шерстяные нитки, иголки, колокольчики и т. п. Некоторые из них использовались как обереги и в свадьбах горожан. Так, в среде городского простонародья для того, чтобы «уберечь невесту от дурного глаза», в подол ее венчального платья обязательно вкалывали иголки. Для этой же цели в дверной косяк дома, где будет проходить свадебное веселье, вкалывали крест-накрест две крупные иголки или таким же образом вбивали два гвоздя. В быту городских ремесленников существовали и другие виды оберегов. Здесь невеста, одеваясь к венцу, в качестве оберега от порчи прикалывала к нижней юбке кусочек своей первой вышивки или обвязывалась вокруг талии пояском первого своего плетения¹⁴⁹. Этот обычай существовал и в некоторых других городах. Так, например, в г. Лихвине невесту, собиравшуюся к венцу, опоясывали «учебной пряжью», т. е. тем, что она напярла самостоятельно в первый раз¹⁵⁰. По народному поверью считалось, что эта пряжа, как и другие изделия ремесла, впервые выполненные девушкой без посторонней помощи, обладала особой силой, способной уберечь ее от порчи и исцелить в случае болезни.

Представление о том, что какие-то предметы могут оказывать влияние на судьбу человека, встречалось и в других социально-сословных группах городского населения. Например, амулеты или, как их чаще называли, талисманы были очень распространены в дворянском быту. Здесь существовала традиция, по которой в день церковного оглашения мать передавала дочери «с глазу на глаз» какой-либо талисман, который обязательно находился у невесты в момент венчания. Ладанки, привески, перстни с печаткой часто становились семейными реликвиями и передавались из поколения в поколение вместе с легендами об их чудесной силе. Иногда это были очень дорогие ювелирные изделия, и тогда они входили в состав фамильных драгоценностей. Однако к ним никогда не относились, как к украшениям в обычном понимании. Их функции были шире. Даже тогда, когда семье угрожало разорение, эти предметы не решались продавать или закладывать на время, а стремились во что бы то ни стало сохранить в семье.

В изучаемый период у всех социально-сословных городских групп при одевании жениха к венцу сохранялась традиционная

роль дяди (по материнской линии). Дядя вкладывал в правый ботинок или сапог жениха монету¹⁵¹. В купеческих семьях в этот момент он также вручал жениху плетку, о чем уже говорилось.

Почти у всех социальных групп горожан широкое распространение имел (в деревнях он вообще не встречался) так называемый обряд «о пяти приборах». Этот обряд совершался отдельно как в доме жениха, так и в доме невесты. В нем принимали участие только пять человек: мать, отец, жених (невеста), сваха или тетка, шафер (дружка). Примерно за час до отъезда к венцу накрывали стол на пять приборов. Родители благословляли иконой жениха (невесту), затем совершалась круговая церемония: все обходили вокруг стола, после чего приступали к легкой закуске. Если учесть, что жениху и невесте, по обычаю, полагалось воздерживаться от еды за свадебным столом, то станет ясна и рациональная бытовая функция этого обряда.

Известно, что в крестьянской свадебной обрядности большую роль играли обычаи, связанные с приездом свадебного поезда жениха в дом невесты, преграждение дороги женихову коню, запираание ворот, «продажа» ворот, откуп места для жениха около невесты и т. п. Интересными действиями сопровождался, по обычаю, и отъезд свадебного поезда в церковь: плач подруг невесты, троекратный обезд или обход дружкой свадебного поезда, многократное щелканье кнутом, выстрелы в воздух из ружья и некоторые другие поступки были не чем иным, как обрядами предохранительной (апотропейной) магии. Невеста и жених, как правило, ехали к венцу одним свадебным поездом, но на разных подводах. Обычно дружка со своими «полудружками», или «подружьями», украшал свадебный поезд цветами и обязательно «колокольцами», чтобы их звон отпугивал нечистую силу.

По городской же традиции жених и невеста ехали в церковь разными поездами и порознь. Вероятно, поэтому в быту горожан отсутствовали обычаи и обряды, связанные с приездом свадебного поезда жениха. Невеста ехала в пролетке или карете в сопровождении свахи или тетки, за ними в коляске ехали девушки — «проводчатки», вслед за ними — шаферы невесты и мальчик — «светчий». В его обязанности входило нести перед новобрачными свечу, когда они будут трижды обходить аналой¹⁵². В дворянских свадьбах вместе с шаферами ехали два свадебных отрока, которые, как уже было сказано, входили в состав свиты невесты. Жених со своими шаферами и друзьями приезжал раньше и ждал невесту около церкви. Шаферами обычно бывали холостые парни, они держали в церкви венцы над четой¹⁵³. Такой свадебный чин существовал у всех социальных групп горожан. Наши полевые материалы свидетельствуют о том, что иногда роль шафера выполняли девушки, которых называли шаферицами¹⁵⁴. Этот новый свадебный чин, по-видимому, развился из древнего чина дружки¹⁵⁵.

В деревнях и селах изучаемого района шаферов называли полудружьями, поддружьями или прислужниками, помощниками — они были в непосредственном подчинении у дружки, без которого не обходилась ни одна деревенская свадьба. В городе чин дружки встречался лишь на окраинах и в слободах, но и здесь он почти не играл своей традиционной роли.

Венчание. Церемония венчания была парадной и торжественной. Богатые горожане старались нанять для церковного обряда лучший хор певчих. Так, в Калуге дворянство и именитое купечество часто приглашали хор архиерейских певчих. Горожане сходились смотреть на церковное венчание, как на красивое зрелище. Поэтому нередко на венчальную церемонию богатых горожан гостей приглашали по специальным пригласительным билетам, что до какой-то степени ограничивало наплыв посторонних лиц. Любопытная публика обычно оставалась на паперти, заступая вход в церковь. Родители новобрачных, по давней традиции, в церковь не ездили, а указ Петра I от 5 января 1724 г. «по поводу принужденных браков» даже запрещал им под страхом строгого наказания присутствовать в церкви в момент венчания¹⁵⁶.

Возможно, рациональное соображение о принуждении детей к браку сыграло свою роль в складывании традиционных представлений народа об обрядовых функциях родителей во время свадьбы. В XIX в., как и в древности, отсутствие родителей при венчании воспринималось всеми социальными слоями как норма обрядового поведения.

По городской традиции, если свадьба совершалась весной или осенью, путь молодым от церкви до свадебного поезда устилали цветами; покупали их тут же у цветочниц или у мальчишек, которые притаскивали к церкви вороха полевых цветов. В купеческих свадьбах для жениха и невесты обязательно стелили ковровую дорожку от поезда до церкви. Через паперть и всю церковь, до самого аналая, расстилали атласную или бархатную дорожку, по которой жених вел невесту; на ней же они стояли и во время венчания. Обычай стелить под ноги жениха и невесты дорогие ткани издавна бытовал среди богатых горожан¹⁵⁷. Обряд венчания включал целый ряд традиционных моментов: чтение священником молитвы, церковное песнопение, благословение общей чаши, троекратное вкушение из нее новобрачными разбавленного водой вина, возложение священного покрова и венцов на голову жениха и невесты, соединение их рук, хождение вокруг аналая, обмен обручальными кольцами и т. д.¹⁵⁸ Многие из перечисленных обычаев вошли в чин венчания в глубокой древности. У русских обряд с обручальными кольцами появился, по-видимому, в результате принятия и постепенного распространения христианства. Однако этот обряд раньше проник в княжеско-боярскую среду. Основная масса народа — крестьяне и рядовые горожане, как известно, и в XII в. продолжали заключать

браки без церковного венчания и без священников¹⁵⁹. Вместе с тем памятники древнерусской письменности свидетельствуют о том, что в XIII—XIV вв. обручальное кольцо («обручительный пьрстень») получило уже более широкое социальное распространение и вошло в бытовую лексику русского народа¹⁶⁰. В этнографической литературе прошлого века встречается упоминание о том, что в простонародной среде жениху полагалось иметь золотое обручальное кольцо, а невесте — из любого другого, менее дорогого металла, как знак ее зависимости от мужа¹⁶¹.

Церковное венчание включало и другие, вероятно, не менее древние, обычаи: это — хождение новобрачных вокруг аналоя и «сокрушение общей чаши»¹⁶² (разбивание сосуда, из которого новобрачные пили церковное вино). Однако этот последний обычай в XIX в., как правило, уже не выполнялся.

В данной работе мы не ставим перед собой задачу подробно анализа церковного венчания, хотя этот вопрос сам по себе чрезвычайно интересен, особенно с точки зрения выявления в ритуале венчания древних языческих элементов, освоенных христианством и принявших культовый характер.

После венчания все возвращались к свадебному поезду, который к этому времени уже был украшен цветами, лентами и колокольчиками. Дворянство и крупное купечество специально для этого случая приобретали валдайские колокольчики, которые славились своим красивым звуком. Мы не можем пока твердо сказать, существовал ли в городской свадьбе определенный чин, в обязанности которого входило украшать свадебный поезд¹⁶³. Очевидно, когда-то существовал, так как наши экспедиционные материалы указывают на то, что в конце XIX в. в купеческих свадьбах сохранялся обычай, согласно которому поезд непременно украшала дальняя родственница со стороны жениха, в то время как у дворянства, крупных чиновников и богатых горожан это делал кучер за дополнительную плату. У городской же бедноты поезд украшал дружка (если он фигурировал в свадьбе), но чаще это делали мальчишки той улицы, где жили жених или невеста, за что они могли прийти и посмотреть «бал».

Для крестьянского свадебного поезда, согласно обычаю, обязательно брали чужих лошадей, число которых могло быть разным, но непременно нечетным. В городе существовала эта же традиция. Даже богачи, имевшие свои конюшни, для свадебного поезда старались нанять чужих лошадей.

Свадебный поезд, возвращаясь из церкви, сначала проезжал по центральным улицам, затем объезжал город по кругу и только после этого направлялся в дом, где будет бал. Такие традиционные названия, как «пир», «свадьба», встречались редко. Но и термин «бал» горожане заимствовали из бытовой лексики дворянства сравнительно поздно. Во всяком случае, в XVIII — начале XIX в. даже столичное купечество в отличие от дворянства не называло свадьбу балом и не устраивало его в день свадьбы.³ Это считалось

грубым нарушением традиции. Состоятельные купцы назначали бал всегда в какой-нибудь другой день, а те, кто имел меньший достаток и нравы попроще, обходились совсем без него¹⁶⁴, ограничиваясь «весельем» в день свадьбы. Постепенно картина изменилась. В середине XIX — начале XX в. у всех социально-словных групп городского общества свадебное веселье называлось не иначе, как балом, и сам характер праздника во многом отличался от традиционного свадебного веселья.

Свадебный бал (пир, свадьба). Дворянство устраивало свадебный бал, как правило, в своих городских особняках, но иногда гостей приглашали в загородное имение, особенно если оно располагалось неподалеку от города. Наиболее богатые мещане, купцы и крупные чиновники нередко устраивали бал в ресторане. Те же самые социальные группы, но с меньшим достатком устраивали бал дома. Иногда для обслуживания приглашали из ресторана официантов. На окраине города, среди малоимущих слоев простонародья, бал (пир, свадьба) происходил обычно в доме жениха или, в случае необходимости, нанимали отдельную избу.

В каком бы помещении ни происходило свадебное празднество, возвратившихся из церкви молодых встречали родители жениха. Отец держал образ, а мать — каравай хлеба и серебряную солонку¹⁶⁵. Молодые, по обычаю, кланялись родителям, принимали благословение и поочередно трижды целовали отца и мать. По окончании этой церемонии раздавалась музыка. В богатых семьях для этого нанимали оркестр, на окраине же города обычно на крыльцо или около дома ставили граммофон и заводили пластинки.

Материалы, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что в городе, как правило, отсутствовали обычаи и обряды, характерные для этого момента крестьянской свадьбы: встречать молодых в вывернутой шубе (шубу обычно надевала мать жениха, реже — сваха), обсыпать молодых хмелем, расстилать у входа в дома «потник» или белый холст и т. д. В городе вместо традиционного осыпания зерном или хмелем¹⁶⁶ в молодых, возвратившихся от венца, мать жениха, а затем и все участники «поздравлений» бросали денежную мелочь. В результате такого осыпания могла собраться довольно значительная сумма денег, которая отдавалась молодым. Отметим также и то, что в богатой купеческой среде момент осыпания молодых и поднесения подарков постепенно приобрел для свадебных гостей престижное значение. Каждый участвующий в обряде, чтобы публично показать свое материальное благополучие, стремился «бросить больше другого денег на поднос», который специально для этого случая держал стоявший около новобрачных мальчик-блюдник. В этом случае зрительно-эмоциональное содержание обряда было несколько беднее, оно отражало не столько религиозно-магические воззрения горожан, сколько их рациональные взгляды на жизнь. В традиционной крестьянской свадьбе мы не встречаем ни маль-

чика-блюдника, ни какого-либо другого лица, выполнявшего его функции. Осыпание деньгами, вероятнее всего, в городской купеческой свадьбе — остатки древнего свадебного чина, идущего еще от Домостроя, предписывавшего горожанам осыпать молодых, помимо хмеля, еще и специально заготовлявшимися для этого золочеными монетами¹⁶⁷. Вероятно, дальнейшее развитие обряда осыпания и появление такой формы одаривания молодых, как выкладывание денег на поднос, в условиях хозяйственного быта города существенным образом изменили его содержание, значительно снизив магическую функцию, какую имело в древности осыпание зерном и «золотом». Реальное назначение подноса с деньгами (теперь — бумажными) и определило появление мальчика-блюдника как необходимого и конкретно действующего лица.

Широкое бытование в городе у разных слоев населения имел традиционный обычай, по которому молодых, приехавших от венца, трижды обводили вокруг стола¹⁶⁸. В свое время Е. Г. Кагаров отмечал, что обход новобрачных вокруг стола является редуцированной формой обхода вокруг очага в целях приобщения жены к домашнему очагу мужа¹⁶⁹. Возможно, что именно этот момент в дохристианской свадьбе являлся одним из главных, сложился на основе определенных религиозно-магических воззрений и отражал нормы древних, дохристианских семейно-брачных обычаев. Разумеется, в результате длительного социального и культурного развития первоначальный смысл хождения «круг стола» был забыт. В XIX в. этот обычай сохранился в свадьбах горожан лишь как определенный стереотип ритуального поведения их участников.

В елецкой слободе Аргамач в конце XIX в. встречался чрезвычайно интересный обычай, по которому после встречи молодых свекровь подводила невестку к печке, та дотрагивалась до устья, затем свекровь показывала ей, где лежат ухваты и стоят горшки, а в это время родня обращалась к свекрови с вопросом: «Что своей невестке откажешь?». Та отвечала: «Одонье ржи, да сама нажни, голову мне чеши, за водой ходи, избу мети, а сор из избы наружу не выметай»¹⁷⁰. Игровым характером этого обычая прикрыт, вероятно, все тот же древний и вполне серьезный смысл: приобщение невестки к домашнему очагу мужа, а также наставление, как надо вести себя в новой семье.

Традиционным в городской свадьбе был обычай «поздравлений новобрачных». Заключался он в том, что молодые угощали поочередно всех присутствующих «игристым» вином и кусочком медового пряника, а те в свою очередь целовали молодых, поздравляли с законным браком, а затем одаривали их, складывая на специальный поднос подарки. В архивных материалах Русского географического общества встречаются упоминания о том, что «за здравие молодых» пили не игристое французское вино, а так пазываемую тройку¹⁷¹. На поднос ставили три сосуда, наполнен-

ные вином, медом, брагой. Тому, кто подходил с поздравлениями, новобрачная наливала в бокал понемногу из каждого сосуда. Вероятно, поэтому питье и получило название «тройка». В связи с этим отметим, что в середине прошлого века мед как особый ритуальный напиток еще часто встречался в семейных обрядах горожан. Его, как мы помним, подавали в момент смотрин (глядешек). Он обязательно фигурировал среди прочих напитков на свадебном столе горожан. Однако в конце XIX — начале XX в. древние ритуальные напитки почти полностью вытесняются из обрядовых и праздничных трапез горожан промышленными вино-водочными изделиями.

Пряник, от которого молодая отрезала по кусочку для каждого из гостей, был, как и тот, который подавали на свадебный стол, больших размеров. Часто на нем изображались дерево, птица, тогдашний герб России — двуглавый орел или солнце.

В елецких слободах во время поздравлений вместо пряника угощали куском каравай, что являлось специфическим элементом в южнорусском свадебном обряде. В целом обряд поздравлений, нам кажется, представляет социально-модифицированную форму традиционного обряда «сыр-каравай» («сыр-дары»), широко бытовавшего у крестьян южнорусских губерний России¹⁷².

В изучаемых городах в среде городского простонародья после завершения поздравительной церемонии свекровь почти всегда уводила новобрачных на некоторое время в отдельную комнату, где они немного отдыхали. В этот момент на колени молодой непременно сажали свадебного отрока, чтобы у нее первым родился сын. На этом ритуальные функции свадебного отрока не заканчивались. Как мы увидим в дальнейшем, он еще несколько раз был участником обрядов, совершавшихся вокруг новобрачных в день свадебного праздника.

Во всех сословиях горожан свадебное веселье открывалось вальсом молодых. Если же повобрачные не умели танцевать, то они просто под музыку обходили гостей по кругу, после чего начиналось угощение чаем и сладостями.

В богатых домах, как мы говорили выше, гостей обслуживали официанты. У горожан победнее, разного рода ремесленников, мелких торговцев, рабочих-поденщиков, чаем обносила мать того из молодых, у кого происходил бал. Столы с закусками и вина обычно стояли в одной комнате, которую в этот день называли «буфетной», а танцевали в другой. Естественно, что у бедных горожан танцы и угощение происходили чаще всего в одной комнате, просто столы расставляли около стен, освобождая таким образом центр комнаты для танцев.

Если чай с различным вареньем, сдобным печеньем и конфетами был обязательным угощением на свадебном балу у всех горожан, то десерт (как правило, он состоял из жареного миндаля, фисташек и фруктов) являлся традиционным элементом свадебного меню дворян, купцов, чиновников и зажиточных ме-

щан. Подавали десерт, как правило, в 12 часов ночи. У средних слоев горожан сохранялся очень древний обычай кормить новобрачных курицей. Если в древности курицу уносили к постели молодых, то теперь их кормили тайно от всех перед ужином. В этот момент рядом с повобрачной опять сажали свадебного отрока. Ужин обычно начинался около трех часов ночи, и на него оставались лишь немногие. Однако в дворянских семьях придерживались традиции устраивать ужин в более раннее время. Здесь кушанья подавались строго по карте свадебного угощения, которую заранее вкладывали вместе с описанием распорядка торжества в пригласительный билет¹⁷³ каждого гостя.

Разумеется, в зависимости от социальной среды, материального уровня свадебный ужин, как и предшествующие угощения, устраивался с различной степенью пышности. Особенно контрастными были различия в угощениях у буржуазно-дворянской верхушки и городской бедноты. Вместе с тем в подборе некоторых блюд для свадебного стола обнаруживаются общие моменты. Так, у всех городских сословий ужин, по традиции, начинался с холодных кушаний — буженины, прошипованной чесноком, и окорока, к которому непременно подавали зеленый («турецкий») горошек. В бедных слоях городского населения (у мелких ремесленников, лотошников, поденщиков, разносчиков и т. п.) часто покупали свиную голову, готовили из нее домашним способом холодец, который и подавали первым к свадебному столу. Следует заметить, что жареный или отварной поросенок, так же как и различные изделия, приготовленные из него, издавна входил в состав обрядовой пищи не только у русских, но и у других народов¹⁷⁴ (например, в Прибалтике). В литературе установилось мнение о том, что съедание свиного мяса в момент рождественско-крещенской трапезы и во время некоторых народно-календарных праздников имело магическое значение. Оно должно было обеспечить плодородие, богатство, благополучие в жизни человека¹⁷⁵.

Вероятно, такую же обрядовую функцию выполняли когда-то кушанья из свиного мяса и в свадебных пиршествах русских. Однако в изучаемый период эти прежде широко бытовавшие ритуальные блюда в городской среде в отличие от крестьянской¹⁷⁶ сохранились лишь как традиционный праздничный вид еды.

К свадебному столу горожане обычно подавали несколько видов рыбного и мясного заливного. Среди них особую, вероятно обрядовую, роль играло заливное из куриных потрошков. Этим кушаньем сначала угощали новобрачных, и только потом передавали его остальным участникам свадебной трапезы. В связи с этим напомним, что по народным повериям курица¹⁷⁷, так же как и яйцо, заключала в себе скрытые силы, способные оказывать положительное влияние на чадородие. Поэтому она издавна выполняла карпогонические функции в свадебных обрядах не только крестьянского населения, но и горожан.

Как мы могли убедиться, даже в конце XIX в. в среде городской бедноты сохранялся древний обычай тайного кормления молодых курицей. Считалось, что, съедая мясо курицы, новобрачные приобщаются к ее плодовитости. Такой же смысл первоначально лежал и в обычае подавать к свадебному столу горожан жареную или вареную курицу (гуся или индейку)¹⁷⁸. При этом на свадьбах ремесленников, мастеровых и слободского населения (Калуга, Козельск) встречался чрезвычайно любопытный игровой обычай. Заключался он в следующем: дружка, угощая гостей курицей, называл ее обычно любимым женским именем и при этом расписывал ее «достоинства и красоту» (пример персонификации.— Г. Ж.). Содержание его речей имело эротический смысл, а иногда сопровождалось обрядовым сквернословием. Затем дружка обращался к молодым и желал им родить столько же деток, сколько вывела цыплят эта курица, при этом называлась любая, но обязательно гиперболизированная цифра¹⁷⁹. Такую же смысловую направленность имела и обрядовая пляска свахи с разряженной курицей в момент выкупа постели невесты в доме жениха. Все вышеизложенное объясняет, очевидно, и тот факт, что живая курица нередко входила в состав приданого невесты¹⁸⁰.

В городе, так же как и в деревне, сохранялся древний обычай подавать на свадебный стол первое горячее блюдо. Основная масса горожан для этого случая варила традиционную куриную лапшу. У дворянства, богатого купечества, крупного чиновничества на свадебный стол часто подавали раковый суп, к которому полагались подовые пирожки и слоеный паштет¹⁸¹. Однако эти кушанья к собственно обрядовой пище русского народа не имели никакого отношения. В конце свадебного пиршества у горожан было принято подавать большой круглый яблочный пирог. В богатых семьях его обычно ели с густо взбитыми сливками. Надо сказать, что появление пирога в свадебной трапезе горожан связано с давней и сильно развитой в их быту традицией выпекать пироги по самым различным поводам¹⁸².

Однако ужин считался оконченным и гости могли расходиться только после того, как пирожник вносил и ставил на стол свадебный пряник. В конце XIX в. его часто заменяли тортом, который также символизировал окончание свадебного пиршества.

Хорошо известно, какую большую роль играли в традиционной русской свадьбе (XVI—XVII вв.) обычаи и обряды, связанные с проводом молодых к их брачному ложу. Некоторые из них — «мягчение постели молодым», шуточное «привязывание молодых к кровати» и т. п.— встречались у крестьян и в конце XIX в.¹⁸³ Символический смысл этих обрядов был направлен на укрепление связи между молодыми. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать вывод о том, что во второй половине XIX — начале XX в. обычаи такого рода для горожан не были характерны. Только на городских окраинах, и то главным образом у бывших сельских жителей, встречался

обычай, по которому свадебный отрок со сватьей и дружкой провожал молодых до брачной постели и трижды ударял ладошкой по подушкам¹⁸⁴. Исследователи относят символические действия такого рода, так же как и сажание свадебного отрока на колени молодой, к семильной и контагиозной магии, направленной на то, чтобы у молодых первым родился сын.

Что касается традиционной свадебной обрядовой поэзии, то она представлена в ритуале горожан слабо. В городской свадьбе в отличие от крестьянской мы не обнаружили традиционного жанрового многообразия народных песен, синкретически связанных с обычаями и обрядами. Так, например, у населения изучаемых городов полностью отсутствовали свадебные причеты, исполнявшиеся в крестьянской среде невестой, родными и подругами в период с момента просватанья до отъезда невесты к венцу. Не обнаруживаются и собственно свадебные лирические песни, которые пелись хором в разные моменты в течение всего свадебного цикла. В то же время «величальные», шуточные «корильные» песни, сопровождавшие свадебное застолье, встречались главным образом у городского крестьянства. Однако большей популярностью в этой среде пользовались различного рода плясовые песенки и припевки, которые исполнялись обычно в свадебный день и на послесвадебных гуляньях. К концу XIX в. эти жанры свадебной поэзии вытесняются частушкой. В изучавшихся городах обнаруживаются две основные формы частушек — четырехстрочные и двухстрочные (страдания — Калуга, Козельск, елецкий, матаня — Елецк, Ефремов). Они пелись обычно с припеком и под гармонь. Особенно много шуточных частушек исполнялось во время свадебного гулянья в среде ремесленников, рабочих, мелкого торгового люда, лотошников и т. д.

На свадьбах зажиточного мещанства, купечества и разночинной интеллигенции пели главным образом городские песни, модные в то время «жесткие романсы», а также песни и романсы литературного происхождения. Чрезвычайно популярным было сольное пение в сопровождении гитары. Как известно, сольных песен в традиционном крестьянском обряде вообще не было¹⁸⁵. У дворянства, крупного чиновничества, богатого и влиятельного купечества не было принято петь, сидя за свадебным столом. Для танцев и пения отводились особое время и место. Нередко устраивались специальные свадебные концерты с участием профессиональных артистов.

Таким образом, в середине XIX — начале XX в. у социальной верхушки городского общества песенно-музыкальное сопровождение свадебного празднества имело совсем мало общего с народной обрядовой традицией. Оно сложилось и развилось под сильным влиянием профессионального искусства в соответствии с нормами общественного поведения и светского этикета.

ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

*Обычай и обряды второго дня*¹⁸⁶. На следующий день после свадебного торжества горожане, по традиции, приглашали только близких родственников. У зажиточного мещанства и купечества во время устраивавшегося в этот день свадебного обеда молодая одаривала своих новых родственников. С подноса, который держал повобрачный, она брала подарки и поочередно подносила их сначала свекру и свекрови, затем золовкам и деверьям, а потом уже всем остальным. Дары состояли из шелковых и шерстяных отрезков ткани, больших шелковых и кашемировых головных платков, бисерных кисетов, табакерок и т. п. Все эти вещи в описываемый нами период были фабричного производства, заранее покупались невестой. Состав даров (кроме, разве, кисетов и табакерок, появившихся в XVIII в.) был традиционен для городской среды. Естественно, стоимость подарков во многом определялась материальным уровнем родительской семьи повобрачной. Нередкими были также случаи, когда девушки из малоимущих мещанских семей уходили на заработки с тем, чтобы собрать деньги на приданое и дары¹⁸⁷.

Что касается высшего сословия — дворянства, то еще в XVIII в. обычай публичного подношения даров и отдаривания на свадьбах не только был обязательным, но и имел ярко выраженное престижное значение¹⁸⁸. В изучаемый период в среде дворянства и крупного чиновничества, согласно общераспространенным бытовым нормам семейно-брачных отношений, молодая также всегда делала подарки своей новой родне. Однако обычай их публичного подношения уже перестал входить в состав свадебной обрядовой схемы этих социально-сословных групп.

У обитателей городских окраин и в начале XIX в. сохранялся обычай бить «горшки», который, как и в крестьянской среде, выполнялся на второй день свадьбы. Бытовали и некоторые традиционные обрядовые действия, связанные с публичным оглашением невинности невесты. Так, например, на окраине Калуги дружка, разбудив молодых, выходил к родственникам с бутылкой вина, к которой был привязан красный бумажный цветок, если невеста — девственница, или белый, если она таковой не была¹⁸⁹. Надо сказать, что в свадебных обрядах многих народов, в том числе и у восточных славян, красный цвет являлся признаком свадебного торжества, если невеста оказывалась целомудренной. Иногда ветка красной калины, воткнутая в волосы повобрачной или прикрепленная к ее одежде, служила призывом ко всеобщему веселью¹⁹⁰.

На окраине городов ни одна свадьба не обходилась без ряженных. Ряжеными обычно бывали дальние родственники, которые разыгрывали сценки, часто носившие эротический характер. Тот же смысл был заложен и в тексты частушек и припевок, которые исполнялись в этот момент. Наряжались обычно медведями,

баранами, надевали одежду противоположного пола, рядились горбунами, врачами, попами. На окраинах Ельца, в слободах Аргамач, Черная, Ламская чаще одевались цыганами. Иногда ряженые отправлялись «потехи ради» на центральные улицы, где их тотчас окружали толпы зевак и ребятишек. Однако ряженые никогда слишком долго не задерживались в центре города, так как боялись околоточных надзирателей, которые могли их забрать «за бесчинство» в полицейский участок и, что еще хуже, оштрафовать. В связи с этим нельзя не упомянуть о том, что в XVI—XVII вв. в города и села неоднократно рассылались указы, предписывавшие всем православным, чтобы они «на улицах и в полях и во время свадеб бесовских песен не пели бы, по ночам не плясали и в ладони не били и скоморошные платья и личины (маски.— Г. Ж.) не накладывали». Виновников предписывалось бить батогами и даже ссылать¹⁹¹. Однако, несмотря на это, ряженье, как один из любимых видов народного фарса, продолжало встречаться на свадьбах и других празднествах простонародья и в XIX в.

В быту всех социально-сословных групп города существовал в модифицированной форме традиционный обычай ходить на другой день свадьбы в гости к матери молодой с «именным тортом молодых». Торт с именами молодых и их родителей заранее заказывали в кондитерских. К сожалению, никаких характерных традиционно-обрядовых действий, связанных с приходом молодого к теще, в изучаемых городах выявить не удалось. Этим визитом молодых обычно заканчивался в городе первый послесвадебный день.

Визитная неделя. В дворянских, купеческих и богатых мещанских семьях на следующий (второй после венчания) день начиналась так называемая визитная неделя. В течение семи дней (а иногда и дольше) родственники молодого приходили с визитами к новобрачным, которые устраивали по этому поводу традиционное угощение — чай со всевозможными сладостями и десерт.

В средних слоях мещанства и купечества, где быт был попроще, а материальный достаток не слишком большой, угощение для чая и десерта расставляли на одном столе. У дворянства, крупного чиновничества и ориентирующегося на их быт богатого купечества обычно сервировали два стола — один для чая, другой для десерта. На столик для десерта ставили большие вазы с фруктами и разнообразные вазочки с белым и черным изюмом (кишмиш), урюком, финиками, инжиром (винная ягода), орехами — кедровыми, грецкими, фисташками, миндальными и т. д. В купеческих семьях в центре стола нередко лежала головка сахара, украшенная лентами, та самая, которую везли в постельном поезде. К чаю подавали варенье нескольких сортов (земляничное, вишневое, смородиновое), дорогое печенье и пастилу.

Визит длился не менее двух часов, во время которых проис-

ходило как бы более близкое знакомство с молодой. Открывали визитную неделю по обычаю крестная мать и крестный отец жениха, которые приходили к молодым в первый день и приносили дорогие подарки. Остальные родственники приходили в последующие дни, строго соблюдая очередность в зависимости от степени родства, и также приносили подарки.

В дворянской и чиновничьей среде в течение первой недели молодые обязательно рассылали «рекомендательные письма» новым родственникам и друзьям, которые не смогли почему-либо приехать на свадебный бал и лично познакомиться с ними. Обе стороны придавали этим письмам серьезное значение; по ним обычно составляли первое представление об уме, образованности и светскости новых родных и друзей¹⁹². В этих же деловых кругах, а также у богатого купечества по окончании родственных визитов начинались церемонные визиты вежливости молодых супругов к почетным и влиятельным лицам городского общества. Эти визиты длились не более 10—15 минут и носили формальный, почти официальный характер¹⁹³.

Из всего сказанного видно, что послесвадебный период в зажиточной городской среде был более продолжительным, чем у ремесленников и мелкого торгового люда. В значительной мере это можно объяснить особенностями культурно-бытового уклада дворянско-чиновничьих кругов и богатой буржуазии, а также низким материальным уровнем средних и бедных горожан, не позволявшим дополнительно тратить средства и время.

Вместе с тем обычаи послесвадебного периода у горожан — дворянства, купечества и мещанства — в целом не были адекватны традиционному крестьянскому. В большинстве случаев они имели ярко выраженный светский характер и выполняли иную социальную функцию. Что же касается непосредственно визитной недели, то возникает предположение, что этот обычай был в какой-то мере заимствован купечеством и богатым мещанством из иной, дворянско-чиновничьей среды, стоявшей на более высокой ступени социальной лестницы старого города. Стремление быть «благородными» проявилось, вероятно, и здесь.

* * *

Мы постарались дать по возможности полную картину свадебного обрядового цикла, бытовавшего во второй половине XIX — начале XX в. в городах средней полосы Европейской России — Калуге, Ельце, Козельске, Ефремове.

Опыт изучения городской свадьбы приводит нас к выводу о том, что на развитие свадебных обычаев и обрядов в городе большое влияние оказала социально-культурная неоднородность его населения. Поэтому в типологической основе городского свадебного комплекса, помимо локальных отличий, связанных с особенностями этнической среды отдельных городов, обнаруживаются

черты, обусловленные особенностями образа жизни различных социальных групп городского населения. Именно эти черты определяют ярко выраженную и устойчивую специфичность обряда в городе. Здесь мы подходим к важнейшим вопросам, ответить на которые еще предстоит: о социальной природе городского свадебного обряда, а также о его роли и значении в домашней и общественной жизни горожан. В ходе исторического развития в городе, с одной стороны, формировались свои обычаи и обряды, с другой — происходила вторичная «социализация» крестьянских свадебных традиций, которые перерабатывались и приспособлялись к иным условиям быта и психологии горожан.

Одним из важнейших явлений общественно-экономического развития страны было начавшееся еще в эпоху феодализма усиление значения городов¹⁹⁴. Городское население все шире включалось в сферу производства и потребления новых духовных ценностей. Оно вносило объективно новые идеалы и представления в литературу и зодчество, формировало новые моральные, эстетические нормы и вкусы¹⁹⁵.

В процессе социально-экономического развития росла противоположность между городом и деревней, усиливались и культурно-бытовые различия между социальными группами, в то же время господствующие слои все сильнее обособлялись в бытовом отношении и в общественной жизни от народной массы. Все это определенным образом отражалось и на судьбе национального свадебного ритуала в целом. В нем отчетливее, особенно после петровских реформ в области экономики и культуры, стала проявляться социально-сословная дифференциация. Постепенно сословные различия в свадебном обряде горожан настолько усилились, что начали доминировать над локально-этническими различиями¹⁹⁶. Однако социальные моменты в свадьбе, сложившиеся и развившиеся на основе определенных культурно-исторических традиций народа, не утрачивали до конца этнической специфики, и это становится особенно заметным, когда обряд «попадает» в инациональную среду. В этом случае социально-разграничительные моменты в обряде могут выступать уже как этноопределяющие признаки.

В середине XIX в. в свадебном ритуале горожан обнаруживаются такие общие и специфические черты, которые заметно отличают его от традиционного крестьянского и позволяют говорить о своеобразных общественно обязательных традиционно-городских формах свадебной обрядности, а также о ее социальной многовариантности.

Духовная и бытовая разобщенность городского населения, а также свойственная дореволюционному городу социальная топография в свою очередь закрепляли локальные различия в обряде, создавали своего рода социальные барьеры, во многом препятствовавшие смешению и взаимопроникновению отдельных вариантов. По мере того как свадьба «удалялась» от центра к

городским окраинам, к подгородным слободам и сельским поселениям, исчезали четкие границы вариантов, в свадебном обрядовом цикле все больше появлялось традиционных крестьянских черт. Отмеченное своеобразие городского свадебного обряда сохранилось и в период капитализма, чему в известной мере способствовали относительно медленная эволюция свадебных традиций, замкнутость и консервативность семейного быта. И все же, вероятно, начиная с 80-х годов XIX в.¹⁹⁷ — в связи с известной демократизацией общественной и культурной жизни России происходят заметные изменения в социальных отношениях, семейном быту, в привычках и нравах горожан. С этого времени усиливается и межсоциальная диффузия свадебного ритуала, что приводит, с одной стороны, к разрушению в нем социально замкнутых вариантов, к трансформации, перемещению и выпадению некоторых обрядовых моментов, с другой же — к возникновению и развитию разного рода инноваций¹⁹⁸. В результате такого двойственного воздействия нарушалась традиционная последовательная связь между свадебными действиями, чинами и их обрядовыми функциями, изменялся и упрощался состав свадебного цикла. Процесс этот был общим. Однако в провинциальных городах он протекал, по-видимому, значительно медленнее, чем в промышленных городах России, а тем более в столицах — Петербурге и Москве.

В изучавшихся нами городах на рубеже XIX—XX вв. у основной массы городского населения все еще продолжали бытовать традиционные формы свадебной обрядности. При всем многообразии и разнородности свадебных обычаев и обрядов горожан отчетливо выделяются такие, которые встречались у всех социально-сословных групп города и которые можно рассматривать как общегородские. К ним относились обычаи начинать сватовство, смотрины, сговор, а также свадебное застолье с традиционного чаепития; присылать через посредников невесте в день венчания «женихову шкатулку» с венчальными принадлежностями и другими дарами; ехать жениху и невесте в церковь разными поездами и порознь, а возвращаться обратно в общем свадебном поезде; забрасывать путь новобрачных от церкви до свадебного поезда цветами; празднично украшать поезд лишь после венчания; трижды объезжать свадебным поездом город по кругу; встречать молодых музыкой, а также устраивать послесвадебные визитные недели, во время которых происходило дальнейшее поочередное знакомство родственников с новобрачными и вручение молодым «родственных даров».

Существовала и общая, специфически городская терминология обрядовых действий, отражавшая определенную хронологическую и социальную динамику ритуала. Так, празднество в день свадьбы называлось не иначе, как балом, который открывался вальсом молодых. Последний появился в ритуале не ранее первой половины XIX в. Он, так же как и термины «бал», «визитная неделя», «па-

радный сговор», «десерт» и т. п., был заимствован городским простонародьем из быта более высоких социальных классов и групп. Кроме того, у всех горожан торт, который на второй день свадьбы присылали или приносили новобрачные теще, назывался тортом молодых. Интересно, что в современной городской свадьбе торт молодых и бал как традиционные названия продолжают сохраняться. Общим в городе был и порядок угощения на балу: сначала чай и сладкое, затем десерт и лишь после этого ужин.

Наряду с общегородскими традициями выделяются и такие, которые наблюдались лишь в ритуале некоторых сословий, например постельный поезд у купцов со строгой регламентацией действующих лиц и установленным порядком в распределении приданого по подводам и обязательной его описью или встречавшийся в купеческой и богатой мещанской среде обычай торга свахи с отцом невесты (в день смотрины) о составе приданого и размере денежной суммы, даваемой за невестой.

Обнаруживаются и другие социально-разграничительные моменты. Так, типичным для дворянского сословия был обычай писать послесвадебные рекомендательные письма или рассылать гостям свадебные приглашения в виде особых именных билетов и карточек. В последних указывались имена и сословная принадлежность жениха и невесты, название церкви, в которой будет совершаться обряд бракосочетания, час венчания, а также адрес (дома, квартиры, ресторана или имения), где будет происходить свадебный бал. Эта традиция, развившаяся, очевидно, под влиянием дворцового этикета, у дворянства постепенно стала бытовой, а позднее проникла в среду крупного чиновничества и богатого купечества.

Некоторые свадебные обычаи были распространены только в определенных социально-профессиональных группах городского населения. Например, обычай проверять во время смотрины способность девушки к ремеслу, так называемое испытание невесты, встречался лишь в быту кустарей, в основном у вышивальщиц, кружевниц, вязальщиц, портных и т. п.

Сопоставление городского и сельского свадебного циклов, бытовавших в изучавшихся районах, показало, что такие моменты, как сватовство, смотрины, сговор (помолвки, рукобיתье, образование), сохранялись в городе независимо от социально-сословной среды. Все они выполняли важную организационно-хозяйственную функцию, в то же время сговор сохранял свое традиционнопредельное значение и в ритуале горожан. После его заключения ни одна из сторон обычно не могла отказаться от свадьбы. Обе семьи считались в таком случае скомпрометированными. Пострадавшая сторона могла потребовать возмещения затрат, связанных со свадебными приготовлениями.

Можно также констатировать, что в изучаемый период девичник, пропой, битье горшков, хождение ряжеными, игравшие такую важную роль в традиционной крестьянской свадьбе, встре-

чались преимущественно у слободского населения и жителей городских окраин, особенно в семьях, которые поддерживали семейные связи с сельскими родственниками. Другие традиционные моменты, характерные для крестьянской свадьбы, — заставы, раскрытие («вскрывание») невесты, малый стол, баня, отводины, обсыпание хмелем — в свадьбах горожан в исследованных нами городах также уже не встречались. Отсутствовал и обряд «окручивания молодой» (расплетение девичьей косы на две и надевание женского головного убора). Исчезновение его, возможно, было связано с тем, что в городе раньше, чем в деревне, сложился и распространился недифференцированный комплекс женской одежды, представлявший некий вариант общеевропейской одежды. Единственным внешним знаком, отличавшим замужнюю горожанку от девушки, оставалось обручальное кольцо.

Кроме того, у горожан, как правило, отсутствовали обычаи и обряды, связанные с приготовлением и выпечкой свадебных хлебов (каравай, курник). Хлеб здесь сохранял свои обрядовые функции, пожалуй, только в момент благословения жениха и невесты и при встрече новобрачных из церкви.

Можно выделить и некоторые локальные особенности традиционной свадебной обрядности в городах. Например, обычай публичного оглашения девственности невесты и все связанные с этим обрядовые действия, бытовавшие на окраинах Калуги и Козельска, не зафиксированы в Ельце и Ефремове. «Красную красоту» в Калуге и в Козельске символизирует елочка, а в Ельце — белое полотенце с прошвой.

Если сохранение таких традиционных моментов, как битье горшков и хождение ряжеными, было общим для окраин всех изучаемых городов, то в обычае рядиться цыганами мы усматриваем специфику, характерную только для окраин Ельца и заимствованную, видимо, из южных великорусских губерний — Брянской, Орловской, Курской и Тамбовской, где это было широко распространено.

В ритуале горожан обнаруживаются и некоторые традиционные названия свадебных чинов, сложившиеся в разные исторические периоды и связанные с определенными их функциями, — дружка, сваха, поезжане, сват, свадебный отрок, мальчик-блюдник, повозник, постельная сваха, приданки, перовые, прянишник, пирожник, шафер и т. п. Некоторые из них, такие, как сват, мальчик-блюдник, прянишник, пирожник, шафер, возникли, несомненно, в условиях городского быта, а затем проникли в крестьянскую свадьбу, где постепенно закрепились как традиционные чины¹⁹⁹.

Сравнительное изучение чинов и их функций в городской и крестьянской свадьбе на более широком материале может не только внести ясность в вопрос социального детерминирования обрядовой терминологии, но и показать, в какой мере и в каком направлении шел межсоциальный обмен свадебными традициями.

Решение этих вопросов в свою очередь даст возможность лучше представить соотношение этнического и социального в русском национальном свадебном комплексе.

Большое значение в общетеоретическом и историко-бытовом плане имеет вопрос о роли и соотношении магических, религиозно-церковных и эмоционально-развлекательных элементов в свадебном обрядовом комплексе горожан. Мы коснемся лишь некоторых сторон этой важной и сложной проблемы. Так, опыт изучения городской свадьбы показывает, что в середине XIX — начале XX в. магические обряды, столь характерные для деревенской свадьбы, занимали в городах незначительное место среди других свадебных обычаев и обрядов и встречались, как правило, в пережиточных формах. Многие аграрно-магические обряды, входившие в состав древнерусского свадебного ритуала, в условиях города фактически не имели почвы для распространения. Эти обряды сложились на основе общинно-земледельческого быта и с развитием городского образа жизни мало-помалу теряли смысл. Их первоначальные функции постепенно забывались, и они либо вытеснялись, либо срастались с обрядами иного рода. Это был чрезвычайно сложный и длительный процесс. Определить четко хронологические рубежи его трудно. Например, такие карпогонические обряды продуцирующей магии²⁰⁰, как устройство постели новобрачной в хлеве или в подклети, размещение у изголовья брачного ложа кадок с зерном, осыпание новобрачных зерном или хмелем и т. д., обязательно совершались на свадьбах у всех социальных слоев России с древнейших времен вплоть до середины XVII в.²⁰¹ Однако как в опубликованных описаниях, так и в архивных материалах Русского географического общества, характеризующих свадебные традиции горожан середины XIX в., мы не встретили даже единичных упоминаний о подобных обрядах. Следовательно, их постепенное и окончательное исчезновение из свадебного ритуала горожан произошло в период, который охватывает конец XVII — начало XIX в.

Что касается синдиасмических (соединительных) обрядов брачной магии, то многие из них и в конце XIX в. продолжали входить в состав свадебного комплекса горожан. Во всех социально-сословных группах горожан независимо от их культурно-бытового уровня сохранялись такие обряды, как скрепление рук жениха и невесты, кормление молодых, пригубливание новобрачными вина из общего сосуда, троекратный обмен рюмками молодых во время свадебного пира, публичные поцелуи новобрачных и гостей и т. д. Образная система этих обрядов, как известно, должна была в символической форме запечатлеть хозяйственное и эмоциональное единение супругов, вхождение их в тесный круг родственников.

Не менее широкое распространение в городской среде получили обряды, направленные на обеспечение новой семье материального благополучия и деторождения, которые, как известно,

типичны для свадебного обряда у многих народов мира. Однако у русских горожан в отличие от крестьянства свадебные обряды такого рода бытовали в социально трансформированных разновидностях.

Рассмотренные материалы еще раз убеждают нас в том, что конкретная социальная среда играет важную роль в формировании и историческом развитии, в частности, в изменении внешних форм и содержания свадебных обычаев и обрядов. Так, в условиях хозяйственного быта горожан в традиционном обряде осыпания произошла предметная замена — зерно было постепенно вытеснено деньгами. Различное социальное развитие получили и обрядовые функции свадебного отрока. Этот чин в среде городского простонародья фактически играл ту же обрядово-магическую роль, что и мальчик в крестьянской свадьбе, а именно: его на некоторое время сажали на колени новобрачной, как было сказано, в первый раз сразу же после ее приезда от венца, затем в момент кормления молодых и т. д. Совершенно иную роль играли свадебные отроки в ритуале дворянства, крупного чиновничества и ориентирующегося на их быт богатого купечества. Входя в состав брачной свиты невесты, они выполняли функции пажа. Присутствие этого чина в свите невесты и поведение мальчиков-пажей были направлены лишь на то, чтобы усилить эмоционально-развлекательную сторону брачного церемониала, его зрелищный эффект.

Однако на рубеже XIX—XX вв. в свадьбах горожан можно было встретить отголоски и весьма архаичных форм карпогонических обрядов. Сюда прежде всего относились такие обычаи, как класть под перину молодых яйцо (вареное или деревянное), кормить их курицей, подавать к свадебному столу птицу и разыгрывать вокруг нее сценки эротического содержания и т. п.

В свадебном ритуале горожан обряды кругового хождения занимали видное место и выполняли разнообразные функции. Такие моменты, как сватовство, смотрины, сговор, непременно завершались хождением «круг стола», что свидетельствовало о благополучном исходе начатого дела и общем согласии его участников. В городе, помимо обрядов «полного образования», как мы видели, широко бытовал обычай тоекратного хождения новобрачных «круг стола». Однако эти обряды кругового хождения по своему происхождению не имеют ничего общего с круговым объездом свадебным поездом города. Этот обычай развился у горожан в результате усиления церемониально-показной стороны свадебного ритуала, которая должна была публично демонстрировать богатство и знатность семей, поднимать престиж одного сословия перед другим. В условиях города демонстративная сторона свадебных обычаев и обрядов настолько разрасталась, что часто выполняла социально-разграничительную функцию в ритуале горожан.

Что касается колокольчиков и бубенцов в свадебном поезде горожан, то их апотропеические функции были забыты. В конце XIX в. никто из городского населения не относился к этим предметам как к оберегам, а считали их тем украшающим атрибутом, который должен был придавать свадебной процессии особую праздничную веселость и усиливать эмоциональное воздействие на непосредственных ее участников и на посторонних наблюдателей. Вместе с тем мы имели возможность убедиться, что некоторые другие обереги (амулеты, талисманы) в городской свадьбе, так же как и в крестьянской, продолжали играть свою традиционно-обрядовую роль.

У городского населения сохранялось также пережиточное, суеверное отношение к некоторым дням недели и числам, что нашло отражение и в свадебных традициях. Напомним, что постные дни — среда и пятница, как и число тринадцать, считались неблагоприятными для брака, а потому их избегали. Однако к другим нечетным числам такого отрицательного отношения не было. Напротив, у горожан было принято подавать на свадебный стол нечетное количество праздничных кушаний, составлять из нечетного количества цветов свадебные букеты для жениха и невесты, даже число лошадей в свадебном поезде новобрачных могло быть разным, но обязательно нечетное. Наконец, обращают внимание такие обычаи, как «семь поклонов» и стол «о пяти приборах», которые не были характерны для крестьянской свадьбы.

У нас сложилось впечатление, что нечетное число в свадебных обычаях и обрядах горожан выполняло более важную обрядовую функцию, чем в крестьянских. В связи с этим встает интересный и фактически не изученный вопрос о роли числовой магии не только в свадебном ритуале, но и в праздничной и повседневной бытовой жизни русского народа. В данной работе мы, естественно, не ставим цель подробно останавливаться на этой проблеме.

Изучая городскую свадьбу, нельзя не обратить внимание на то, что в ней, как и в крестьянской свадьбе, обнаруживаются следы двоеверия народа. Однако церковно-христианские наслоения в ритуале горожан были выражены значительно сильнее, что объясняется специфическими условиями жизни городского населения.

Как убеждают нас этнографические материалы, в городе многие элементы церковной обрядности и церемонии не только росли с древней языческой основой свадебных обычаев и обрядов, образовав при этом сложные формы, но и развились в самостоятельные обряды с точной регламентацией действующих лиц. Для этих обрядов в свадебном ритуале горожан были отведены определенное место и время. Так, например, широко бытовал у горожан (а у сельского населения как самостоятельный обряд вообще не встречался) обряд вручения невесте «божьего милосердия» (икон).

У горожан существовал и другой чисто церковный обычай — совместная молитва невесты и ее матери накануне дня венчания и утром, перед отъездом невесты в церковь. Наконец, обращает на себя внимание и то обстоятельство, что бытовое отношение к обряду церковного венчания в городах и деревнях было различным. В изученных нами городах самым важным и основным брачным обрядом горожане считали церковное венчание, которое в деревенской свадьбе просто терялось среди обилия древних традиционных обычаев и обрядов, совершавшихся как до, так и после него. В деревнях в отличие от городов даже в начале XX в. по нормам обыденной жизни одного церковного венчания было недостаточно, чтобы признать брак заключенным. Здесь брак, как правило, санкционировался коллективом соседей, общиной только после свадебного пира — «веселья».

Мы коснулись лишь некоторых общих и частных проблем изучения дореволюционных свадебных обычаев и обрядов горожан, выделив те из них, которые нам представляются особенно характерными для русского городского свадебного обряда XIX — начала XX в. в целом. Как нам кажется, без освещения этих проблем нельзя ответить на многие вопросы бытования и степени живучести свадебных традиций в разных социальных группах нашего общества, а также определить их роль в процессе формирования новых, советских обрядов и их место в современной общественной и семейной жизни народа.

¹ Россия: Полное географическое описание нашего отечества /Под ред. В. П. Семенова и под общим руководством П. П. Семенова и акад. В. И. Ламанского. СПб., 1899, т. 2, с. 165.

² Города России в 1904 г. СПб., 1906, с. 390.

³ См., например: Памятная книжка Орловской губ. за 1892, 1893, 1894, 1898, 1899, 1900, 1901 гг. Орел, 1892—1894, 1898—1901; Памятная книжка Тульской губ. за 1893, 1894, 1895, 1896 гг. Тула, 1893—1896.

Панкратова А. М. Пролетаризация крестьянства и ее роль в формировании промышленного пролетариата России (60—90 годы XIX в.).— Ист. зап., 1955, т. 54, с. 197.

⁵ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 95, 394; д. 110б, л. 488; Краткий очерк торговой и промышленной деятельности Калужской губ. Калуга, 1898, с. 5.

⁶ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 112, 340; д. 110б, л. 448; д. 110 в, л. 44.

⁷ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 200.

⁸ *Вусович Ю. А.* Методико-топографическое описание города Калуги. Калуга, 1929, с. 62, 64.

⁹ АИЭ, ф. 1, д. 110в, л. 114, 115, 372.

¹⁰ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 249.

¹¹ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 653.

¹² Города России в 1910 г. СПб., 1914, с. 219, 365.

¹³ В середине XIX в. русские составляли четыре пятых всего населения Европейской России (см.: Военно-статистический сборник. СПб., 1871, вып. IV, с. 96).

¹⁴ Городовое положение с принадлежащими к оному узаконениями с 1785 по апр. месяц 1817 г. СПб., 1817.

¹⁵ *Делягин И. И.* Устройство и управление городов в России. Ярославль, 1877, т. 2, с. 327.

¹⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. СПб., 1901, т. 15, ч. 2, с. 2—3; СПб., 1904, т. 29, с. 2—3; СПб., 1904, т. 44, с. 2—3.

¹⁷ Дилатин И. И. Устройство..., т. 2, с. 327.

¹⁸ Первая Всеобщая перепись..., т. 15, ч. 2, с. 2—3; т. 29, с. 2—3; т. 44, с. 2—3.

¹⁹ Почетное гражданство (потомственное и личное) было учреждено в 1832 г. В 1857 г. почетные граждане составили в Калуге 0,7%, а к концу XIX в. на их долю приходилось уже 2% всего населения города (Вусович Ю. А. Медико-топографическое описание..., с. 185).

²⁰ Первая Всеобщая перепись..., т. 15, ч. 2, с. 2—3; т. 29, с. 2—3; т. 44, с. 2—3.

²¹ Первая Всеобщая перепись..., т. 15, ч. 2, с. 2—3; т. 29, с. 2—3; т. 44, с. 2—3.

²² Города России в 1910 г., с. 270.

²³ Первая Всеобщая перепись..., т. 15, ч. 2, с. 2—3; т. 29, с. 2—3; т. 44, с. 2—3.

«Обыск» — особый письменный акт православной церкви, совершаемый перед венчанием. Под обыском должны быть подписи священника, свидетелей, жениха и невесты. К обыску прилагался ряд документов, в которых имелись сведения о возрасте, происхождении и сословной принадлежности вступающих в брак (ГАТО, ф. 3, оп. 2/13, д. 500, л. 1—27 — Предбрачные документы Новокрасносельской церкви. г. Тула. Обыскная книга г. Тулы 1885 г.).

АИЭ, ф. 1, д. 110ж, л. 89. Автором составлено более 30 таблиц, характеризующих частоту браков между горожанами, принадлежавшими к различным сословиям, как в целом, так и по возрастам жениха и невесты за период 1877—1918 гг. Не имея возможности поместить их в данной книге, мы постарались ввести в текст наиболее важные результаты подсчетов автора. — *Примеч. ред.*

²⁶ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 286.

²⁷ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 133, 533.

²⁸ ГАТО, ф. 3, оп. 1/5, д. 862, г. Тула, 1850 г.

²⁹ ГАТО, ф. 2, оп. 2, д. 18, г. Тула. В документе сведения относятся к 1880 г. Здесь важно еще и то, что права семьи определялись сословным положением ее главы, а крестьяне в городе, как сказано выше, были в наихудшем правовом положении. — *Примеч. ред.*

³¹ Дворяниться — ломаться на барский лад, корчить из себя дворянина, барина (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 1, с. 424).

³² Мы присоединяемся к взглядам по этому вопросу, развиваемым А. Г. Харчевым (*Харчев А.* Быт и семья как категории исторического материализма. — В кн.: Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970, с. 12—13).

³³ Полное собрание законов Российской империи: Свод законов гражданских. СПб., 1909, т. X, ч. 1, ст. 3, с. 2.

³⁴ См., например: Статистический Временник Российской империи. СПб., 1872. Вып. 8; 1875. Вып. 10; 1877. Вып. 12; Первая Всеобщая перепись..., т. 15, ч. 2, с. 10—11; т. 29, с. 31; т. 44, с. 32.

³⁵ Метрические книги по г. Ефремову за 1874, 1884, 1904, 1907, 1908, 1917, 1918 гг. хранятся в Государственном архиве ЗАГСа Тульской обл. в г. Тула.

³⁶ Следует различать: 1) абсолютный брачный возраст, т. е. тот, в который заключается наибольшее число браков; 2) средний брачный возраст, вычисляющийся путем деления суммы возрастов всех вступающих в брак на их общее количество; 3) вероятный брачный возраст — тот, в который заключается половина всех браков (см. об этом подробнее: *Янсон Ю. Э.* Сравнительно-статистические этюды: Русские данные о браках. — В кн.: Знание. СПб., 1873, т. 13, № 7—8, с. 235).

³⁷ Определенная ограниченность имеющихся в нашем распоряжении статистических данных позволяет рассматривать поднимаемые вопросы лишь относительно абсолютного брачного возраста.

³⁸ В данном и в последующих случаях, говоря о возрастной разнице супру-

гов, имеем в виду лишь ту, которая возникла при первичных браках. Повторные браки давали, как правило, большую разницу в возрастах, чем указана нами.

³⁹ Большая семья у горожан отмерла еще в XVIII в.— *Примеч. ред.*

⁴⁰ АИЭ, ф. 1, д. 110в, л. 262.

⁴¹ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 531.

⁴² О морских офицерах см.: Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений святейшего правительствующего синода (с 1721 по 1901 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания (Сост. С. В. Калашников. Харьков, 1890, с. 22; АИЭ, ф. 1, № 110а, л. 564—565, 571).

⁴³ У крестьянства средней и восточной частей Европейской России основное количество браков заключалось как мужчинами, так и женщинами до 20 лет (см.: Статистический Временник..., вып. 8, табл. Хб, с. 378). Любопытно также отметить, что крестьянство, живущее в городах, постепенно утрачивало традицию ранних браков. Абсолютный брачный возраст мужчин и женщин у городского крестьянства приближался к тому, который был характерен для мещанского сословия. Заметим, что масленица в отличие от других народных праздников не получила христианского осмысления. Церковь рассматривала этот праздник, с его обрядовыми действиями, с неудержимым разгулом и весельем, как «бесовский».

⁴⁵ В некоторых местностях России свадебными неделями назывались дни с 1 сентября по 15 ноября (см.: *Сахаров И.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков: Народные праздники и обычаи. СПб., 1849, т. 2, с. 74).

⁴⁶ См., например: *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е. В.* Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973, с. 131.

⁴⁷ *Забелин И.* Домашний быт русского народа в XVI—XVII вв. М., 1869, т. 2, с. 276.

⁴⁸ В данном разделе мы не ставим целью полностью охарактеризовать все возможные в условиях города места знакомств молодежи, а остановимся лишь на традиционных и распространенных.

⁴⁹ Более подробную характеристику различных форм досуга у молодежи изучаемых городов см.: *Жиринова Г. В.* Традиционные места встреч молодежи в городе в середине XIX — начале XX в.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии АН СССР в 1974 г. М., 1975, с. 29—35.— *Примеч. ред.*

⁵⁰ В. И. Даль отмечает, что название «вечерка» былоvalo в народном лексиконе северных губерний, а «вечеруха», «вечерушка» — в южных губерниях России (*Даль В. И.* Толковый словарь..., т. 1, с. 189). В средней полосе, как видим, наблюдается смешение этих названий.

⁵¹ *Сахаров И.* Сказания..., т. 2, с. 60.

⁵² АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 415.

⁵³ АИЭ, ф. 1, д. 110в, л. 232.

⁵⁴ АИЭ, ф. 1, д. 110в, л. 273; д. 110г, л. 3, 11.

⁵⁵ АИЭ, ф. 1, д. 110в, л. 232; д. 110б, л. 201; д. 110г, л. 83.

⁵⁶ АИЭ, ф. 1, д. 110г, л. 45—58.

⁵⁷ Характеристику подобных песен можно найти в книгах: *Кулаковский Л. В.* Песня, ее язык, структура, судьбы. М., 1962, с. 237—247; Русское народное поэтическое творчество / Под ред. проф. Н. И. Кравцова. М., 1971, с. 301—302.

⁵⁸ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 201. Автор не останавливается на характеристике этих игр, которые, кроме, пожалуй, «флирта цветов», в несколько измененном виде сохранились и сейчас как детские. В те времена отличительной чертой вечеров было то, что все игры так или иначе сопровождались поцелуями (в виде «штрафов», «фантов», и просто по ходу игры), что

- объяснялось; по всей вероятности, самым характером вечеров как средства знакомства возможных супругов.— *Примеч. ред.*
- ⁹ АИЭ, д. 110в, л. 355.
- ¹⁰ «Капустницы» — осенние «помочи», на которых родственники и соседи помогали друг другу заготавливать на зиму капусту.
- ¹¹ Сахаров И. Сказания..., с. 56—57; Зеленецкий Г. Описание города Чернь и его уезда.— Тульские губернские ведомости, 1850 г., № 32, ч. 2-я неофициальная, с. 155.
- ² АРКМ, кн. X, оп. III/518, д. 252, л. 41; АИЭ, ф. 1, д. 110 г, л. 58.
- ³ Вероятно, именно из-за эротического характера, который носили игры на вечерках.— *Примеч. ред.*
- ⁴ АИЭ, д. 110в, л. 58, 88. Поскольку эти вечера приурочивались к дням именин, они не имели четкой локализации по временам года.— *Примеч. ред.*
- ⁵ АИЭ, д. 110 г, л. 83—84.
- ⁶ ГАТО, ф. 2, оп. 1, д. 369, л. 55, 57.
- ⁷ См., например, журнал «Живописное обозрение» (1874, № 1, с. 286).
- ⁸ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 55, 364; д. 110б, л. 533; д. 110в, л. 374.
- ⁹ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 128.
- ⁰ АГО, р. XV, оп. 1, д. 11, л. 3; р. XV, оп. 1, д. 55, л. 9; р. X, оп. 1, д. 29, л. 14.
- ¹ О них подробнее будет сказано в следующей главе.
- ² АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 831.
- ³ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 273, 415, 498; д. 110в, л. 377.
- ⁴ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 846; д. 110б, л. 498. «Матаня» — местное фольклорное название милого, подобное другим местным терминам — «дроля» и др. В настоящее время смысл этого слова в значительной мере забыт, и оно по ассоциации заменено словом «мотанье», передающим несколько ироническое отношение современной молодежи к этому, так сказать, устаревшему виду народного творчества.
- ⁵ АГО, р. 42, оп. 1, д. 56, г: Тула, 1850 г.
- ⁶ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 150—151; д. 110ж, л. 832.
- ⁷ См.: О русских народных обрядах.— ЖМВД, 1835, ч. XVI, с. 523—524.
- ⁸ Этот обычай сохранялся и в предреволюционные годы (см.: АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 234).
- ⁹ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 82, 400.
- ⁰ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 374; д. 110ж, л. 90; д. 110а, л. 86; д. 110б, л. 197; д. 110ж, л. 83; д. 110а, л. 8, 18, 234, 339; д. 110ж, л. 90. Автор создал обобщенную картину масленичного катания на материалах своих архивных и полевых исследований. Нужно думать, что были и местные особенности, прежде всего — в маршрутах катаний.— *Примеч. ред.*
- ¹ Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1903, т. 3, с. 62—63.
- Вспомним, как ярко раскрывает эти стороны купеческого быта Н. С. Лесков в рассказе «Чертогон» (см.: Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11-ти т. М., 1957, т. 6, с. 302—313).
- АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 829; д. 110б, л. 574; ГАТО, ф. 1, оп. 28, д. 26, л. 1, 3, 4, г. Венев.
- АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 273, 552.
- АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 552.
- АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 552.
- АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 420; д. 110б, л. 23; д. 110в, л. 118.
- АИЭ, ф. 1, д. 110в, л. 118.
- АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 420, 829.
- Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957, с. 20; Чистов К. В. Календарно-обрядовая поэзия.— В кн.: Русское народное творчество. М., 1966, с. 56.
- АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 420; Зеленецкий Г. Описание..., с. 155.
- Характеристику происхождения и распространения в России некоторых

- видов популярных гадательных книг, как рукописных, так и лубочных изданий, дал в свое время академик Ю. М. Соколов. См.: *Соколов Ю. М. Русский фольклор*. М., 1941, с. 188—189.
- ⁹³ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 85.
- ⁹⁴ *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е. В.* Общественный..., с. 135—161.
- ⁹⁵ *Терещенко А.* Быт русского народа. СПб., 1848, ч. II, с. 82—83, 91, 96—97 и др.; *Забелин И.* Домашний быт..., с. 212; Письма графини Е. М. Румянцевой к ее мужу фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому 1762—1779 гг. с портретом и факсимиле / Изд. граф Д. А. Толстой. СПб., 1888, с. 187; Журнал или Записка жизни и приключений И. А. Толченова. М., 1974, с. 40.
- ⁹⁶ *Терещенко А.* Быт..., ч. II, с. 83; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978, с. 220.
- ⁹⁷ *Терещенко А.* Быт..., ч. I, с. 409—410, 414, 434—441.
- ⁹⁸ О русских народных обрядах, с. 523.
- ⁹⁹ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 410.
- ¹⁰⁰ *Беляев И. Д.* Собрание историко-юридических актов. М., 1881, с. 66.
- ¹⁰¹ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 397, 410; д. 110б, л. 574; д. 110б, л. 117, 233.
- ¹⁰² *Жирнова Г. В.* Русский городской свадебный обряд конца XIX — начала XX в.— СЭ, 1969, № 1, с. 50. Указания на примерно такую же цену сватовства находим у А. П. Чехова. Сваха брала 25 р. за свадьбу, а общий ее заработок достигал 50 р. в месяц (*Чехов А. П.* Хороший конец.— Соч. М., 1955, т. 5, с. 301—302. Рассказ написан в 1887 г.).
- ¹⁰³ Как известно, у многих народов мира эти числа считались влияющими на судьбу и потому отражались в разных ритуалах. См., например: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в.: Зимние праздники. М., 1973, с. 331.
- ¹⁰⁴ *Жирнова Г. В.* Русский городской свадебный обряд..., с. 50.
- ¹⁰⁵ На этом этапе имеется в виду сваха-профессионалка.— *Примеч. ред.*
- ¹⁰⁶ Обычай давать, помимо приданого, определенную денежную сумму был настолько популярен в этой среде, что нашел отражение в мемуарной и художественной литературе прошлого века. См., например: Сведения о купеческом роде Вишняковых (1636—1847), ч. II, с. 44—45; *Чехов А. П.* Перед свадьбой.— Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. М., 1974, т. 1, с. 46—51; некоторые пьесы А. Н. Островского (например, «Бедность не порок»).
- ¹⁰⁷ ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 1533, л. 119. Бракоразводное дело надворного советника Г. Н. Лебедева г. Лихвина. Калуга, 1904 г.; ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 1892, л. 19—22. Дело по прошению жены потомственного дворянина О. Н. Кашкиной о расторжении брака с К. М. Кашкиным.
- ¹⁰⁸ ГАТО, ф. 154, оп. 1, д. 25, л. 1, г. Тула, 1674 г. Рядная роспись приданого, данного за Ульяну, дочь Ивана Писарева; ф. 151, оп. 1, д. 54, л. 1—3, г. Тула, 1813 г. Роспись имущества, данного в приданое за невестой ученика Тульской семинарии Андрея Игнатьева. См. также: *Рабинович М. Г.* Очерки..., с. 221.
- ¹⁰⁹ Например: *Беляев И. Д.* Собрание..., с. 65.
- ¹¹⁰ *Беляев И. Д.* Собрание..., с. 66—69.
- ¹¹¹ Эта традиция у русских уходит своими корнями в глубь веков. Напомним, что, согласно древнерусскому праву, «аже будет сестра в дому, то той заднице не имати, но отдадать ю за муж братия, како си могутъ» (Памятники русского права. М., 1953, вып. 1, с. 118; см. также: *Шапов Я. Н.* Брак и семья в Древней Руси.— ВИ, 1970, № 10, с. 216—219).
- ¹¹² АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 268, 441; д. 110б, л. 526, 541.
- ¹¹³ В крестьянском свадебном цикле, как известно, также существовал обряд «испытания молодой», который выполнялся на второй или третий день свадьбы.
- ¹¹⁴ АГО, р. 15, оп. 1, д. 68, л. 1—3, г. Калуга, 1847 г.
- ¹¹⁵ *Жирнова Г. В.* Русский городской свадебный обряд..., с. 51.

- ¹¹⁶ См., например: *Шереметьева М. Е.* Свадьбы в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга, 1928, с. 15.
- ¹¹⁷ См., например: *Забелин И.* Домашний быт..., т. 2, с. 220, 252.
- ¹¹⁸ Домострой предписывал, в частности, священнику присутствовать на створе, участвовать в составлении рядной записи приданого, а также вручать ее отцу жениха. См.: Домострой по списку Императорского Общества истории и древностей Российских (далее — Домострой). М., 1882, с. 170; подробнее см.: *Рабинович М. Г.* Свадьба в русском городе..., с. 12—14.
- ¹¹⁹ В некоторых городах подобный обычай выполнялся за несколько дней до створа, а именно в момент «родственного богомолья». См.: АГО, р. 42, оп. 1, л. 2, г. Одоев Тульской губ., 1849 г.
- ¹²⁰ Публично извещение невестой о своей помолвке встречалось и в других городах изучаемого района, например в г. Перемышле в 1853 г. (АГО, р. 15, оп. 1, д. 11, л. 2—3), в г. Мценске в 1850 г. (АГО, р. 27, оп. 1, д. 4, л. 3—5).
- ¹²¹ См.: *Беляев И. Д.* Собрание..., с. 56.
- ¹²² Оглашение окончательно было введено указом от 5 августа 1778 г. «О мерах к отвращению незаконных браков». См. подробнее: *Савельев А. А.* Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Нижний Новгород, 1881, с. 28—29.
- ¹²³ Устав духовных консисторий, изъясненный. М., 1874, с. 207.
- ¹²⁴ О браках незаконных и недействительных.— Там же, с. 205—221; ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 1871, с. 236, г. Калуга, 1910 г.
- ¹²⁵ ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 1521, л. 1—60, г. Калуга, 1904. Прошения о выдаче билетов на право вступления в брак. Прилож. Билеты; ГАТО, ф. 3, оп. 2/13, д. 500, л. 1—27 — Предбрачные документы Новокраспосельской церкви, г. Тула, 1885 г.
- ¹²⁶ ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 1871, г. Калуга, 1910 г. Материалы о разрешении браков в родстве, свойстве и по другим причинам. Всего 271 л.
- ¹²⁷ ГАТО, ф. 3, оп. 1/5, д. 110, л. 68, г. Тула, 1849—1850 гг. Дело о повенчании брака тамбовского дворянства, надворного советника Бланжа с дочерью елецкого дворянина Ладыгина, состоящих в двоюродном родстве; см. также: *Бажанов Н. Д.* С. Рахманинов. М., 1962, с. 213—215.
- ¹²⁸ ГАТО, ф. 3, оп. 28, д. 988, л. 1—6, г. Венев, 1869 г. Дело о притеснении прихожан платою за бракосочетание причтом церкви г. Венева; ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 1871, с. 2—3, г. Калуга, 1910 г.
- ¹²⁹ ГАТО, ф. 3, оп. 2/13, д. 289, л. 1—142, г. Ефремов, 1883 г. Дело о признании незаконным и недействительным брака потомственного дворянина Скваровского с дочерью унтер-офицера В. А. Николаевой, повенчанных снова первым браком при жизни его первой жены причтом Вознесенской церкви г. Ефремова; там же, д. 230, л. 9—26, г. Тула, 1882—1883 гг. О повенчании причтом Владимирской церкви, что за валом г. Тулы, мещанина Ив. Вас. Успенского с крестьянской девицею Варварой при жизни его первой жены.
- ¹³⁰ АГО, р. 27, оп. 1, д. 6, л. 5—6, г. Ливны Орловской губ., 1851 г.; АГО, р. 42, оп. 1, д. 14, л. 13—14, г. Одоев Тульской губ., 1849 г.; там же, г. Чернь Тульской губ., 1850 г.
- ¹³¹ См.: *Жирнова Г. В.* Русский городской свадебный обряд..., с. 52.
- ¹³² Здесь наблюдается любопытное смешение функций древних и новых свадебных чинов. В XVI в. постель должна была вести сваха со стороны невесты (см.: *Рабинович М. Г.* Свадьба..., с. 15). С появлением специалистки-сватуны, которую также стали называть «сваха», понятия о функциях свахи как представительницы рода жениха или невесты были частично перенесены на нее. В данном случае профессиональная сваха, которую, как мы видим, нанимала и оплачивала родня жениха, оказывается наделенной функциями представительницы рода невесты. Участие в перевозке постели мальчика-блюдника в древности не практиковалось. Кроме свахи, постель вез постельничий (*Рабинович М. Г.* Свадьба..., с. 15). Г. В. Жирнова не наблюдала уже в изученных ею городах ни постель-

- ничьего, ни двух свах — представительниц родов. — *Примеч. ред.* Мальчиком-блюдником мог быть или младший брат невесты, или ближайший родственник. — *Г. Жиринова.*
- 133 АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 303. Этот момент нередко служил темой для пародии. См.: *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. СПб., т. 1, с. 104—108, рис. 124.
- 134 АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 417, 853.
- 135 Перед нами явный пример субституции, т. е. замены одного предмета другим. Об этом см.: *Казаков Е. Г.* К вопросу о классификации народных обрядов. Л., 1928, с. 252.
- 136 АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 293, 299.
- 137 АРКМ, кн. 1, д. 3/508, № 10, Касимовский у. Рязанской губ.; АГО, р. 15, оп. 1, д. 26, л. 5—6, Кадомский у. Рязанской губ.
- 138 АГО, р. 42, оп. 1, д. 46, л. 2—3, г. Чернь Тульской губ., 1848 г.
- 139 АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 543; д. 110ж, л. 58.
- 140 *Остроумов Н. И.* Свадебные обычаи и обряды в Древней Руси: Историко-этнографический очерк. Тула, 1905, с. 33; см. также: *Курьер*, 1904, № 13.
- 141 Выпечкой пряников в городах занимались ремесленники. Пекли их только из пресного теста с добавлением сахара, меда или патоки, а также различных душистых специй: гвоздики, корицы, кардемона, ванили и т. п. Форму и рисунок им придавали с помощью специальных пряничных досок («печатный пряник»).
- 142 Однако еще в первой половине XIX в. у горожан (в том числе и в центральных губерниях) такую же, а зачастую и большую роль играл традиционный народный обряд (см.: *Рабинович М. Г.* Очерки..., с. 219). — *Примеч. ред.*
- 143 *Языков Д.* Изыскание о старинных свадебных обрядах у русских. — В кн.: Библиотека для чтения. СПб., 1834, т. 6, с. 3. Языков опирается в данном случае на сведения иностранцев Ченслера и Флетчера, посетивших Москву в XVI в.
- 144 *Корб Г.* Дневник путешествия в Московию 1698 и 1699 гг. / Пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1906, с. 247.
- 145 *Корб Г.* Дневник..., с. 247.
- 146 Волосы поднимались вверх, стягивались на затылке и укладывались жгутом; в этот жгут и вокруг него вкладывали многочисленные гребенки, к нему прикрепляли фату.
- 147 Ср.: *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1955, т. 1, с. 72.
- 148 См., например: *Помещичья Россия по запискам современников.* М., 1911, с. 19—20 и др.
- 149 АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 849; д. 110ж, л. 44.
- 150 АГО, р. 27, оп. 1, д. 27, л. 5—6, г. Лихвин Калужской губ., 1851 г.
- 151 Если в отношении жениха обычай этот прослеживается издавна и связан с древним обычаем разувания жениха невестой, то встречающийся иногда обычай класть монету также в обувь невесты, видимо, вторичен. — *Примеч. ред.*
- 152 АГО, р. 40, оп. 1, д. 23, л. 5—6, г. Елатьма Тамбовской губ., 1858 г.
- 153 Этот обычай был широко распространен в больших и малых городах. В Москве в 1789 г. его описал П. Болотов, который сам был шафером и держал венец. См.: *Мельгунова П. Е., Сивков К. В., Сидоров Н. П.* Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век. М., 1918, ч. II, вып. 1, с. 236—242.
- 154 АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 404.
- 155 В. И. Даль считал, что шафер — то же, что дружка, и производил название этого чина из немецкого языка. См.: *Даль В. И.* Толковый словарь..., т. IV, с. 643.
- 156 Общественные беседы о богослужении православной церкви. М., 1898, с. 1060.
- 157 Не случайно Домострой, в частности, предписывал: «Как повобрачный князь у церкви сойдет с аргамака, а новобрачная княгиня выйдет из саней, то стелют камки и тафты до церковных дверей, а у венчания подо-

- стать под новобрачного князя и под княжну камки или атласу золотного, да положить два соболя под ноги» (Домострой, с. 168, 181. Подробнее см.: Рабинович М. Г. Свадьба..., с. 21, 30).
- 158 *Страхов Н.* Христианское учение о браке и противники этого учения. Харьков, 1895, с. 326—326.
- 159 *Савельев А. А.* Юридические отношения..., с. 7—9. *Щапов Я. Н.* Брак и семья..., с. 217.
- 160 *Лукина Г. Н.* Названия предметов украшения в языке памятников древнерусской письменности XI—XIV вв.— В кн.: Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974, с. 247.
- 161 *Остроумов Н. И.* Свадебные обычаи..., с. 40.
- 162 Домострой, с. 181; *Терещенко А.* Быт..., с. 72, 94, 99, 137.
- 163 В крестьянской свадьбе, как известно, это входило в обязанности дружки и его помощников.
- 164 Сведения о купеческом роде Вишняковых, ч. II, с. 154.
- 165 АГО, р. 42, оп. 1, д. 15, л. 5, г. Ефремов, 1849 г.; АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 405; д. 110б, л. 527, 543; д. 110в, л. 301.
- 166 *Корб Г.* Дневник..., с. 247—248.
- 167 Домострой, с. 166. См. также: *Рабинович М. Г.* Свадьба..., с. 17, 20—21.
- 168 *Жирнова Г. В.* Русский городской свадебный обряд..., с. 53.
- 169 *Кагаров Е. Г.* К вопросу..., с. 252.
- 170 АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 546.
- 171 АГО, р. 40, оп. 1, д. 10, л. 5—6, г. Темников Тамбовской губ., 1849 г.
- 172 *Никольский Н. М.* Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956, с. 196—204; АГО, р. 42, оп. 1, д. 46, л. 15, г. Чернь и его уезд, Тульская губ., 1848 г.
- 173 ГАТО, ф. 2, оп. 1, д. 349, № 9—109 (Пакет с пригласительными конвертами и карточками В. С. Арсеньева, относящимися к концу XIX — началу XX в.), г. Тула, 1904 г.
- 174 Календарные обычаи..., с. 37, 57, 66, 70, 88 и др.
- 175 См., например: *Чичеров В. И.* Зимний период... с. 78—80; *Пронн В. Я.* Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963, с. 27; *Latt S.* Eesti rahvakalender. Tallinn, 1970, t. I, s. 17—42.
- 176 См.: *Гаген-Торн Н. И.* Свадьба в Салтыковской вол. Моршанского у. Тамбовской губ.— В кн.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю / Под ред. Л. Я. Штернберга. Л., 1926, с. 193.
- 177 Известно, что птица играла большую роль в культах многих народов Европы. См.: *Кагаров Е. Г.* Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913, с. 279—281.
- 178 *Жирнова Г. В.* Русский городской свадебный обряд..., с. 56.
- 179 АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 829, 849; д. 110ж, л. 44.
- 180 АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 265; АРКМ, кн. X, д. III, л. 517, № 243, г. Пронск Рязанской губ.
- 181 АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 642.
- 182 АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 200; ф. 1, д. 110в, л. 269.
- 183 АРКМ, кн. II, д. III, л. 509, № 44, с. Мелехово Касимовского у.; кн. I, д. III, л. 508, № 7, д. Пекся Касимовского у. См. также: *Померанцева Э. В.* Семейно-обрядовая поэзия.— В кн.: Русское народно-поэтическое творчество / Под ред. Богатырева. М., 1956, с. 192.
- 184 АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 414; д. 110б, л. 295; д. 110ж, л. 44.
- 185 См., например: *Колпакова Н. П.* Лирика русской свадьбы. Л., 1973, с. 248.
- 186 В древности горожане, как и крестьяне, праздновали свадьбу три дня; народный обряд бракосочетания и церковное венчание происходили в первый день.— *Примеч. ред.*
- 187 Неделя, 1874, № 5, с. 190.
- 188 Вот что по этому поводу сообщала, например, графиня Е. М. Румянцева в письме к своему мужу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому: «Третьего дня свадьба брата окончилась, приданого на 25 тыс., денег 25 тыс., да сверх этого на переделку бриллиантов, что она не успела, 2 тыс. дано. Меня одарили штофом, я принуждена была, по обычаю, отдаривать и

- купила две кофты серебряных, за которые заплатила 120 р., рассудилась, что табакерка мне еще дороже пришлась, а это виднее и мне дешевле обошлось» (Письма графини Е. М. Румянцевой..., с. 18).
- ¹⁸⁹ *Жирнова Г. В.* Русский городской свадебный обряд..., с. 56.
- ¹⁹⁰ См., например: *Гайдебуров В. П.* Брачные подарки.— Юридический вестник, 1891, июль — август, с. 302.
- ¹⁹¹ Стоглав. СПб., 1863, с. 135—136; Музыка и пляски в древней Руси.— Живописное обозрение, 1874, № 1, с. 413—414.
- ¹⁹² В дворянской мемуарной литературе XVIII—XIX вв. имеется по этому вопросу интересный бытовой материал. См. также: *Аксаков С. Т.* Семейная хроника.— Собр. соч.: В 5-ти т. М., 1966, т. 1, с. 156—157.
- ¹⁹³ В начале XX в. повсюду в городах визиты оставались одной из традиционных форм делового, праздничного и родственного общения людей. См.: *Александровский Б. Н.* Черты московского быта начала XX столетия.— ВИ, 1975, № 7, с. 210.
- ¹⁹⁴ *Сазаров А. М.* Русская духовная культура XVII в.— ВИ, 1975, № 7, с. 96; *Рабинович М. Г.* Очерки..., с. 17—22.
- ¹⁹⁵ *Сазаров А. М.* Русская духовная культура..., с. 96.
- ¹⁹⁶ См.: *Токарев С. А.* Разграничительные и объединительные функции культуры.— В кн.: X Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь 1973 г.: Доклады советской делегации. М., 1973, с. 14.
- ¹⁹⁷ Четкой датировки этого процесса пока нет.
- ¹⁹⁸ Надо признать, что большое влияние на эти процессы оказывала различная степень притяжения и отталкивания традиции отдельными социальными группами.
- ¹⁹⁹ Ср.: *Богословский П. С.* К номенклатуре и топографии свадебных чинов. Пермь, 1927.
- ²⁰⁰ Подробную характеристику магических обрядов, входящих в состав восточнославянского свадебного ритуала, с точки зрения целевой установки и их терминологическую разработку см.: *Кагаров Е. Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности.— В кн.: Сборник МАЭ. Л., 1929, т. VIII, с. 152—195; *Он же.* К вопросу..., с. 247—254.
- ²⁰¹ См.: *Козаченко А. И.* К истории великорусского свадебного обряда.— СЭ, 1957, № 1, с. 68—69, 71; *Рабинович М. Г.* Свадьба..., с. 16; Домострой, с. 172, 173, 183, 185.

БРАК И СВАДЬБА ГОРОЖАН В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (1920—1970-е годы)

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ТРАДИЦИЙ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла путь для развития принципиально новых связей и взаимоотношений между людьми. За годы социалистического строительства в СССР сложилась и продолжает развиваться новая историческая общность людей — советский народ, что сказывается на самых различных сторонах жизни трудящихся всех национальностей, в том числе и русских¹. Постоянное преобразование и обновление общественной и культурной жизни советского народа и особенно уравнивание общественных прав женщины с правами мужчины имели значение для изменений, происшедших и во всей системе народного быта, в пародных традициях, обычаях и обрядах. Этот сложный процесс протекал неравномерно в разных областях и на различных исторических этапах развития советского общества. Организующая и направляющая роль в нем принадлежала Коммунистической партии и Советскому правительству, которые проводили и проводят целенаправленную политику улучшения быта трудящихся, устранения экономических и социальных препятствий для их свободного развития.

Сразу же после победы Октябрьской революции, в тяжелое для молодой республики время, вслед за основополагающими декретами о мире и о земле, в декабре 1917 г. ВЦИК и СНК Советской республики разработали и приняли декрет о гражданском браке, а через несколько месяцев был издан первый советский Кодекс законов о браке и семье². Этим кодексом устанавливалась и форма регистрации брака и других актов гражданского состояния. Юридическая сила признавалась в первую очередь за гражданским браком, зарегистрированным в ЗАГСе, но наряду с этим определялись права и обязанности, возникавшие из незарегистрированного сожителства. Церковный обряд венчания не запрещался, но был лишен юридического значения: венчание теперь само по себе не создавало юридических брачных отношений. Нужно сказать, что в первые годы после Октябрьской революции протест

против старых норм брачного и семейного права, господствовавших в царской России и создававших иногда невыносимые условия жизни для супругов, в особенности для женщин, был очень силен. Многие вступавшие в супружество, в первую очередь в кругах передовой интеллигенции, предпочитали вовсе обходиться без регистрации, что носило несколько демонстративный характер и было направлено против представлений церковного брака, веками навязывавшихся народу самой церковью. Советское законодательство устанавливало и строго охраняло полное равноправие мужчины и женщины, вступающих в брак, и обеспечивало свободу расторжения брака.

Проблемы семейного права в первое десятилетие Советской власти были чрезвычайно актуальны и не раз подвергались широкому общественному обсуждению в печати, на собраниях и т. п. Дважды, в 1925 и 1926 гг., они обстоятельно обсуждались на сессиях ВЦИК, а 19 ноября 1926 г. ВЦИК принял новый Кодекс законов о браке, семье и опеке, в основном развивавший те же принципы, что и первый Кодекс³. Прежним оставалось и отношение к церковному венчанию: «Документы, удостоверяющие факт совершения брака по религиозным обрядам, никакого юридического значения не имеют», — говорилось в Кодексе⁴.

Новое законодательство о семье и браке было тесно связано со всей системой перестройки общественного и семейного быта и являлось результатом социальных и экономических сдвигов, происходивших в советском обществе. Это законодательство, как и вся сумма первых мероприятий Советской власти, положило начало культурной революции, сыгравшей важную роль в изменении общественной психологии, в становлении и развитии новых черт в сознании и быту народа. Клара Цеткин, побывавшая в России в 1920 г., позднее вспоминала, что она не могла скрыть восторженного удивления перед расцветом в стране творческих сил, перед страстными поисками новых форм, новых путей в области культурной жизни⁵.

К. Цеткин вспоминает, что В. И. Ленин, придавая большое значение той революционной активности, с которой пролетарские массы взялись за переустройство своей жизни, призывал большевиков планомерно руководить этим процессом с тем, чтобы формировать его результаты⁶. «...Раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу», — писал В. И. Ленин⁷.

Культурная революция, вовлекшая самые широкие слои трудового народа в работу по социалистическому переустройству жизни, принесла революционные влияния и в сферу домашнего быта, семейных отношений, изменяя и преобразовывая их. Передовая молодежь, охваченная антирелигиозным духом и критически настроенная к традициям прошлого, на первых порах решительно

отказывалась от старых семейных обычаев и обрядов и, в частности, от прежнего обрядового оформления брака.

В начале 1920-х годов в противовес церковному венчанию и традиционному свадебному ритуалу появляются первые «красные свадьбы». Однако они, как и возникшие в то время семейные обряды, связанные с рождением ребенка («октябрины», «звездины», «красные крестины»), не получили массового распространения. Одной из причин такого отношения к ним явилось то, что новое, социалистическое содержание обряда не могло сразу найти адекватные формы. Поэтому население городов и сел обратилось к практике недавно ставших привычными массовых общественно-политических мероприятий, перенося их и на явления семейной обрядовой жизни. Исследователи справедливо считают, что такое совмещение было чуждо самой природе семейных обрядовых традиций и не могло способствовать успеху трудного дела обрядотворчества⁸.

Основным обрядовым звеном при заключении брака должен был стать сам акт его общественного скрепления. Эмоционально-зрелищная сторона обряда выполняла бы важную социально-воспитательную и антирелигиозную функции. Однако порядок, принятый при гражданской регистрации брака, еще не имел в то время разработанных, единых, торжественно-ритуализованных форм, а носил формальный характер. Сугубо деловая и несколько суховатая эта процедура не вполне устраивала широкие слои населения как торжественный церемониал. Именно в первые послереволюционные годы появился и все более входил в быт своеобразный термин «расписаться», обозначавший в обыденной речи заключение брака. Все это во многом мешало гражданской регистрации брака становиться обрядом и способствовало сохранению в быту старых, давно сложившихся обрядов. Собранные нами полевые и архивные этнографические материалы, а также работы этнографов и фольклористов, в которых освещаются вопросы развития свадебного обряда⁹, свидетельствуют о том, что в первые десятилетия Советской власти у основной массы населения брак продолжал оформляться в соответствии с прежними свадебными традициями, включая нередко и церковный обряд венчания.

В обрядово-бытовой ситуации, сложившейся в 1920-х годах, проявлялась одна из закономерностей исторического развития общества в переходный период от капитализма к социализму. В. И. Ленин, характеризуя новые явления жизни, говорил о том, что «следы старого в нравах известное время после переворота неизбежно будут преобладать над ростками нового. Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни»¹⁰. Вместе с тем замечено, что бытовые формы духовной культуры, пожалуй, в большей степени, чем в материальной, имеют свои темпы развития, не совпадающие с динамикой политики, экономики, социальных отношений, и изменения

в них не тождественны в целом ритму изменений в общественной и культурной жизни¹¹. Отсюда вытекает и относительная «самостоятельность» быта, и определенная его историческая устойчивость. С этой точки зрения вполне понятно, что новые, устойчивые формы советской свадебной обрядности не могли появиться раньше, чем сформируется новый образ жизни советских людей, укоренится новая мораль, нравы, привычки, взгляды. Внутри же классов и более мелких социальных групп социалистического общества должна была вырваться и четко определиться не только общественная, но и внутрисемейная потребность в новых формах свадебных обрядов, стимулировавшая бы общественное обрядотворчество.

Положительную роль в укреплении в быту новых обрядов сыграла культурно-воспитательная деятельность партии и правительства, а также новые постановления в области семейного быта. В условиях военного времени, 8 июля 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР под председательством М. И. Калинина принял указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства»¹². Статья 30 этого указа предусматривала введение торжественного порядка проведения регистрации новорожденных детей и бракосочетания. Однако война, а затем экономические и хозяйственные трудности послевоенного восстановительного периода задержали практическую работу в этом направлении. Вместе с тем потребности в этой работе постоянно ощущались. Советские люди, вернувшиеся к мирной жизни, особенно остро испытывали желание торжественно и празднично отмечать в семье важные события общественной и личной жизни, в частности вступление в брак.

Как отмечают исследователи, в первое послевоенное десятилетие у русских в городах и селах происходит заметное оживление традиционного свадебного обряда. В это время многое из того, что, казалось, было забыто и ушло из жизни навсегда, возрождается^{12а}, и наряду с положительными элементами обрядов получают некоторое оживление и отдельные негативные их стороны. Одновременно активизируется приостановленный войной процесс развития новых форм внутрисемейных общественных праздничных торжеств, связанных с вступлением в брак. Во второй половине 1950-х годов в городах, а затем и в сельских районах нашей страны получают распространение комсомольские свадьбы, которые, однако, в быту не закрепились. Нам кажется, что причиной неудачи было то, что не удалось найти рационального сочетания между общественно-коллективистскими взглядами молодежи на оформление брака и традиционными внутрисемейными представлениями о форме брачного торжества. В создавшихся условиях не было возможности уравновесить функции семьи и общественности, связанные с приготовлением и проведением свадебного праздника.

В научной литературе высказывается справедливое мнение о

том, что комсомольские свадьбы часто приобретали характер показательных мероприятий, требовали больших финансовых затрат со стороны государства или общественных организаций, что само по себе было сопряжено с рядом трудностей и не позволяло широко их практиковать¹³. Вместе с тем комсомольские свадьбы, несмотря на их недостаточно широкое распространение, играли важную агитационно-воспитательную роль. Они пропагандировали новые, советские безрелигиозные способы оформления брака, принципы социалистической морали в области семейных отношений. Комсомольские свадьбы продвинули вперед также и практическую работу по созданию торжественного ритуала регистрации брака¹⁴. Для них разрабатывались многочисленные сценарии торжественной регистрации, включавшие, помимо новых обрядовых элементов, некоторые традиционные безрелигиозные символы и атрибуты.

Коммунистическая партия и Советское правительство стремились придать вновь активизировавшемуся стихийному процессу обрядового творчества определенную направленность. В феврале 1964 г. Совет Министров Российской Федерации принял специальное постановление о целенаправленном и систематическом внедрении в быт советских людей новых, более совершенных форм гражданской обрядности. В течение 1964—1965 гг. в РСФСР и союзных республиках создаются специальные советы и комиссии, которые занимаются разработкой новых форм гражданских обрядов, а также координируют всю практическую работу местных партийных и общественных органов по их внедрению в быт. Особое внимание при разработке торжественных ритуалов обращается на совершенствование их художественной формы, комплексное использование основных средств эмоционального воздействия — музыки, слова, ритуального действия и т. д. Все творческие усилия направлены на то, чтобы придать новым обрядам характер торжественных театрализованных действий и тем самым приблизить их к явлениям искусства.

В связи с разработкой новых форм гражданской обрядности особую актуальность приобрела работа по благоустройству старых и созданию новых культурно-бытовых объектов, обеспечивающих благоприятные условия для внедрения советских обрядов в быт. И в этой работе большое внимание уделяется художественному оформлению бытовой обстановки, которая должна в зрительной форме воздействовать на эмоциональный мир человека, удовлетворять его эстетическим потребностям, а также создавать общий психологический настрой, объединяя тем самым всех участников обряда. Ведь именно объединительные функции обряда играют важную роль в его закреплении и жизнестойкости.

Помимо конкретных организационно-хозяйственных мероприятий, государство с помощью массовых средств информации продолжало целенаправленно формировать общественное мнение, ориентировать широкие слои населения на создание новых обрядовых традиций, в том числе и свадебных. Упорная идеологическая

и организационно-хозяйственная работа, поставленная на государственную основу, привела к тому, что в настоящее время торжественная регистрация брака, как и ряд других советских обрядов, прочно вошла не только в общественную, но и в семейную жизнь нашего народа.

Торжественная регистрация брака практически вытеснила церковный обряд бракосочетания (венчание), стала одним из центральных и самых красочных моментов современной семейно-брачной обрядности. Однако работа, связанная с совершенствованием семейного быта, продолжается, и ключевой проблемой остается дальнейшее развитие прогрессивных внутрисемейных обычаев и обрядов, особенно свадебных.

Углубление позитивных тенденций в развитии современных свадебных обрядовых традиций — сложный и противоречивый процесс. В последнее время в связи с широко распространившимся в городской среде обычаем справлять свадьбу в ресторане, кафе и т. п. открылись новые возможности оказывать определенное влияние на характер свадебного торжества и связанного с ним застолья. Это в свою очередь предполагает создание профессиональных кадров работников службы быта, специалистов по проведению обрядовых церемоний, а также разработку научно обоснованных программ различных общественных ритуалов, в которых бы новое благоприятно сочеталось с традиционными национальными обычаями и обрядами.

В настоящий момент делаются некоторые конкретные шаги в этой работе. Так, например, в 1975 г. Центральное проектно-конструкторское и технологическое бюро Министерства бытового обслуживания РСФСР приступило к разработке современного ритуала русского свадебного торжества¹⁵. Его обрядовая схема предполагает включить ряд узловых моментов русской традиционной свадьбы (приезд новобрачных к месту свадебного веселья, встреча и поздравление молодых, свадебное застолье), а также некоторые традиционные шуточно-игровые и символические безрелигиозные обрядовые действия.

Для праздничного застолья разрабатывается специальное свадебное меню, в состав которого войдут русские национальные кушанья. Большое внимание уделяется песенно-музыкальному и зрелищно-эмоциональному оформлению свадебного праздника. Работа эта только начата и для успешного осуществления требует значительных усилий творческих работников, художников, поэтов, композиторов, этнографов, а возможно, и специалистов в области социальной психологии.

Оригинальность и сложность задач, которые выдвигает проблема регулирования внутрисемейных свадебных традиций, требуют вдумчивого, творческого отношения к делу, критического анализа его экспериментальных результатов, учета реальных условий и определения дальнейших условий позитивных сдвигов. Главным принципом в деле развития и совершенствования свадебных обы-

чаев и обрядов должен стать углубленный научный подход, при котором бы наиболее полно учитывались духовные потребности и культурные ориентации различных классов и социальных групп народов СССР.

Некоторые особенности формирования современного населения в изучаемых городах. Для правильного понимания изменений, происшедших в современной свадебной обрядности русских горожан по сравнению с прошлым, большое значение имеет учет особенностей формирования населения городов в послеоктябрьский период. Известно, что победа социалистической революции в России, устранив экономические основы буржуазно-помещичьего господства, обусловила коренные изменения в социальной структуре общества и активизировала процесс урбанизации. Изменения в политической, социальной, экономической жизни, а также научно-технический прогресс положительным образом повлияли на темпы роста городского населения, на распространение и укрепление городского образа жизни, городской культуры как среди горожан, так и среди сельского населения.

За годы Советской власти заметно выросли и изучаемые нами города¹⁶. По сравнению с 1910 г. численность населения к 1975 г. возросла: в Калуге в 4,5 раза, в Ельце — почти в 2 раза, в Ефремове — более чем в 5 раз, в Козельске — почти в 1,5 раза¹⁷. Однако процесс роста был неравномерным. В первое послереволюционное десятилетие рост численности населения в Калуге, Ельце и Козельске несколько приостановился. Здесь, как и в большинстве городов России, наблюдалось даже некоторое сокращение числа жителей из-за разрухи¹⁸.

В годы первых пятилеток в связи с развернувшейся индустриализацией страны начинается новый этап в развитии городов. Перестройка сельского хозяйства, его коллективизация и механизация позволили осуществить миграцию высвободившегося из сельского хозяйства населения в промышленно развивающиеся города¹⁹. В изучаемых городах в 1930-х годах также наблюдается резкое увеличение числа приезжего населения, более половины которого составляли сельские жители²⁰. Как видно из табл. 5, только за период с 1926 по 1939 г. население Калуги увеличилось на 38 тыс., Ельца — на 8, Ефремова — на 18, Козельска — на 3 тыс. человек.

Период с 1939 г. оказался сложным для развития городов. Хронологически его можно разделить на два этапа. Первый — с 1939 по 1945 г. — отличается сильным сокращением населения. Второй этап — с 1945 по 1959 г. — характеризуется массовым притоком населения в города, что было связано, в частности, с необходимостью восстановления городских и промышленных объектов, а также с их дальнейшим развитием²¹.

В последующие периоды наблюдается дальнейший непрерывный рост городского населения. В литературе, касающейся различных сторон современного процесса урбанизации в СССР, от-

мечается, что одним из важных источников роста городского населения является миграция высвобождающейся за счет дальнейшей индустриализации сельского хозяйства части сельского населения²². Однако распределение потока мигрантов определяется в значительной мере масштабами промышленного и социально-культурного развития самих городов, которые могут или притягивать, или сдерживать этот поток, что, безусловно, отражается на темпах и размерах увеличения численности их населения. Таблица 5 показывает, что с 1959 по 1970 г. особенно сильно (на 67 тыс.) возросло число жителей Калуги, являющейся важным культурным и промышленным центром области. За этот же период произошло заметное увеличение населения и в двух других развивающихся в промышленном отношении городах: в Ельце — на 23 тыс., в Ефремове — на 19 тыс. человек. Меньше всего, как можно видеть из таблицы, возросла численность жителей Козельска — города с менее развитой промышленностью.

Население Калуги, Ельца, Ефремова росло преимущественно за счет внутриреспубликанской сельской миграции²³. При этом подавляющее большинство ($\frac{2}{3}$) современного городского населения — переселенцы из ближайшей сельской округи²⁴, а также из сел и деревень Калужской, Липецкой, Тульской и соседних с ними областей. Последнее обусловило наличие в среде городского населения довольно широкого слоя носителей местных этнических традиций, что уже было отмечено Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой²⁵.

Эти особенности формирования населения изучаемых городов, естественно, отражались на характере развития современной городской свадьбы. Известно, что наиболее мобильные слои населения, в данном случае мигранты из села, не только сами адаптируются в городской среде, но и приносят в нее различные элементы традиционной культуры, усиливая тем самым этническую окрашенность городского быта²⁶. В связи с этим перед исследователями встают такие актуальные проблемы, как соотношение и развитие этнических и социальных моментов в современном свадебном обряде, степень его традиционности, сохранение исторической непрерывности и т. п. Изучены эти проблемы еще очень слабо.

В настоящее время, следуя за классификацией городов по их численности, недавно принятой в исторической литературе, изучаемые города можно рассматривать следующим образом: Калуга (247 тыс. человек) — как большой город, Елец (110 тыс.) и Ефремов (53 тыс.) — как средние города, Козельск (14 тыс. человек) в качестве малых городов²⁷. Этнический состав изучаемых городов в настоящее время, как и в прошлом, сравнительно однородный. Материалы городской статистики показывают, что в настоящее время русские составляют от всего населения: в Калуге 95,6%, Ельце — 97, Ефремове — 96,2, Козельске — 97,5%²⁸. Вполне понятно, что инонациональное население, общий процент

которого, как видим, повсюду очень невелик, не могло заметно повлиять на традиционно-бытовые формы духовной культуры коренной национальности и на русские свадебные обычаи и обряды в том числе.

Одним из мощных факторов воздействия на свадебные традиции народа являются, как известно, национально-смешанные браки. Однако материалы нашего специального анкетного обследования, направленного на выявление современного состояния семейно-брачных традиций, свидетельствуют о том, что для русского населения изучаемых городов характерны этнические однородные (гомогенные) браки (табл. 6), которые, как известно, выступают в роли «стабилизатора» национальных традиций, в том числе и свадебных²⁹.

Вместе с тем опыт изучения данной проблемы убеждает нас в том, что в городе быстрее, чем в селе, происходит формирование и закрепление новых современных свадебных обычаев и обрядов, которые, проникая в село, оказывают серьезное воздействие на традиционную крестьянскую обрядность и постепенно становятся определяющими для всего народа. С другой стороны, в городе гораздо активнее протекает процесс изменения и в самих старых обычаях и обрядах³⁰. Одни из них полностью исчезают, уступая место разного рода инновациям, другие — трансформируются, приспособляясь к иным условиям. Большое влияние на эти процессы оказывает социально-культурная неоднородность городского населения, связанная с особенностями его формирования, постоянным усложнением социально-профессиональной структуры и расширением социальных перемещений.

В данной работе освещаются некоторые результаты изучения современного состояния семейно-брачных отношений и русских свадебных традиций в среде основных социально-профессиональных групп городского населения: рабочих основных отраслей производства, строительства и транспорта; рабочих и служащих сферы обслуживания (включая счетно-канцелярских работников), интеллигенции (работников науки, техники, культуры, врачей, педагогов). В особую группу выделяются также лица, не занятые в общественном производстве (студенчество, военнослужащие и временно не работающие)³¹. Такой социально-дифференцированный подход к изучению современной свадьбы, с одной стороны, дает возможность получить объективное представление о свадебном ритуале горожан в целом, а с другой — позволяет установить, в каких группах городского населения и в какой мере сохраняются традиционные городские или крестьянские, а возможно, и те и другие элементы свадебной обрядности, насколько отдельные группы привержены обрядовым традициям или инновациям. В свою очередь решение этих вопросов может в дальнейшем принести большую практическую помощь, способствуя выявлению тех социальных слоев, на которые следует в первую очередь ориентироваться, внедряя в быт новые формы свадебных обычаев и обрядов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ БРАКА

Брак в разных социально-профессиональных группах. Социальные и культурные преобразования, совершившиеся в нашем обществе, привели к отмиранию функции семьи, связанной с умножением и передачей по наследству частной собственности³². Освободив семейно-брачные отношения от национальных, территориальных и прочих стеснений, они способствовали полному развитию моногамного брака, основанного на действительной свободе человеческих чувств, на добровольном союзе между женщиной и женщиной³³.

В настоящее время любовь и духовная близость людей являются основным и решающим мотивом при вступлении в брак. Это нашло отражение и в самих взглядах на брак. Так, исследования социологов, направленные на выяснение отношения людей к браку и на определение их ценностных ориентаций в области брачных отношений, показывают, что молодежь, как семейная, так и несемейная, в браке обычно выдвигает на первое место интеллектуальные, на второе — моральные, затем — физиологические и на четвертое место — материальные ценности брачной жизни³⁴. Показательно, что в случае нарушения духовных и нравственных контактов между супругами материальная сторона брака, как правило, не становится препятствием для развода³⁵.

Результаты этнографического изучения проблемы семьи и брака также свидетельствуют о том, что за последние пятьдесят лет у всех народов нашей страны экономические соображения постепенно перестали играть определяющую роль при заключении брака³⁶. Полевые материалы, собранные нами в городах средней полосы РСФСР, позволяют говорить о том, что в настоящее время на заключение брака уже не оказывают прежнего негативного влияния ни различия в материальном уровне семей жениха и невесты, ни разница в их социальном происхождении. Так, анализ статистического материала, собранного нами с помощью анкеты, показывает, что в нашей выборочной совокупности 41% составляют браки, в которых жених и невеста происходят из различных социальных групп, т. е. социально-смешанные (табл. 7).

Вместе с тем среда, в которой происходила первичная социализация личности, по-видимому, играла и играет важную роль в формировании ее духовных запросов, культурных ориентаций, различных жизненных порм, установок и, в частности, представлений о брачном партнере. Это обстоятельство, как и ряд других, связанных с действием факторов социально-культурного, психологического порядка и др., о чем мы будем еще говорить, в известной мере и определяет то, что относительно большое число браков заключается внутри своей, как бы «родной» социальной среды. По материалам нашего обследования такие браки составили более половины, а точнее, 59% общего числа заключающихся.

На основании наших полевых материалов мы можем говорить о комбинационном распределении брачующихся в зависимости от их социального происхождения в каждой выделенной группе. Это дает возможность установить, что 75% мужчин, вышедших из рабочей среды, 48% — из семей служащих и 32% — из крестьянских семей вступили в брак с женщинами того же социального происхождения³⁷. Примерно такая же картина обнаруживается и при рассмотрении данных о брачном выборе у женщин. Предполагается, что именно такие браки обычно обеспечивают межпоколенную передачу и историческую устойчивость внутрисоциальных культурно-бытовых традиций, в частности свадебных обычаев и обрядов.

В то же время если разбить изучаемые города по типологическим особенностям на две группы, то увидим, что в Ельце, Ефремове и Козельске чаще, чем в Калуге, возникают брачные контакты между семьями различного социального положения (табл. 8). В известной мере в малых и средних городах такие факторы, как местожительство, соседство и место работы, часто совпадают. Все это, естественно, приводит к развитию более тесных и несколько иных, чем в крупных городах, связей между различными группами городского населения и отражается на общей картине брачности, а в конечном счете — и на состоянии свадебных традиций. Опыт изучения городских свадебных обычаев и обрядов убеждает нас в том, что в своем развитии они обычно испытывают определенное воздействие со стороны таких факторов, как социальное происхождение и социально-профессиональное положение брачующихся, их культурно-образовательный уровень. Немаловажную роль играет продолжительность проживания людей в городе, а также степень их «включенности» в семейные связи с сельскими родственниками, характер складывающихся с ними взаимоотношений и т. п.

Здесь перед исследователем встают проблемы, связанные с изучением традиции, степени ее живучести, роли преемственности в свадебных обычаях и отношения к ним в отдельных классах и социальных группах советского общества. При изучении современной городской свадьбы интересно также проследить взаимосвязь формы свадебного обряда и особенностей социальных передвижений населения, т. е. определить, в какой мере свадебный обряд «реагирует» на перемещение людей из одного социального слоя (класса, группы) в другой или видоизменяется в случаях перемены профессии и повышения образовательного уровня в пределах одного и того же социального слоя. Для того чтобы разобраться в динамике этой зависимости, полезно было бы проследить ее на примере нескольких поколений. В рамках данной работы мы сможем коснуться лишь некоторых вопросов этих важных и чрезвычайно сложных проблем.

Как мы уже отмечали, при изучении современного состояния свадебных обычаев и обрядов в среде городского населения необ-

ходимо учитывать социально-профессиональную структуру семьи. Поэтому посмотрим, как в нашей выборочной совокупности распределяются брачные пары по социально-профессиональным группам (табл. 9).

Оказывается, самое большое количество профессионально-смешанных браков приходится на мужчин из группы рабочих основных сфер производства, в том числе на рабочих строительства и транспорта. Показательно, что мужчины из этой группы довольно часто вступают в брак с женщинами, которые работают в области науки, техники, культуры, врачами и учителями, т. е. относятся к группе интеллигенции, а также с обучающимися в высших и средних специальных учебных заведениях, включенных нами в группу «прочие». Предпосылкой для такого рода браков является резко возросший культурно-образовательный уровень современного рабочего класса. Механизация и автоматизация производства, как известно, изменяют характер труда: снижают удельный вес неквалифицированного физического труда, повышают потребность в высококвалифицированных кадрах. Научно-техническая революция требует постоянного повышения общего и специального образования участников производственного процесса, расширения их интеллектуальных возможностей. Под влиянием этого в среде рабочего класса, как отмечают в своих исследованиях социологи³⁸, образовался значительный слой людей, которые по своим культурным характеристикам во многом приближаются к уровню интеллигенции. Совокупное воздействие культурных и экономических факторов приводит к заметному сближению этих социальных групп и в области быта, семейно-брачных отношений, правов и традиций. Следует иметь в виду, что постепенное стирание социальных различий в системе оценок и отношений к прежним культурно-бытовым традициям обусловлено также и возрастанием масштабов социальных перемещений, в частности постоянным пополнением и обновлением интеллигенции выходцами из всех слоев населения городов и сел³⁹. С этим согласуются имеющиеся в нашем распоряжении этнографические сведения, а также данные анкетного обследования, представленные в табл. 10.

Дальнейший анализ анкетно-статистического материала о социально-профессиональной принадлежности брачующихся (см. табл. 10) показывает, что мужчины из группы рабочих и служащих сферы обслуживания дают большее количество профессионально-однородных браков, чем женщины, относящиеся к этой же группе. В целом же фактический материал свидетельствует о весьма частых брачных связях лиц, относящихся к различным социально-профессиональным группам. Однако, как видим из табл. 11, в изучаемых нами малых и средних городах эта направленность проявляется несколько сильнее, чем в Калуге, которая относится к большим городам. Последнее, вероятно, можно объяснить особенностями образа жизни в крупном городе, где

открывается большая возможность выбора брачного партнера из своей или близкой социально-культурной среды.

Эта тенденция обнаруживается и при изучении данных о распределении брачующихся по уровню образования (табл. 12). Образование выполняет в нашей стране важную общественную функцию, изменяя и обрядовую сторону жизни советских людей. Образование, изменяя мировоззренческие ориентации людей, ускоряет или, напротив, замедляет в зависимости от действия других социальных факторов развитие современных безрелигиозных форм свадебной обрядности.

Вместе с тем практика показывает, что конкретное поведение людей в различных обрядово-семейных ситуациях во многом зависит от социально-демографических характеристик человека, его возраста, семейного положения и т. п. В связи с этим анализ возрастных позиций супругов представляется нам интересным и необходимым как с точки зрения актуальных вопросов брака горожан, так и для уяснения некоторых особенностей современной городской свадьбы.

Брачный возраст. Собранный нами статистический материал показывает, что основное количество браков заключается молодежью в возрасте от 19 до 23 лет (табл. 13). Обращает внимание и то, что девушки чаще, чем юноши, вступают в брак до 19 лет. Из мужчин в этой возрастной группе, как видим, решилось вступить в брак только 6%.

В то же время мужчины в возрасте от 24 до 29 лет дают более высокий процент браков, чем женщины в этой же группе. В среднем разница в возрасте вступающих в брак составляет два-три года, причем мужчины имеют более высокий брачный возраст, чем женщины. В какой-то мере это связано с тем, что молодые мужчины проходят службу в армии; многие из них после возвращения домой продолжают свое дальнейшее образование и сравнительно поздно вступают в самостоятельную трудовую и семейную жизнь. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что родительская семья, как правило, стремится удержать сыновей, еще не получивших образования и профессии, от женитьбы, способствуя тем самым повышению среднего брачного возраста мужчин. Существующие различия в психологических и физиологических нормах между мужчинами и женщинами могут также оказывать определенное влияние на их брачный возраст.

Анализ комбинационного распределения брачных пар по возрастным группам (табл. 14) позволяет выявить определенную зависимость между возрастом жениха и невесты.

Мы видим, например, что мужчины в возрасте от 19 до 23 лет вступают в брак с женщинами самых разных возрастов. Однако наиболее распространенными оказываются случаи, когда жених имеет невесту примерно своего же возраста, т. е. 19—23 лет. В то же время мужчины в возрасте 24—29 лет в большинстве же-

нятся на женщинах из младших возрастных групп и реже — на своих сверстниках. В связи с этим хочется отметить, что в настоящее время разница между супругами в десять и более лет, столь обычная для некоторых социальных групп дореволюционного города, встречается редко даже при повторных браках. В целом эволюция брачного возраста привела к заметному уменьшению возрастного разрыва у вступающих в брак.

Места встреч и продолжительность знакомства молодежи до брака. Этнографический и статистический материал, собранный нами в городах средней полосы РСФСР, свидетельствует о достаточно серьезном отношении современной молодежи к браку. Как правило, решение о вступлении в брак принимается молодыми людьми спустя более или менее продолжительное время со времени знакомства и после серьезных размышлений (см. табл. 14). Анкетное обследование брачующихся в Калуге, Ельце, Ефремове и Козельске показало, что примерно половина всех браков заключается спустя год и больше после знакомства, а средняя продолжительность знакомства обычно составляет 1,5—2 года. Браки, заключенные после кратковременного знакомства (сроком до 6 месяцев), составляют в нашей выборочной совокупности меньшинство (табл. 15). Вместе с тем видим, что в Ельце, Ефремове и Козельске таких браков заметно больше, чем в Калуге, что, по всей вероятности, является следствием специфики условий жизни в малых и средних городах. В их быту обнаруживается меньшая, чем в крупных городах, семейная замкнутость и соседская разобщенность, большая информированность людей, в частности молодежи, друг о друге.

Анализ распределения ответов о продолжительности знакомства по полу и возрасту дает возможность говорить о том, что женщины в возрасте младше 19 лет и с 19 до 23 лет чаще, чем мужчины того же возраста, принимают решение о вступлении в брак, будучи знакомы менее чем полгода (табл. 16). Однако нет оснований думать, что этот факт свидетельствует о недостаточно серьезном отношении женщин к браку. Скорее всего, здесь сказывается традиционная разница психологических позиций мужчин и женщин в вопросах брака. Потребность в «семейном очаге», в детях у женщин обычно просыпается гораздо раньше, чем у мужчин. Что касается мужчин из возрастной группы до 19 лет, вступающих в брак с женщинами старше себя, то для них также характерным оказывается кратковременность добрачного знакомства (табл. 17). В этих ситуациях инициатива к заключению брака, как правило, исходит от женщины, что подтверждается нашими непосредственными наблюдениями.

Косвенное воздействие на продолжительность знакомства будущих супругов оказывает ряд других взаимодействующих социально-культурных обстоятельств. В связи с этим интерес представляют материалы о продолжительности знакомства будущих супругов, собранные с учетом принадлежности их к различным

социально-профессиональным группам, сведенные нами в табл. 18 и 19.

Анализ этих данных позволяет установить, что различие брачующихся в социально-профессиональном статусе обычно удлиняет срок их добрачного знакомства. Это явление характерно как для мужчин, так и для женщин, и его можно проследить во всех изучаемых нами группах городского населения. Так, например, большинство (11% всего числа опрошенных) мужчин — рабочих основных сфер производства, в том числе строительства и транспорта, вступившие в брак с женщинами из группы интеллигенции, указали, что их знакомство продолжалось два года и более, т. е. указали максимальный срок знакомства. То же самое можно сказать и о женщинах из рабочих основных сфер производства, вступающих в брак с мужчинами-интеллигентами. Показатель этой группы женщин — 8% (табл. 19). Подобная ситуация, вероятнее всего, складывается из-за несовпадения сроков завершения учебно-образовательных процессов и профессиональной социализации, что может задерживать решение проблемы создания семьи.

Помимо отмеченных выше факторов, в той или иной мере воздействующих на продолжительность добрачного знакомства, следует учитывать и такое жизненное обстоятельство, как время приезда людей в город. Для молодых холостых мужчин и незамужних женщин, переселяющихся в города, оторвавшихся от родительской семьи, создание собственной семьи приобретает особую актуальность. Анкетно-статистические материалы, собранные в изучаемых нами городах, показывают, что более половины всех приехавших в город за год до брака (а их доля в населении значительна) в течение этого же времени обзаводятся семьями (табл. 20, 24). Эти же данные свидетельствуют, что в подобных ситуациях и мужчины и женщины стремятся, как правило, вступить в брак с коренными горожанами или с ранее осевшими в данном городе приезжими. Браки между людьми из группы «приехавшие за год» — явление редкое (табл. 22).

Не имея возможности подробно остановиться на этом вопросе, отметим, что степень включенности приезжей молодежи в городской образ жизни, степень урбанизации их быта не только влияют на характер предбрачных и семейных отношений, но и, как мы впоследствии убедимся, сказываются на состоянии современных свадебных обычаев и обрядов, на их специфике.

Создание собственной семьи является естественной потребностью людей. Поэтому исстари большую, если не основную часть своего досуга молодежь всегда проводила в своей молодежной среде. Формы общения молодых людей, как мы знаем, были самые различные, но все они были направлены на выбор будущей жонихи или невесты. Этнографический материал, характеризующий современное городское население, также дает основание считать, что и теперь молодежь много свободного времени проводит

вне дома, отдельно от семьи, разделяя досуг со своими друзьями и товарищами, проводя его в общении со сверстниками.

По оценкам социологов, городская молодежь, не состоящая в браке, тратит еженедельно в два—три раза больше времени, чем семейные люди, на прогулки, танцы, встречи с друзьями и знакомыми, на посещение кафе, ресторанов, парков, на разнообразные культурно-зрелищные мероприятия и т. д.⁴⁰ Такие формы развлечений открывают широкие возможности для поисков женихов и невест, их «узнавания», завязывания знакомства и дружбы, приводящих нередко к браку. С этим согласуются и наши анкетные данные. Так, на вопрос, где познакомились будущие супруги, 54% общего числа брачующихся указали места общественного отдыха и культурно-массовых развлечений, 19% — работу, 14% — в гостях у родных, друзей, сослуживцев и т. д., 13% — различные учебные заведения (табл. 23, 24). Вместе с тем при рассмотрении этих показателей нельзя не заметить, что в Ельце, Ефремове и Козельске познакомившиеся в местах общественного отдыха и культурно-массовых развлечений дают по сравнению с Калугой более высокий процент. Объясняется это прежде всего, вероятно, тем, что среди молодежи малых и средних городов танцплощадки («пяточки»), которые в летнее время обычно организует сама молодежь во дворах домов, пользуются большой популярностью.

По мнению молодежи, танцы в настоящее время, как и прежде, служат наиболее удобным способом для завязывания знакомства. Девушки особенно любят «белый танец», на который они сами выбирают себе партнеров и тем самым выделяют из всех собравшихся понравившихся им парней. Материалы наблюдений показывают, что в отличие от общегородских площадок и залов на дворовых «пяточках» собирается более ограниченный и постоянный круг «гуляющих» парней и девушек. Сюда приходит, как правило, молодежь из одного и того же микрорайона или соседних домов, знакомая между собой. Появление на «пяточках» чужих парней бывает возможным чаще всего через посредников друзей. Однако если вновь появившийся парень пытается нарушить или, как говорят, «разбить» сложившуюся пару, то может возникнуть конфликт, который приводит к добровольному или принудительному «изгнанию» «чужака» из компании «гуляющих».

Молодежь, собираясь вечером на «пяточках», обычно танцует под магнитофон или проигрыватель. Иногда с разрешения общест-венности для этого во дворах устанавливаются радиусилители. Помимо новых современных танцев — халли-галли, буги, шейк, боса-нова, летка-енка и т. д., большой популярностью у молодежи пользуются и такие давно известные общеевропейские танцы, как чарльстон, фокстрот, танго, вальс. Пляски с пенном частушек и припевок под гармонь в настоящее время для гуляющих городской молодежи не характерны. Эти традиционные развлечения, широко бытовавшие еще в 1950-х годах не только в

селах, по и в городах, в последние десятилетия практически вытеснены танцами и песнями профессионального происхождения. Вместе с тем продолжают сохраняться многие молодежные игры, в том числе игры с поцелуями, такие, как «испорченный телефон», «ручеек», «цветочный флирт» и др., широко распространенные на посиделках и других молодежных сборищах в конце XIX — начале XX в.

Надо заметить, что сама рассмотренная нами форма молодежных встреч на «пяточках» является ни чем иным, как современной разновидностью традиционного обычая летних уличных молодежных гуляний, широко бытовавших, как уже было сказано, в прошлом у населения изучаемых городов. В настоящее время, как мы отмечали, эта форма досуга более характерна для молодежного быта малых и средних городов. Во многом это объясняется условиями бытовой обстановки и особенностями их социально-культурного развития, а также силой некоторых привычек и нравов их обитателей, в большей степени, чем жители крупных городов, сохраняющих приверженность старым народным традициям.

Наряду с другими формами отдыха и развлечений встречи парней с девушками на дворовых танцплощадках, таким образом, продолжают выполнять свою функцию, способствуя, как и прежде, встрече и выбору будущих супругов.

Результаты нашего анкетного обследования (табл. 25, 26) свидетельствуют о том, что мужчины и женщины из возрастных групп до 19 лет и в возрасте от 19 до 23 лет в подавляющем большинстве случаев знакомятся со своими будущими супругами в местах общественного отдыха и культурно-массовых развлечений. Причем, изучая данные табл. 26, не трудно заметить, что доля таких браков у мужчин с увеличением их возраста постепенно уменьшается. В целом эта закономерность, несмотря на некоторые отклонения, характерна и для женщин.

Дальнейший анализ статистических данных позволяет обнаружить и ряд других интересных моментов. Так, например, мы видим, что в возрастных группах от 19 до 23 лет и от 24 до 29 лет чаще, чем в других группах, возникают брачные знакомства в различных учебно-образовательных заведениях и на работе. И это не случайно. На этом жизненном этапе, когда обычно завершается учебно-образовательная и профессионально-трудовая социализация молодежи, усиливается ее стремление создать собственную семью. Совместная работа или учеба молодых людей, естественно, является благоприятным обстоятельством для «поиска» будущего супруга из своего социально-культурного круга. Учебный или рабочий коллектив в данном случае выступает в качестве основной ячейки, в пределах которой ведется «поиск». В дальнейшем, как показывает собранный материал, супруги стремятся исключить возможность работы в одном коллективе, опасаясь на целый ряд неудобств общественного и личного порядка.

Изучение анкетного материала о местах добрачного знакомства показывает также, что встречи будущих супругов в гостях представляют обычное явление для всех социально-профессиональных и возрастных групп, но степень их распространенности различна (табл. 27—28). Так, можно, например, говорить, что для мужчин и женщин из возрастной группы в 30 лет и выше брачные знакомства в гостях у родных, друзей, сослуживцев являются наиболее типичными. Вместе с тем в нашей выборочной совокупности таких браков в Калуге, как видим, оказывается значительно больше, чем в Ельце, Ефремове и Козельске. Можно считать, что некоторое несоответствие показателей здесь объясняется не столько особенностями семейно-бытовых привычек населения изучаемых городов, сколько существующей разницей в бюджете свободного времени у молодежи в городах разного типа.

Как известно, крупный город открывает больше возможностей для удовлетворения потребности завершения культурно-образовательной и профессионально-трудовой социализации. Это, естественно, отражается на бюджете свободного времени юношей и девушек, на формах их досуга, а нередко изменяет и брачную ориентацию, что в свою очередь может затягивать добрачный период в жизни молодых людей, способствуя более позднему заключению брака.

Материалы наблюдений свидетельствуют о том, что для людей в возрасте 30 лет и выше добрачное знакомство в гостях часто является результатом преднамеренных действий со стороны родных, друзей, сослуживцев и т. п., желающих таким образом оказать им помощь в выборе жениха или невесты.

Надо сказать, что семейные или дружеские праздничные встречи сейчас, как и прежде, считаются одним из благоприятных моментов для завязывания такого рода знакомств между мужчинами и женщинами. Чаще всего заинтересованных в знакомстве лиц «покровители» специально приглашают в числе гостей к себе в дом на какое-либо праздничное торжество, где их представляют друг другу. Однако следует признать, что мужчины реже, чем женщины, обращаются к дружеским услугам посредников. Объясняется это тем, что по традиционно-бытовым нормам морали и этикета открытая инициатива в завязывании знакомств, как, впрочем, и само предложение вступить в брачный союз, остается функцией преимущественно мужчин. Кроме того, не следует забывать, что с повышением брачного возраста женщин их шансы вступить в брак уменьшаются быстрее, чем у мужчин. Не случайно в современном обыденном представлении горожан возраст 30 лет для женщины считается поздним для обзаведения семьей. Про одиноких женщин в возрасте 30 лет и выше говорят, что они «заневестилась» или «засиделась в девках». Показательно и то, что родители, несмотря на самостоятельное положение взрослой незамужней дочери в семье и обществе, считают, что ее личная

жизнь «не сложилась», следуя в этом издавна бытующим в народе представлениям.

Вместе с тем принципиально новые по сравнению с дореволюционным прошлым взгляды на брак, господствующие в обществе, семье и среди самой молодежи, явились серьезным препятствием для устройства браков и брачных знакомств с помощью свах, особенно свах-профессионалок, столь популярных у различных социальных слоев населения города в прошлом. Институт свах-профессионалок был порожден определенным социально-экономическим укладом дореволюционного города, но после революции он, как свидетельствуют наши материалы, исчез не сразу. В 1920-х годах свахи-профессионалки еще встречались в обследованных нами городах. Приспосабливаясь к новым условиям, «модернизируя» приемы сватовства, они всячески старались использовать свое ремесло как прежнюю статью дохода. В Ельце в этот период известная сваха Чигариха не только знала всех невест города и могла дать подробные сведения об их семьях, но к тому же имела фотографии девушек-невест. За небольшую плату парень мог посмотреть хранившиеся у нее портреты и выбрать приглянувшуюся ему девушку. В зависимости от договоренности сваха или сама шла сватать, или давала парню адрес. Этим пользовались так называемые вечные женихи, ходившие под предлогом сватовства просто пообедать у невесты. Как рассказывает, например, А. М. Меркулов (75 лет, г. Елец), «жениха всегда встречали хоть каким-никаким да угощением! Время-то ведь было голодное, беспокойное, да и парней мало»⁴¹.

Исходя из задач нашей работы, в данном разделе мы коснулись лишь тех сторон молодежного быта, которые непосредственно связаны с проблемой вступления в брак. Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что в настоящее время в изучаемых нами городах, так же как и повсюду, получают широкое распространение внесемейные формы молодежного общения, на базе которых преимущественно и возникают предбрачные знакомства. Развитие самых широких и разнообразных форм внесемейного общения освобождает молодежь при выборе будущего супруга от прямого контроля и нежелательного для нее нажима со стороны родительской семьи. Вместе с тем, как справедливо отмечают социологи, все возрастающая ориентированность молодежи на общение вне семьи и дома может служить в определенных ситуациях «питательной средой для нежелательных общественно эксцессов», в частности возникновению ранних добрачных сожительств, пьянства и т. д.⁴² Рассмотрение подобных проблем выходит за рамки нашего исследования.

В заключение следует сказать, что в современном молодежном быту большую роль играют новые, не характерные для дореволюционного города места добрачного знакомства. Появление их связано с совместной работой или учебой молодежи. Это стало возможным в результате социалистических преобразований, осу-

ществленных в нашей стране и обеспечивших равноправное включение женщин в общественную, культурную и производственную жизнь народа.

СОВРЕМЕННАЯ СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Предсвадебные обряды. Этнографический материал, собранный в изучаемых городах, показывает, что за годы Советской власти произошли коренные изменения не только в семейных отношениях горожан, во взглядах на брак, но и в составе и самой форме проведения свадеб. В настоящее время традиционный свадебный обряд как целостный многожанровый обрядовый комплекс уже не сохраняется в быту горожан. Опыт изучения свадьбы у различных социально-профессиональных групп позволяет говорить лишь о бытовании отдельных элементов традиционного обряда; наиболее стойкой оказывается, как правило, терминология отдельных моментов свадебного обряда, тогда как традиционные соответствующие действия обычно отсутствуют или носят исключительно формальный характер. Вместе с тем выявленные элементы традиционной свадьбы имеют не одинаковую степень распространенности в отдельных группах горожан. Например, как мы помним, такие важные в прошлом организационно-хозяйственные и обрядово-игровые моменты свадьбы, как сватовство, сговор (помолвка, образование, рукобитье), имевшие достаточно широкое социальное бытование вплоть до 1930-х годов ⁴³, в настоящее время чаще всего встречаются только в терминологии (преимущественно в среде строителей, транспортников, а также у рабочих и служащих сферы обслуживания).

Во многом это объясняется тем, что в состав указанных групп входит значительное число лиц, сравнительно недавно вышедших из колхозно-крестьянской среды ⁴⁴ (табл. 29, 30), в которой, как известно, наиболее стойко удерживаются этнокультурные традиции, в том числе и свадебные. Цифровые данные, представленные в табл. 29 и 30, убеждают нас в том, что в этой части приезжих брачующихся преобладают выходцы из сельских районов изучаемых и соседних с ними областей. Это важное обстоятельство во многом является ключом к пониманию некоторых локальных «крестьянских» особенностей, встречающихся в современной свадьбе горожан. Таким образом, проблема, связанная с изучением соотношения, взаимовлияния и эволюции этнических и социальных традиций в свадебном ритуале горожан, остается актуальной и на сегодняшний день.

Результаты нашего анкетного обследования свидетельствуют также о том, что многие из брачующихся, приехавших из сельских районов, относительно поздно, всего за год до брака (табл. 31), перешли в другую социальную категорию, став горожанами. Поэтому не удивительно, что в их привычках, нравах и вкусах мо-

жет быть обнаружено тяготение к традициям, свойственным их родной социальной среде⁴⁵.

В связи с этим интересно заметить, что в группах рабочих основных сфер производства, строительства, транспорта, рабочих и служащих сферы обслуживания общее число лиц, приехавших за год до брака, намного больше, чем в других группах, объединяющих интеллигенцию и прочих (табл. 32, 33). Так, например, в Калуге на их долю приходится: у мужчин — 93%, у женщин — 83%, а в остальных изучаемых нами городах у мужчин — 77%, у женщин — 82%.

Традиционный термин «сватовство» употребляется для обозначения определенных предсвадебных действий и среди группы рабочих крупных промышленных предприятий, хотя потомственные рабочие занимают в ее составе основное место. Анализ собранного материала показывает, что внутри этой группы понятие «сватовство» встречается чаще всего в семьях, поддерживающих регулярные, устойчивые связи с сельскими родственниками и друзьями, а также имеющих относительно низкий культурно-образовательный уровень⁴⁶.

Таким образом, можно сказать, что бытование этого традиционного термина в городе в той или иной степени связано с сельским влиянием. Поскольку в настоящее время браки по личному выбору и взаимной склонности жениха и невесты стали нормой в семье и в обществе, то полностью изменился и традиционный характер сватовства. В современной городской свадьбе сватовством фактически называют момент предсвадебного знакомства родителей жениха и невесты. Напомним, что в русском традиционном свадебном ритуале середины XIX в. — начала XX в. этот момент входил в состав сватовства и играл определяющую роль при заключении брака. Теперь он выполняет лишь функцию скрепления уже существующей личной договоренности между молодыми людьми. В таком же смысле употребляют обычно термин «сватовство» рабочие и служащие сферы обслуживания. Следует отметить, что в этой группе городского населения особо выделяются работники службы быта, которые по степени сохранения традиционной терминологии, а также целого ряда свадебных обрядовых моментов и действий ближе всего стоят к рабочим строительства и транспорта. Однако наличие традиционных свадебных обычаев в быту этой части горожан во многом определяется степенью урбанизации их внутрисемейного быта, привычками и нравами, свойственными родственному и дружескому окружению брачующихся, а также теми контактами, которые поддерживают конкретные семьи с сельскими родственниками, что довольно четко прослеживается на материале, собранном нами в изучаемых городах у работников торговли, фабрик художественной вышивки (Калуга)⁴⁷ и кружевного производства (Елец)⁴⁸⁻⁴⁹.

В группе интеллигенции знакомство родителей жениха с родителями невесты, как правило, также входит в предсвадебный этап свадебного цикла. Следует сказать, однако, что хотя у интеллигенции и обнаруживается интерес к русской народной свадьбе, а порою и знание основных ее обрядовых моментов, некоторых свадебных чинов и обрядовой терминологии, в действительности эти знания практически никак не реализуются. В этой среде традиционный обрядовый характер сохраняет, пожалуй, только день свадьбы, как вид брачного веселья.

Возвращаясь к моменту знакомства, скажем, что в тех случаях, когда родители брачующихся живут в разных и далеко отстоящих друг от друга городах, первая встреча «сватьев» может произойти накануне или даже в день свадьбы, что является нарушением прежних традиционных брачных норм. Последнее особенно характерно для быта студенчества и военнослужащих, которые оторваны от родительской семьи. Интересно отметить, что термины «сватья» («сват», «сватья»), «зять», «невестка» («сноха»), «свекровь», «золовка», «деверь» оказались жизнестойкими. В современном лексиконе всех социально-профессиональных групп города они, как и прежде, употребляются для обозначения семейно-брачного родства.

Мы уже отмечали, что во всех группах городского населения при обычных обстоятельствах родители как жениха, так и невесты, узнав о намерении сына или дочери обзавестись собственной семьей, стремятся как можно раньше встретиться друг с другом, чтобы поближе познакомиться и обсудить дела, касающиеся подготовки и проведения свадебного торжества, устройства будущей жизни молодоженов. Для этого одна из сторон приглашает к себе в дом другую, либо лично, либо через сына или дочь. Это последнее с точки зрения норм обрядового поведения даже и в первой четверти XX в. еще воспринималось основной массой горожан как грубое нарушение традиции, которая не позволяла брачующимся самим выступать в роли посредников между их родителями при завязывании новых семейно-брачных отношений. Более того, как помним, традиция требовала от жениха и невесты демонстративно пассивного поведения либо вообще отсутствия в моменты первой официальной встречи и знакомства их родителей, добрачных родственных гуляний («запойны», «пирушки» и т. п.). Однако равноправное положение молодежи в Советском государстве, постоянно растущий престиж ее в семье и обществе способствуют развитию принципиально новых, демократических отношений между поколениями, что привело, в частности, к изменению норм обрядового поведения не только жениха и невесты, но и более старших участников свадьбы.

Традиционный свадебный обряд, как система ритуализованных действий, синтезировал в себе разнообразные элементы светского и религиозного содержания. Появление в русской свадьбе элементов православно-церковного культа было связано с тем,

что на протяжении длительного исторического периода, предшествовавшего социализму, церковь занимала господствующее положение в духовной жизни общества. Она вторгалась во все сферы общественной и личной жизни людей, во многом подчиняла их себе, что, как уже говорилось, отчетливо прослеживается и на материалах дореволюционных свадебных обрядов горожан.

Опыт изучения традиционной русской свадьбы убеждает нас в том, что к XIX в. не только венчание, но и целый ряд других религиозно-культурных действий с церковными символами и атрибутами превратились в норму свадебного обрядового поведения, отражая в действительности определенные религиозные воззрения людей. Исследователи народного быта нередко упускали из виду это обстоятельство, что способствовало распространению в этнографической литературе ограниченного и несколько тенденциозного мнения о якобы слабом влиянии идеологии официальной религии на русские семейно-бытовые традиции, в том числе и на свадебные.

Факты убеждают в том, что падение социального авторитета религии и ослабление религиозности в нашем обществе в целом привели к постепенному выпадению религиозно-культурных элементов из свадебной обрядовой практики самых широких слоев населения. Однако этот сложный и социально-неравномерный процесс протекал не везде одинаково. Этнографические материалы, собранные нами в Калуге, Ельце, Ефремове и Козельске, свидетельствуют о том, что здесь, как и повсюду, в первое после-революционное десятилетие обычно лишь в свадьбах передовой молодежи, среди комсомольцев и членов Коммунистической партии отсутствовали крестоположение, отбивание поклонов, благословение иконой и молитвой, обрядовые моления и т. п. У основной массы горожан фактически продолжало сохраняться большинство традиционных религиозно-ритуализованных действий, в том числе и церковный обряд венчания, хотя он уже и не являлся официальным юридическим актом, узаконивающим брак. Несмотря на «неправомочность» венчания, вступающие в супружество стремились, как правило, наряду с гражданской регистрацией брака в ЗАГСе совершить и этот церковный обряд. Полевые материалы, относящиеся к 1920-м годам, регистрируют в малых и средних городах большую, чем в Калуге, степень сохранности и социальной распространенности церковно-религиозных элементов в свадебных обрядах горожан. В настоящее время это явление во всех изучаемых нами городах носит спорадический характер и возникает главным образом в результате религиозности старшего поколения.

Из бесед с молодоженами — нашими современниками об их свадьбах иногда вдруг выясняется, что они, не желая огорчать родителей, бабушек или дедушек, уступали им и разрешали «потихоньку», без широкой огласки, выполнять над собой такие религиозно-обрядовые действия, как благословение иконой, пере-

крещивание и т. п. В данном случае мы сталкиваемся с очень серьезной проблемой о различных способах воспроизведения бытовой религиозности через старшее поколение. Нельзя не согласиться с исследователями, отмечающими, что выполнение «верующими и известной частью неверующих религиозных обрядов свидетельствует о наличии, хотя и в рудиментарном виде, потребности в религиозной деятельности...»⁵⁰ и в религиозном осмыслении такого важного момента семейно-бытовой жизни, как вступление в брак. Эта проблема выходит за рамки нашего исследования, а потому продолжим рассмотрение непосредственно стоящих перед нами вопросов.

Поскольку современный брак не является экономической сделкой, то потеряли смысл и совершенно исчезли из предсвадебного этапа городской свадьбы такие моменты, как торг, во время которого договаривались о составе приданого и составляли его роспись, а также демонстративный перевоз постели и приданого невесты в дом новобрачных, имевший, как мы помним, престижный характер и сопровождавшийся в некоторых социальных слоях шуточно-игровыми обрядовыми действиями.

На современном этапе в городской свадьбе о приданом специально, как правило, не договариваются, и решающей роли при заключении брака оно не играет. Однако мать невесты, да и сама девушка обычно стараются приобрести не только все необходимое из личных вещей, но и постельные принадлежности (наволочки, простыни, пододеяльники, одеяла и т. п.), обязательно входившие ранее в состав традиционного приданого невесты. Кроме того, родители жениха и невесты нередко по договоренности совместно покупают для молодых различные предметы убранства дома, мебель, холодильник, телевизор. Бывает, что в покупке участвуют и ближайшие родственники, как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Все это в современной бытовой лексике определяется как «приданое молодым». Однако здесь мы сталкиваемся не с чем иным, как с современной разновидностью традиционного обычая родственной помощи молодым, вступающим в самостоятельную семейную жизнь. Такого рода рациональные брачные обычаи и прежде были широко распространены у многих народов.

К вопросу о характере приданого в современной свадьбе горожан примыкает не менее сложная и важная проблема, связанная с определением места будущего жительства молодых. В последние десятилетия в изучаемых нами городах, как и повсюду, в связи с развитием малой семьи и улучшением жилищно-бытовых условий становится привычной нормой, что молодые поселяются отдельно от родительской семьи. Так, в нашей выборочной совокупности, в Калуге более половины, а в Ельце, Ефремове и Козельске — немногим меньше половины (табл. 34) вступающих в брак ответили, что они будут жить отдельно от родственников. Эта тенденция обнаруживается во всех изучаемых нами социально-

профессиональных группах городского населения (табл. 35, 36).

Следует заметить, что в настоящее время у горожан отсутствует прежнее традиционное, основанное на нормах патриархальных семейно-брачных отношений представление, по которому женщина после брака должна была поселяться в семье мужа. Более того, результаты нашего анкетного обследования показывают, что молодые после брака намереваются даже несколько чаще оставаться жить в семье невесты, чем в семье жениха (см. табл. 34). При этом собранный бытовой материал не регистрирует каких-либо прежних негативных обычаев, связанных с «примачеством». Показательно и то, что сам термин «примак» фактически выпал из семейно-бытового лексикона горожан.

Более детальный анализ цифровых данных табл. 35 и 37, вероятно, позволил бы установить и то, в какой мере влияет социально-профессиональная принадлежность брачующихся на предпочтительный выбор места их будущего проживания — в семье жениха, в семье невесты или отдельно от всех. Разумеется, выбор места жительства будущих супругов не только определяется их желанием, но и зависит от целого ряда других взаимодействующих факторов, в частности от жилищно-бытовых условий семей, их социально-культурного уровня и т. п. Однако в данной работе нас интересуют основные тенденции в разрешении этого вопроса, среди которых склонности самих молодых людей во многом являются решающими. Можно сказать, что желание молодых жить отдельно от родителей прослеживается весьма определенно. Если у самих молодых к моменту заключения брака еще не разрешена проблема с жильем, то их родители, как правило, до свадьбы договариваются оказывать им совместную материальную помощь, которая бывает весьма значительной. Иногда они оплачивают временно снимаемую для молодоженов комнату, иногда помогают внести деньги за кооперативную квартиру и т. п.⁵¹ Результаты изучения быта горожан показали также, что нередко кооперативный взнос уплачивается с помощью сельских родственников. При таких обстоятельствах бывает, что молодая семья отказывается от права наследования движимого и недвижимого имущества сельских родственников⁵²

Вместе с тем наши этнографические наблюдения, а также результаты анкетного обследования (табл. 38) убеждают в том, что в случае совместного проживания молодоженов с родителями замужние дочери чаще, чем женатые сыновья, имеют общий бюджет с родительской семьей. Здесь, как нам кажется, мы сталкиваемся с одной из форм проявления некоторого женского «автократизма» в семье. Затронутый вопрос имеет самое непосредственное отношение к проблеме изучения института главы семьи в современном быту горожан.

В предсвадебном этапе сохраняются и некоторые традиционные организационно-хозяйственные моменты, связанные с распре-

делением между семьями финансовых расходов на свадебное торжество, с определением места проведения свадьбы и т. д.

По нашим непосредственным наблюдениям, именно в это время возникает сложная, иногда противоречивая ситуация, порожденная столкновением взглядов на свадебный обряд молодежи и родителей. Она ярко прослеживается по материалам о комсомольско-молодежных свадьбах. Особенно серьезными бывают расхождения нетрадиционных общественных представлений и взглядов на брак с внутрисемейными традиционными, подчас консервативными нормами обрядового поведения. Большое значение при этом имеет некоторое отдаление родителей молодых от организации такой свадьбы. В самой идее комсомольских свадеб заложено представление об очень активном общественном начале при их устройстве. Вся хозяйственная и финансовая сторона ложится на общественность предприятия, которая организует свадьбу, что само по себе сопряжено с целым рядом трудностей. Выделенный актив определяет состав участников свадьбы, предлагает распорядок торжества, меню угощений, покупает подарки новобрачным, присутствует во время церемонии регистрации брака в ЗАГСе и т. д. Такая доминирующая роль общественности нередко способствует отстранению от свадебного действия родственников новобрачных; представления и желания родных, связанные с этим событием, остаются нереализованными. И как выход из создавшейся ситуации — через день или несколько дней после комсомольской свадьбы родственники устраивают свою семейную свадьбу, в которой сохраняется ряд моментов традиционного обряда и участвует широкий круг родственников. Такая форма свадебного веселья остается наиболее распространенной. Не случайно, что 69% анкетированных высказывались в ее пользу (табл. 39).

В том случае, когда взгляды младшего поколения и старших не совпадают, может возникнуть конфликт. Родители, рассматривая брак своих детей как важное событие в семье, стараются оповестить и собрать близких и дальних родственников, даже если с последними они не поддерживают постоянных контактов. Дети же обычно скептически относятся к таким «старомодным» взглядам старшего поколения. Они предпочли бы отметить свадебное торжество в кругу своих сверстников, считая его сугубо личным праздником. Разногласия такого рода четче проявляются в семьях, где духовные контакты между поколениями несколько ослаблены, что чаще наблюдается между родителями и детьми, живущими длительное время в отрыве друг от друга, а также иногда принадлежащими к разным социально-профессиональным и культурно-образовательным группам и т. д.

Таким образом, приведенные выше материалы дают представление о том, как в настоящее время складываются брачно-родственные отношения в досвадебный период, а подчас выявляют и некоторые особенности внутрисемейных отношений у населения

изучаемых городов. Анализ этнографических и статистических материалов показывает также, что в предсвадебном этапе современного свадебного цикла горожан сохраняются главным образом моменты, имеющие рационально-хозяйственную направленность, связанную с подготовкой к браку, организацией свадебного торжества и различных видов помощи вступающим в брак. Крайне важным является то, что прежняя обрядово-магическая и церковно-культовая символика этих моментов отсутствует. Это свидетельствует о развитии безрелигиозных форм свадебного обряда у горожан. Вместе с тем разрушение так называемого трафарета ситуации в свадебном комплексе, т. е. выпадение из него целого ряда обрядовых действий, строго выполнявшихся, согласно традиции, в моменты сватовства, просватания, сговора, девичника и т. п., привело к исчезновению различных форм поэтического фольклора. В настоящее время в предсвадебном этапе городской свадьбы мы практически не встречаем традиционных формул вступлений, иносказаний, метафор, сравнений, причета — всего того, что усиливало театрализованность свадебных действий, приподнимало их над житейской обыденностью.

День свадьбы. В дореволюционном свадебном цикле к моменту официального оформления брака приурочивался целый ряд обрядов и церемоний. Одни из них, как помним, происходили в доме жениха, другие — в доме невесты. Некоторые были связаны с отъездом свадебного поезда в церковь и возвращением оттуда. Со временем многие из старинных обычаев трансформировались, переместились из одного обряда в другой, а некоторые совсем исчезли.

Из всех многочисленных обычаев, соблюдавшихся горожанами в день свадьбы, наиболее устойчивым оказался обычай традиционного свадебного застолья. Материалы, собранные нами в изучаемых городах, убеждают в том, что на всех этапах послеоктябрьского периода истории нашей страны, включая и трудные годы после гражданской и Великой Отечественной войн, основная масса горожан стремилась отметить и отмечала вступление в брак многолюдным праздничным застольем. Почти всегда свадебное празднество устраивалось в день регистрации брака.

В настоящее время у всех социально-профессиональных групп городского населения эти два момента являются главными в день свадьбы. Торжественная регистрация брака, как одна из важных составных частей советской безрелигиозной обрядности, занимает все большее место в духовной жизни и праздничном быту горожан, что является результатом длительной идеологической и организационной работы, проводимой советским обществом. Как видно из наших материалов, молодежь психологически подготовлена к активному восприятию новых, советских обрядов. Так, уже в 1969 г., т. е. спустя всего пять лет с момента регулярного проведения в ЗАГСх изучаемых городов торжественного ритуала записи новобрачных, почти половина анкетированных,

46%⁵³, пожелала зарегистрировать свой брак в торжественной обстановке. Статистика ЗАГСов показывает, что в последующие пять лет количество браков, зарегистрированных в торжественной обстановке, заметно возросло. Например, в торжественной обстановке было зарегистрировано (от общего числа браков в год): в Калуге в 1970 г.— 64%, 1971 г.— 79, 1972 г.— 94, 1973 г.— 92, 1974 г.— 98%; в Ефремове в 1970 г.— 65%, 1971 г.— 70, 1972 г.— 82, 1973 г.— 85, 1974 г.— 78%⁵⁴.

Вместе с тем приведенные цифры указывают на несовпадение темпов роста популярности обряда торжественной регистрации брака у населения крупного и среднего города. Причины отчасти кроются в том, что в городах отделы ЗАГСов находятся в неодинаковых культурно-бытовых условиях. Так, в отличие от ЗАГСов Калуги и Козельска ефремовский и елецкий ЗАГСы к моменту исследования (1975 г.) еще не располагали специальным технически оборудованным и художественно оформленным помещением. При обслуживании церемонии торжественного бракосочетания ощущались малочисленность штатов работников ЗАГСов и отсутствие в них специально подготовленных работников, достаточно хорошо владеющих знаниями и навыками, необходимыми для проведения обрядов.

Все это, естественно, не могло положительно воздействовать на эстетические вкусы и эмоции молодых людей, не развивало у них потребности в новом, торжественном ритуале. Ведь устойчивость и жизненность любых обрядовых традиций, в том числе и свадебных, коренятся, как известно, и в силе их эмоционального воздействия на духовный мир человека. В последние годы коллективы работников ЗАГСов всех изучаемых нами городов, как и повсюду, усилили свою деятельность именно в этом направлении, стараясь сделать церемонию регистрации как можно более торжественной и впечатляющей.

В современной свадьбе снова большое значение придается одежде брачующихся. Заметим, что после революции традиционный свадебный наряд в изучаемых городах продолжал широко бытовать у основной массы горожан вплоть до 1930-х годов. В 1940—1950-х годах он практически ушел из быта, а с начала 1960-х годов, т. е. с момента проведения первых торжественных регистраций, вновь получил самое широкое распространение⁵⁵. Как и прежде, он выполняет демонстративно-разграничительную роль, выделяя жениха и невесту среди участников брачной церемонии и посторонних наблюдателей. Вместе с тем, как мы убедились, ни сами новобрачные, ни их родители не сохраняют в настоящее время даже в рудиментарном виде прежних представлений об обрядово-магических и религиозно-культурных функциях брачной одежды жениха и невесты. Об этом свидетельствуют такие факты, как то, что одежду новобрачных из практических соображений можно взять на прокат в бюро добрых услуг или продать, как ненужную, после свадьбы, что по

бытовым канонам, существовавшим в дореволюционном городе, было недопустимо. В целом наряд невесты, как и прежде, повторяет традиционный городской свадебный костюм общеевропейского образца, с небольшой поправкой на современную моду. Особенно тщательно невеста готовит свое свадебное платье. Обычно оно бывает белого цвета и шьется из шелка, нейлона, гипюра, крепа, кримплена, из тканей, модных в данный сезон. Фасон платья также должен соответствовать моде, принятой для платья подобного назначения. Иногда шьют белые шерстяные костюмы, состоящие из юбки и жакета, более удобные в повседневном быту, чем нарядное бальное платье. Заметим, однако, что в обследованных нами городах костюм как свадебный наряд встречается гораздо реже, чем платье.

Фата снова стала частью торжественного наряда невесты, но теперь она делается более короткой, чуть доходящей до плеч, и украшается, помимо традиционных померанцевых цветов, бижутерией в виде жемчужных бусинок, стекляруса и т. п. Впрочем, фасон фаты и ее украшение также определяются модой. Любопытно, что фата в одежде невесты сейчас играет определенную престижную роль. Несмотря на то что фату можно свободно купить в магазине новобрачных, ее часто шьет сама невеста с помощью подруг⁵⁶. Особенно это распространено в студенческой среде; при этом объясняют, что в магазине продают стандартные и не такие красивые, как индивидуально сшитые. В Ельце в 1966 г. в общежитии железнодорожного техникума устраивались даже конкурсы на лучшую фату, сшитую самой невестой. В последние годы появился обычай украшать прическу невесты вместо фаты букетиками белых искусственных цветов. Свадебный туалет невесты обычно дополняют длинные белые перчатки и белые нарядные туфли.

Наряд жениха также в своей основе традиционен. Обычно это темный костюм, белая рубашка и темные лаковые туфли. В петлицу лацкана пиджака жениху иногда вдевают белый или красный цветок.

За последние десять лет обручальные кольца снова вошли в быт. Их приобретают, как и раньше, жених или его родители. Этими кольцами новобрачные обмениваются при регистрации брака. Интересно, что в сознании молодежи сохраняется традиционное представление, что обручальное кольцо — это символ супружеского союза. Кроме того, оно и теперь является разграничительным знаком, отличающим лиц, состоящих в браке, от несемейных.

Что касается традиционной одежды и атрибутов⁵⁷ участников брачной церемонии, то уже на рубеже XIX—XX вв. в изучаемых нами городах они сохранялись лишь частично, имея при этом свои социальные особенности и различную степень распространенности в быту горожан.

Наши материалы, фиксирующие состояние свадебных обычаев и обрядов в настоящее время, а также результаты предварительного изучения этого вопроса убеждают в том, что в период с конца 1920-х до середины 1950-х годов традиционные свадебные чины с их названиями и функциями при официальном оформлении брака полностью отсутствовали. И это вполне естественно, так как они не соответствовали содержанию и форме нового акта гражданской регистрации брака в ЗАГСе. Однако в современной городской свадьбе в связи с распространением торжественного ритуала бракосочетания, включением его в бытовую обрядовую схему свадьбы произошло возрождение, хотя и в сильно модифицированной форме, некоторых традиционных чиннов. Существенно важным является то, что теперь их функции приспособлены к безрелигиозному ритуалу и направлены исключительно на то, чтобы усилить его торжественность и праздничность, сделать незабываемым этот момент для новобрачных и их близких⁵⁸.

В состав современной свадебной свиты входят: гости, приезжающие с женихом и невестой в ЗАГС, — «провожатые», официальные свидетели с обеих сторон — «дружка» жениха, «подружка» невесты и «младшие провожатые» — обычно дети до 16 лет, функции которых бывают разнообразны. Так, например, когда брачующиеся перед началом торжественной церемонии бракосочетания расходятся в комнаты жениха и невесты, младшие провожатые вместе с подругами невесты осматривают и приводят в порядок ее наряд, оказывают различные мелкие услуги. Вероятно, поэтому их иногда называют «младшими помощниками» «прислужниками» (Елец, Ефремов). Кроме того, они следуют за невестой в брачной процессии, стоят позади нее на брачном ковре в момент торжественной регистрации брака и т. п. Младшие провожатые-девочки обычно бывают одеты в белые платья, на голове у них — наkolки из цветов, на ногах — светлые туфли и т. д. Одежда мальчиков может быть различных цветов, но непременно праздничного вида. В последние годы распространился обычай, согласно которому свидетели стали вновь вводить в свой костюм какой-либо разграничительный знак, выделяющий их из среды присутствующих гостей.

В быту населения Калуги, Ельца, Ефремова и Козельска в настоящее время заметно активизировался процесс возрождения игровых обычаев и обрядов традиционной свадьбы, среди которых встречаются и такие, которые в условиях современной жизни развились как шуточно-игровые.

Появление в современной городской свадьбе некоторых традиционных крестьянских элементов можно объяснить, вероятнее всего, интенсивным приливом сельского населения, особенно за послевоенный период. Следует сказать, что в том случае, когда у молодых людей, вступающих в брак, или у одного из них родители живут в ближайших селах, справлять свадьбу нередко

едут туда. При выяснении причин подобного обычая мы часто получали от информаторов ответы такого рода: «Здесь друзья, а там родня, куда же от нее!», «В деревне-то оно веселее, проще, места, да и гульбы больше» или «Родителей обижать не хотели»⁵⁹. По нашим непосредственным наблюдениям, многое в поведении новобрачных определяется прочностью и разнообразием семейных связей горожан с сельскими родственниками и друзьями, а также силой некоторых «деревенских» привычек и представлений, которые в малых и средних городах сохраняются дольше, чем в крупных⁶⁰. Не случайно в нашей выборочной совокупности в Калуге 20%, а в Ельце, Ефремове и Козельске больше 35% анкетированных высказали намерение отпраздновать свадьбу у деревенских родственников по местным обычаям (табл. 40). Вместе с тем эти данные показывают, что во всех изучаемых нами городах имеется более или менее широкий слой населения, который для последующего поколения может оказаться носителем тех или иных крестьянских свадебных традиций.

Этнографическое изучение этой проблемы показало, что такие обряды, как выкуп места, преграждение дороги, осыпание зерном и деньгами, в настоящее время встречаются главным образом в свадьбах работников строительства и транспорта, а также у работников службы быта, работниц вышивального (Калуга) и кружевного (Елец) производств⁶¹. Вместе с тем девичник, столь характерный для традиционной крестьянской свадьбы, а в дореволюционном городе бытовавший лишь на его окраинах, теперь, как правило, отсутствует. Однако нынешнее поколение вышивальщиц и кружевниц не утратило о нем представления. Собранные материалы показывают, что в 1920-х годах девичник бытовал в этой среде, однако не имел строго фиксированных мест и действий в свадебной обрядовой схеме.

Как мы могли наблюдать, в настоящее время возродились и нашли себе место в современной городской свадьбе некоторые элементы дореволюционного городского свадебного обряда, способствующие украшению и усиливающие торжественность момента. Стало, например, общепринятым, если брак совершается не в зимнее время, путь молодым от ЗАГСа до свадебного поезда устилать цветами. Понятие «свадебный поезд» сохраняется у всех социально-профессиональных групп городского населения. Обычно поезд состоит из нескольких легковых такси, сопровождаемых иногда эскортом мотоциклистов. В первую машину, украшенную цветами и лентами, садятся жених и невеста, в других размещаются «поезжане». Нужно отметить, что термин «поезжане» имеет наибольшее распространение в малых городах. В Калуге, как мы уже отмечали, лиц, сопровождающих новобрачных в ЗАГС и к месту праздничного торжества, называют просто «свадебные гости». Их состав во многом отличается от традиционного — это обычно молодежь, родители жениха и невесты либо один из них, родственники, товарищи по учебе и работе.

Усиленное развитие церемониальной стороны в современной свадьбе привело к возрождению такого демонстративного обычая, как круговой объезд свадебным поездом центральных улиц города. В дореволюционной свадьбе горожан этот обычай выполнял социально-разграничительную функцию. В настоящее время он не только стал общераспространенным в городской среде, но и проник в село как один из важных эмоционально-развлекательных моментов свадебного торжества. В изучаемых нами городах нередко можно видеть, как машину новобрачных по обеим сторонам сопровождают друзья на мотоциклах, образуя своеобразный почетный эскорт⁶². Маршрут кругового объезда города свадебным поездом в настоящее время стал включать посещение мемориалов павшим воинам и возложение новобрачными цветов к Вечному огню. Этот обычай с годами приобретает все более широкое распространение. В наши дни его можно встретить в свадебном ритуале не только русских, украинцев, белорусов, но и других народов СССР.

Вместе с тем стихийное творчество горожан, развернувшееся вокруг свадебных обрядовых традиций, привело к тому, что в современную ритуализированную схему кругового объезда города вошли наряду с известными ранее шуточно-игровыми действиями (преграждение дороги поезду новобрачных, выкуп поезжанами дороги и т. д.) такие новые обрядовые действия, как поиск и переезд свадебным поездом семи мостов⁶³. Этот обычай распространился среди жителей Калуги с начала 1970-х годов. Заключается он в том, что свадебный поезд должен на «счастье молодым» найти и переехать любые семь мостов (помостов, настилов), проложенных через реку либо овраг. Информаторы рассказывали, что в поисках семи мостов свадебный поезд нередко доезжает до г. Перемышля. Калужане обычно переезжают следующие мосты: около станции Калуга II, Яченковский, Затейкинский, Каменный, Окский, Угрский и мост в бору. Затем, согласно сложившемуся обычаю, в городском бору за дубовым столом лесника участники церемонии поздравляют новобрачных и выпивают в их честь бутылку шампанского. После этого все отправляются в обратный путь, к месту свадебного пиршества.

Обычай поиска семи мостов свидетельствует о том, что народной свадьбе всегда присущ элемент творческой игры. В нашем случае игра развернулась вокруг общеизвестной и широко бытовавшей в прошлом приметы, что число семь приносит счастье и способствует успеху.

После завершения церемонии кругового объезда города свадебный поезд направляется к месту праздничного застолья. Сейчас, как и прежде, традиционным и наиболее распространенным местом проведения брачного веселья остается либо дом жениха, либо дом невесты (примерно в одинаковой степени) (табл. 41). Здесь собираются многочисленные гости. Даже в том случае, если новобрачные в силу различных обстоятельств вынуждены

справлять свадьбу у каких-либо родственников, друзей или в общегородском, то и тогда, как видим из таблицы, 63% брачующихся указали, что пригласят на празднество не только близких родственников, но и более широкий их круг, а также друзей, сослуживцев, соседей (табл. 42).

Развитие в городе различных форм сферы обслуживания открыло перед горожанами возможность устраивать свадебное празднество в ресторане, кафе, столовой и т. п. В этом случае состав участников бывает, как правило, более ограниченным и включает обычно родителей, друзей, сослуживцев. Это накладывает отпечаток и на характер проведения свадебного празднества, которое проходит в виде обычной вечеринки с включением отдельных элементов свадебной игры, как, например, произнесение поздравительных и шуточных тостов в честь новобрачных, вызывание новобрачных выкриками «горько» для публичных поцелуев и т. д.

Как мы уже отмечали, наиболее типичным и распространенным видом праздника, связанного со вступлением в брак, остается свадьба в доме жениха или невесты, включающая более или менее многочисленные элементы традиционной народной обрядности (табл. 43). Вместе с тем эта форма свадебного торжества бытует у городского населения в различных вариациях, что обуславливается, в частности, культурно-бытовой неоднородностью социальной среды брачующихся, различной степенью ее урбанизированности и т. п. Так, например, у всех социально-профессиональных групп городского населения остается важным момент торжественной встречи молодых после регистрации брака их родителями и родственниками. Однако в среде интеллигенции эта встреча не сопровождается какими-либо традиционными действиями. Все присутствующие лишь поздравляют и целуют новобрачных и преподносят им букеты цветов. В остальных социально-профессиональных группах молодых чаще всего встречают хлебом и солью.

Интересно, что в быту рабочих и служащих, вышедших главным образом из сельской среды и имеющих сравнительно невысокий культурно-образовательный уровень, продолжает сохраняться традиционное название этого обряда — «благословение молодых», хотя в настоящее время никаких религиозно-обрядовых действий в этот момент не совершается. Собранные нами этнографические материалы свидетельствуют, что к 1950-м годам эти действия встречались в свадьбе уже лишь спорадически и преимущественно в быту вышивальщиц и кружевниц.

В последнее время вместо традиционного хлеба-соли родители нередко держат в руках торт и маленькую солонку (Калуга, Ефремов). Как только молодые вошли, родители отрезают кусочек торта, посыпают солью и заставляют новобрачных его съесть. Это всегда сопровождается смехом и шутками собравшихся. После того как молодые съедят кусочек посоленного торта, родители

соединяют их руки и поздравляют с законным браком⁶⁴. Кроме желанья повеселить гостей, в этом обычае улавливается, как нам кажется, символика, что отныне молодые должны делить между собой радость и горе.

Затем молодых начинают поздравлять гости. В дореволюционном свадебном обряде во время поздравлений молодые, как уже говорилось, оделяли каждого гостя кусочком свадебного пряника (либо каравая) и рюмкой вина, а гости в свою очередь клали на специальный поднос подарки («дары»). Современные поздравления не сопровождаются подобными традиционными действиями, однако у некоторых групп городского населения (строителей, транспортников, работников торговли) встречается публичное подношение подарков, но чаще их просто складывают в отведенное для этого место. Однако в последнее время все более распространенным становится обычай в подарок преподносить некоторую денежную сумму. Деньги новобрачным вручают в конверте. Молодежь не только положительно относится к этому рациональному приему «одаривания», но и всячески его поддерживает. В последнее время гости часто приносят красиво оформленные стихотворные тексты — поздравления, которые зачитываются за праздничным столом.

В современной свадьбе из традиционного городского свадебного угощения — чай, десерт, ужин — сохраняется лишь ужин. Вероятно, это связано с тенденцией сокращения свадебного обряда в целом. Однако для некоторых групп городского населения (работники строительства, транспорта, торговли, вышивальщицы, кружевницы) такой порядок, по-видимому, можно рассматривать и как проявление крестьянских свадебных традиций.

Свадебный ужин у всех групп горожан бывает обильным и проходит весело. Как и прежде, столы ставятся в виде буквы П. На центральные места за столом сажают молодых, которых заводит туда «дружка» или «распорядитель» в сопровождении младших помощников. На столе перед новобрачными стоят две бутылки шампанского, связанные красной лентой. По обычаю, их открывают под общий смех, иногда под шутки эротического характера только на второй день свадьбы. Рядом с невестой за свадебный стол садятся родители жениха, а рядом с ним — родители невесты. В дореволюционной свадьбе эти почетные места занимали «посаженные» мать и отец новобрачных, которыми обычно бывали их крестные матери и отцы.

Если у невесты есть взрослый брат, то сейчас он садится обычно между невестой и родителями. Напомним, что в дореволюционной крестьянской, а также городской простонародной свадьбе брату невесты, как особому чину, принадлежали функции продажи невесты, ее косы, места около нее и т. д. В современной городской свадьбе роль брата сохраняется, но уже в совершенно иной форме. Теперь брат открывает торжества, произносит первый тост, читает поздравления молодым. Он же первый

переходит к шуткам по адресу молодых, выкрикивает «горько», «соринка попала в стакан» и т. д., заставляя молодых публично целоваться.

Что касается свадебной пищи, то в ней из всего традиционного ассортимента стойко сохраняется птица. Предпочтение, как и раньше, отдается курице, которую варят или жарят целиком, ставят обычно в центре стола и украшают колечками лука и моркови. Однако никаких обрядовых действий вокруг нее участники свадебного застолья не разыгрывают. Ее карпогонистические функции давно забыты. Теперь это одно из обычных праздничных блюд свадебного меню. Кроме того, на праздничном столе бывают холодец, заливная рыба, всевозможные салаты. Ветчина с горошком, отварная свиная голова, заливное из куриных потрошков, непременно подававшиеся к свадебному столу, сейчас не являются обязательными ритуальными блюдами.

Обрядовый хлеб, столь характерный для традиционной свадьбы в дореволюционном городе конца XIX в., теперь встречается уже довольно редко, да и то лишь на городских окраинах. Не входит в состав современного свадебного угощения и фигурный пряник, также издавна являвшийся одним из видов ритуального печения горожан. Место свадебного хлеба и пряника заняли торты и другие кондитерские изделия. Пекут их родители молодых, иногда сама невеста, но чаще всего торты с соответствующими надписями и парадными украшениями специально заказывают в кондитерских.

На современной свадьбе бывает несколько тортов. Так, в Ельце главный торт — «каланча». Его называют иногда «тортом молодых». Теперь этот торт дарят новобрачным сообща их родители. Кроме того, существует «разгоночный торт»⁶⁵, который символизирует окончание свадебного торжества. В бывших городских слободах Ельца Аргамач и Ломская эту функцию выполняет другое блюдо. Здесь «как подадут блины — значит свадьбе конец»⁶⁶. В деревнях Турынино, Перцево, Хитровка (окрестности Калуги) до сих пор пекут пшеничный каравай, который также подают в конце свадьбы. Это созвучно с традиционным крестьянским обычаем, многократно описанным в литературе, подавать в конце свадебного пира пшеничную кашу, блины, а в некоторых районах — свиную голову, представления о которой связываются с плодотворностью и материальным благополучием⁶⁷.

Собранный нами этнографический материал свидетельствует о том, что соседи принимают самое активное участие в заготовке продуктов для свадьбы и в приготовлении праздничной пищи, а также участвуют в свадебном веселье. Особенно ярко это прослеживается на материалах, касающихся лиц, живущих в индивидуальных домах или в коммунальных квартирах. К сожалению, мы не имеем возможности подробнее остановиться на этом вопросе, хотя он и поднимает важную проблему о городском соседстве и различных формах контакта горожан вне профессионального

общения. В этом смысле материал по городской свадьбе освещает новые интересные стороны данной проблемы. В современной литературе встречается мнение о слабом развитии различных форм городского соседского общения. Некоторые авторы утверждают, что оно охватывает главным образом несамодеятельное население⁶⁸. Нам кажется, что такое суждение страдает излишней категоричностью. Вероятно, следует говорить о иных, чем в деревне, формах соседских взаимосвязей у городского населения, сам же вопрос заслуживает, несомненно, более внимательного рассмотрения.

Как мы помним, традиционное свадебное веселье горожан не обходилось без музыки, песен, танцев и плясок. В современной городской свадьбе музыкально-развлекательному сопровождению свадебного застолья также придается большое значение. Его содержание и характер во многом зависят от музыкальных интересов и личных вкусов собравшихся на свадьбу гостей. Наш материал показывает, что в широких кругах городской интеллигенции, помимо современных лирических песен театра и кино, гости любят слушать в записи, а иногда и исполнять соло под гитару романсы и песни русских и иностранных композиторов. Наиболее популярны романсы «Эти ночи без сна», «Мы только знакомы» Б. А. Прозоровского, «Мне грустно» А. Даргомыжского, «Хотел бы в единое слово» П. И. Чайковского, «Как сладко с тобою мне быть» М. Глинки, «О, не буди меня дыханием весны» Ж. Масне и т. д.

Особенно любят петь хором широко известные песни о гражданской и Великой Отечественной войне, такие, как «Гулял по Уралу Чапаев-герой», «Марш Буденного», «Дан приказ ему на запад» Дм. Покрасса, «На солнечной поляночке», «Соловьи» В. Соловьева-Седого, «Землянка» К. Листова и т. д. Исполняется также немало песен о мире и родине. Особенно популярны песни «Хотят ли русские войны» Э. Колмановского, «Пусть всегда будет солнце» А. Островского, песни А. Пахмутовой.

Наряду с песнями профессионального происхождения во всех социально-профессиональных группах поют песни, созданные самодельными авторами-непрофессионалами, особенно из молодежи. Среди них любимыми являются «Бригантина», созданная еще перед Великой Отечественной войной школьником Г. Лепским, «Гренада» В. Берковского, «Маленький трубач» С. Никитина.

Наряду с современными лирическими и любовными песнями поются и традиционные песни: «На горе-то калина», «По улице мостовой», «Вдоль по Питерской», «Коробейники», «Хаз-Булат удалой», «Когда бы имел золотые горы», «Потеряла я колечко», «В саду ягодка малина» и т. д. Нужно отметить, что исполняются они главным образом людьми старшего возраста, современная молодежь или только подпеваает, или вообще не участвует в пении, так как чаще всего не знает полного текста этих песен.

На современной свадьбе, как и на любом семейном празднестве, поется много песен самых разнообразных в жанровом, художественном и музыкальном отношении. Что касается собственно свадебных — корильных и величальных песен, то, как видно из материалов архива Русского географического общества, относящихся к городам средней полосы России, они довольно широко бытовали в середине прошлого века у обитателей городских окраин⁶⁹. К концу XIX в. в городах эта традиция прослеживается уже слабее. Интересно, что в сельских районах изучаемых нами областей, как свидетельствуют материалы, за последние годы наблюдается некоторое оживление этих жанров. Женщины среднего и старшего возраста, проживающие в близлежащих селах и знающие корильные и величальные песни, исполняют их не только на деревенских свадьбах, но и в городе, у родственников или знакомых.

Танцы и пляски также занимают большое место в свадебном веселье, которое, как и прежде, открывается исполнением новобрачными вальса молодых. Молодежь приносит на свадьбу пластинки и пленки с записями популярных советских и зарубежных песен и танцев. Танцевальный репертуар молодежи, присутствующей на свадьбе, сейчас остается таким же, как и на любых праздничных торжествах, вечерах отдыха, молодежных гуляньях и т. п. Вместе с тем во всех группах, за исключением, пожалуй, городской интеллигенции, почти всегда, по традиции, приглашают баяниста или аккордеониста, так как считают, что без них не будет веселой свадьбы.

Люди среднего и старшего возраста, кроме некоторых современных танцев, исполняют под баян «русского», «барыню», «сербиянку», «цыганочку», а также традиционные для изучаемых городов припляски с частушками — страдания (Калуга, Козельск), елецкого, матания (Елец, Ефремов). Однако эти местные пляски, как и прежде, распространены в быту менее урбанизированных групп городского населения.

В современной городской свадьбе брачное веселье заканчивается обычно к 12 часам ночи, сразу после того, как мать жениха или невесты (в зависимости от того, в чьей семье проходит пиршество) разрежет разгоночный торт, а дружки угостят им всех присутствующих. Затем новобрачные первыми удаляются спать в отдельное помещение. Однако никаких традиционных обычаев и обрядов, связанных с проводами молодых к их брачному ложу, даже в шуточно-игровой форме не исполняется. Как позволяет заключить наш полевой материал, уже в начале 30-х годов XX в. их было мало в обряде горожан.

Послесвадебные обычаи и обряды. В настоящее время свадебное веселье в городах продолжается один-два дня. На второй день в свадьбах кружевниц, вышивальщиц, а также той части торговых работников, которые не утратили связи с сельскими родственниками и друзьями, иногда устраивают «бужение моло-

дых» с «битьем горшков»⁷⁰. Правда, теперь вместо горшков используют старые тарелки и чашки, однако традиционное название продолжает стойко сохраняться, а его обрядовая символика понимается всеми присутствующими. Надо сказать, что молодежь относится негативно к этому обычаю и фактически не принимает в нем никакого участия. Его главными исполнителями являются прежде всего пожилые женщины.

Вместе с тем во всех группах городского населения довольно широко бытует другой обычай, направленный также на укрепление связи молодых и символизирующий акт их первого брачного единения. Заключается он в следующем: праздничное застолье второго дня начинается с того, что дружка или любой женатый мужчина, весельчак и балагур, с шутками и присказками развязывает красную ленту, скреплявшую в начале свадьбы две бутылки шампанского, и вручает ее молодому супругу, после чего новобрачный трижды целует свою молодую. Это сопровождается всеобщими шутливыми выкриками и возгласами, имеющими эротический смысл. Современная молодежь не всегда поддерживает этот обычай, считая его грубым и вульгарным.

В Калуге в среде неквалифицированных рабочих из группы рабочих и служащих сферы обслуживания мы зафиксировали на второй день свадьбы интересный обычай «рубить баню». Нарядившиеся мужчина и женщина берут веник, мочалку, топор, изображают, что строят баню и сейчас будут мыть молодых. Молодая, откупаясь от них, дарит им платки или бросает денежную мелочь⁷¹. В данном случае, очевидно, имеет место игровое переосмысление издавна существовавшего на Руси обычая мыть жениха и невесту, а в более позднее время — молодых в бане. Имеющиеся в литературе описания свадеб дают яркое представление о том, насколько этот обычай был популярен в России в разные исторические периоды⁷².

Не менее широкое социальное бытование имели разнообразные шуточно-игровые свадебные обычаи, связанные с испытанием терпения и трудолюбия молодой. Некоторые из них встречаются и в современной свадьбе горожан. Так, на свадьбах рабочих промышленных предприятий, строителей, транспортников, работников торговли и др. нередко устраивают шуточное «подметание пола». Собравшиеся гости демонстративно громко укоряют молодую в том, что в комнате много сору, и требуют мести пол. По мере того как молодая метет пол, гости бросают ей деньги, которые новобрачная берет себе⁷³.

Судя по нашим наблюдениям, в среде неквалифицированных рабочих, сравнительно недолго проживающих в городе, на второй день свадьбы бывает «хождение ряжеными», во время которого разыгрываются сценки эротического характера, иногда сопровождающиеся обрядовым сквернословием⁷⁴. В целом во всех обследованных группах обнаружено отрицательное отношение к этому обычаю.

Некоторые обычаи, например визитная неделя (когда молодые ходили знакомиться со своими новыми родственниками), встречавшиеся до революции лишь у некоторых групп горожан, сейчас нашли более широкую среду бытования. За последнее десятилетие в бытовой лексике горожан наблюдается возрождение самого термина «визитная неделя». Но в целом, как можно заключить из приведенного выше материала, послесвадебный этап городского свадебного цикла по сравнению с дореволюционным временем теперь сильно сократился.

Более подробный анализ связей современного свадебного обряда с такими факторами, как социальная среда брачующихся, длительность их проживания в городе, уровень образования, профессия, в дальнейшем даст возможность еще четче выявить особенности обряда и его вариации в зависимости от социально-бытовых условий. Здесь же мы лишь затронули вопросы, которые, несомненно, требуют более детальной и глубокой разработки.

-
- ¹ Советский народ — новая историческая общность людей. М., 1975, с. 409 и др.
- ² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1917, № 11, ст. 160; 1918, № 76—77, ст. 818. См. также: Декреты Советской власти. М., 1957, т. 1, с. 247—248.
- ³ Собрание узаконений..., 1926, № 82, ст. 612.
- ⁴ Собрание узаконений..., с. 1007.
- ⁵ *Цеткин К.* Воспоминания о Ленине. М., 1955, с. 12.
- ⁶ Там же, с. 13.
- ⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 376.
- ⁸ *Вересаев В. В.* Полн. собр. соч., М., 1929, т. VIII, ч. II, с. 203—204, 212—213; *Угринович Д. М.* Обряды. За и против. М., 1975, с. 116—117.
- ⁹ См.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю. Л., 1926; *Чичеров В. И.* Материалы к истории советского фольклора.— СЭ, 1949, № 4; *Анохина Л. А., Крупянская В. Ю., Шмелева М. Н.* Быт и его преобразование в период построения социализма.— СЭ, 1965, № 4.
- ¹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 20.
- ¹¹ *Баткин Л. М.* Типы культуры как историческая целостность.— ВФ, 1969, № 9, с. 103.
- ¹² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1975. М., 1975, т. III, с. 290—292.
- ^{12a} *Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В.* Культура и быт горянков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970 гг.). М., 1974, с. 193.
- ¹³ *Кампарс П. П., Закович Н. М.* Советская гражданская обрядность. М., 1967, с. 34; *Угринович Д. М.* Обряды..., с. 127.
- ¹⁴ Народные обряды: (Методологические рекомендации). Саратов, 1964, с. 3—7.
- ¹⁵ По заданию дирекции Института этнографии АН СССР автор настоящей книги в 1975—1976 гг. принимала участие в этой работе как научный консультант по русским свадебным традициям.
- ¹⁶ Подробную характеристику формирования городского населения и его социально-профессионального состава в этих городах см.: *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977, с. 33—59.

- ¹⁷ Города России в 1910 г., СПб., 1914, с. 191, 192, 365; Народное хозяйство СССР в 1974 г. М., 1975, с. 24—25.
- ¹⁸ *Козлов В. И.* Национальности СССР. М., 1975, с. 58.
- ¹⁹ *Козлов В. И.* Национальности СССР, с. 78—79.
- ²⁰ *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города.— СЭ, 1968, № 3, с. 19.
- ²¹ *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Использование..., с. 23; АИЭ, ф. 1, д. 108, табл. 6.
- ²² См., например: *Козлов В. И.* Национальности СССР, с. 79, табл. 6, с. 81.
- ²³ АИЭ, ф. 1, д. 107, табл. 67, 69; д. 108, табл. 1, 6; *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* К вопросу о классификации городского населения при этнографическом изучении города.— СЭ, 1970, № 2, с. 122.
Следует отметить, что иногда это было связано с административным расширением территории городов.
- ²⁵ *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* К вопросу..., с. 122—123.
- ²⁶ Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973, с. 23.
- ²⁷ Малый город: Социально-демографические исследования небольшого города. М., 1972, с. 9.
- ²⁸ АИЭ, ф. 1, д. 110д, л. 20, 122, 191, 193.
- ²⁹ В целом эта закономерность характерна для любого компактно расселенного этноса. См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 114—124.
- ³⁰ *Жирнова Г. В.* Некоторые проблемы и итоги изучения свадебного ритуала в русском городе середины XIX — начала XX в. (на примере малых и средних городов РСФСР).— В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л., 1978, с. 35.
- ³¹ О принципах и основных критериях, по которым выделенные социально-профессиональные группы могут рассматриваться как социально-бытовые, см. в указанных ранее работах Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой.
- ³² *Харчев А. Г.* Быт и семья как категории исторического материализма.— В кн.: Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970, с. 17—18.
- ³³ Ф. Энгельс писал о судьбе моногамии после общественного переворота: «Можно было бы не без основания ответить, что она не только не исчезнет, но, напротив, только тогда полностью осуществится» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 78).
Харчев А. Г., Голод С. И. Молодежь и брак.— В кн.: Человек и общество. Л., 1969, вып. VI, с. 135.
- ³⁵ *Чечот Д. М.* Социология брака и развода. Л., 1973, с. 11.
- ³⁶ Современные этнические процессы в СССР. М., 1975, с. 430—442.
- ³⁷ Процент дан от общего числа браков в каждой группе.
- ³⁸ *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы: Социальные проблемы быта и внерабочего времени. М., 1972, с. 48.
- ³⁹ *Добрускин М.* Интеллигенция в развитом социалистическом обществе.— Политическое самообразование, 1974, № 3, с. 39, 41; *Федоренко Н.* Единство социально-экономической и научно-технической политики КПСС.— Политическое самообразование, 1976, № 5, с. 13.
- ⁴⁰ *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек..., Прилож., с. 23—25.
- ⁴¹ АИЭ, ф. 1, д. 110в, л. 526.
- ⁴² *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек..., с. 138.
- ⁴³ АИЭ, ф. 1, д. 110, л. 541.
- ⁴⁴ АИЭ, ф. 1, д. 110в, л. 526.
- ⁴⁵ АИЭ, ф. 1, д. 100а, л. 375, 426; д. 110б, л. 546; д. 110в, л. 316.
- ⁴⁶ АИЭ, ф. 1, д. 100а, л. 375, 426; д. 100б, л. 546; д. 110в, л. 316.
- ⁴⁷ АИЭ, ф. 1, д. 110в, л. 378—380, 440; Материалы научной командировки в Калугу, Елец, Ефремов в 1975 г. Полевые тетради Г. В. Жирновой, тетр. 1, л. 36.
- ^{48—49} АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 299, 300.
- ⁵⁰ *Насович В. И.* Научный атеизм о религиозной психологии. М., 1975, с. 128—129.

- ⁵¹ *Жирнова Г. В.* О современном городском свадебном обряде.— СЭ, 1971, № 3, с. 72.
- ⁵² Более подробно этот вопрос освещен нами в указанной выше статье, с. 71—72.
- ⁵³ Здесь и в дальнейшем мы даем процент от общего числа брачующихся, включая и повторные браки.
- ⁵⁴ АИЭ, ф. 1, материалы научной командировки, тетр. 1, с. 34—35.
- ⁵⁵ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 156; д. 110 в, л. 2.
- ⁵⁶ Изготовление фаты таким образом, возможно, является некоторой реминисценцией прежнего обычая шитья невестой вместе с подругами приданого и свадебных даров после того, как вопрос о свадьбе и ее сроках был окончательно решен.— *Примеч. ред.*
- ⁵⁷ См. об этом: *Богословский С. П.* К номенклатуре и топографии свадебных чинов. Пермь, 1926, с. 5, 7, 18.
- ⁵⁸ *Жирнова Г. В.* О современном городском свадебном обряде, с. 73.
- ⁵⁹ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 185.
- ⁶⁰ *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек..., с. 56—58.
- ⁶¹ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 346, 358, 377; д. 110ж, л. 101.
- ⁶² АИЭ, ф. 1, материалы научной командировки, тетр. 1, л. 40.
- ⁶³ АИЭ, ф. 1, материалы научной командировки, тетр. 1, л. 40—41.
- ⁶⁴ Похожий обычай соблюдается иногда на украинских свадьбах, только во время «заручин». Девушки-гости кормят друзей жениха и невесты галушками, пачиненными перцем, хрепом и солью (см.: *Брудный В. И.* Обряды вчера и сегодня. М., 1968, с. 146). В этом случае имеет место перенесение функций.— *Примеч. ред.*
- ⁶⁵ Интересна живучесть и распространенность этого термина. В бывшей Олонецкой губ., как сообщила нам Г. С. Маслова, в конце свадьбы подавали кисель-«разгониху».
- ⁶⁶ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 590, 591.
- ⁶⁷ *Штернберг Л. Я.* Новые материалы по свадьбе.— В кн.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю. Л., 1926, с. 13.
- ⁶⁸ *Ахизер А. С., Коган Л. Б., Яницкий О. Н.* Урбанизация, общество и научно-техническая революция.— ВФ, 1969, № 2, с. 49.
- ⁶⁹ АГО, разр. 40, оп. 1, д. 5; разр. 42, оп. 1, д. 46.
- ⁷⁰ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 593.
- ⁷¹ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 817.
- ⁷² *Тереженко А.* Быт русского народа. Свадьба. СПб., 1848. Ч. II: *Сахаров М.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. СПб., 1857; *Забелин И.* Домашний быт русских царич. СПб., 1869.
- ⁷³ АИЭ, ф. 1, д. 110в, л. 379.
- ⁷⁴ АИЭ, ф. 1, д. 110б, л. 299, 300; д. 110а, л. 824, 825.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В главе о современной свадьбе горожан собран и проанализирован большой и интересный материал. Наблюдения, проведенные автором в четырех городах средней полосы РСФСР, приводят к выводам, которые можно распространить на значительно более широкий район.

В главе прослеживается история семейно-брачных отношений и свадебных обрядов в советское время, изменявшихся под влиянием социально-экономических, демографических и идеологических факторов. Перестройка общественного и семейного быта, новые законы о семье и браке, падение общественного авторитета церкви, а также изменение в социальном составе городского населения, рост его образования и профессиональной подготовки — все это оказывает самое непосредственное воздействие на преобразование брачных отношений, на развитие современных свадебных обрядов. Освобождение брака от материальных расчетов, от социальных, национальных, территориальных стеснений способствовало формированию у молодежи новых ценностных ориентаций по отношению к браку, новых взглядов на способы его оформления. Это в свою очередь приводит к изменениям и в самих свадебных обрядах.

Современный свадебный обряд формировался под влиянием традиционных свадебных обрядов, носителями которых были недавние горожане, приезжавшие из сел и деревень округи и подерживавшие связи со своей родной средой.

Современная свадьба городского населения за годы социалистических преобразований прошла сложный путь развития. После Октябрьской революции передовая молодежь, настроенная критически ко всему старому, на первых порах отказывалась от прежних обычаев и обрядов оформления брака. В 1920-х годах в противовес церковному венчанию и народному свадебному ритуалу появились первые новые свадьбы — «красные». Однако новые обряды еще не успели сформироваться, и на проведении этих свадеб сказалось влияние ставших в те годы привычными форм общественной жизни, проникнутой революционным пафосом. «Красные свадьбы», как и другие обряды семейного цикла (например, октябрины, звездыны), не учитывавшие самой природы

семейного быта, не получили широкого распространения. Однако они дали толчок к поискам (в основном стихийным) новых обрядовых форм, соответствующих запросам советских людей и отражающих происшедшие изменения в их общественной и семейной жизни.

Новый этап в развитии свадьбы начался после Великой Отечественной войны. С 1950-х годов распространились комсомольско-молодежные свадьбы. В них также не было гармонического сочетания общественного и семейного начала, и потому они не смогли укрепиться в быту. Комсомольские свадьбы продвинули работу по созданию новых обрядов, и вскоре она была поставлена на государственную основу. В республиках были созданы специальные государственные советы и комиссии, которые стали заниматься разработкой новых форм гражданской обрядности и внедрением их в быт. Главную задачу нового обрядотворчества составляло создание безрелигиозных обрядов и придание им торжественного характера. Для свадьбы центральным обрядом, на преобразование которого направлялись основные усилия, был признан акт регистрации брака. В настоящее время можно считать, что торжественная церемония регистрации брака вошла в быт основной массы городского населения. Дальнейшая работа творческих сил общества направлена на создание новых обрядов, сопровождающих другие моменты свадебного торжества (приезд молодых после регистрации брака, свадебный пир и др.).

Это творчество опирается на активное желание трудящихся сделать свои семейные праздники и торжества как можно более яркими и эмоционально насыщенными. В целом происходит целенаправленный поиск новых обрядовых форм и возрождение старых, из которых отбирается то, что не противоречит этическим и эстетическим представлениям советской молодежи. Все это говорит о том, что в современной свадьбе происходит дальнейшее развитие этнических традиций, и процесс этот в новых условиях в отличие от прошлого протекает целенаправленно и очень стремительно.

Прежде всего необходимо отметить несомненное утверждение в быту горожан безрелигиозной свадьбы. Как уже говорилось, обряд торжественной регистрации брака вытеснил венчание в церкви. Выпали из обряда и другие религиозно-культурные элементы, сложно переплетавшиеся в прошлом со многими действиями народной свадьбы (благословение, молитвы, целование икон, крестные знамения и др.). Ушло из свадьбы и большинство обрядово-магических элементов, хотя часть из них (например, некоторые обереги) сохраняется в прежнем значении, а иные переосмыслены и превратились в развлечение.

В современных условиях не находят себе применения и такие моменты, как торг за приданое, составление росписи приданого и публичная его демонстрация. Практически отсутствует также традиционное сватовство, поскольку с современными взглядами

горожан несовместимо устройство браков посредством сватов (родственников, близких или, тем более, свах-профессионалок, имевших большое распространение в городах еще в 1920-х годах). В настоящее время выделяется активная роль молодых в противоположность демонстративно пассивному их поведению в прошлом. Молодые люди сами знакомятся, сами решают вопрос о вступлении в брак; по их инициативе устраивается знакомство между их семьями — акт, который теперь носит название сватовства. Голос молодых является решающим при выборе формы проведения брачного торжества, хотя их взгляды порой и противоречат понятиям и представлениям, господствующим в семейно-родственной среде, консервирующей иногда старые, устоявшиеся порядки.

Значение семейно-родственных и, в меньшей степени, соседских связей в современной городской свадьбе остается заметным, особенно у тех социально-профессиональных групп горожан, которые имеют тесные контакты с селом. В современных условиях нашли широкое развитие свадебные обычаи родственной взаимопомощи, выражающейся в материальной поддержке молодых в устройстве свадьбы и обзаведении всем необходимым (даже жильем) для совместной жизни. При оформлении брака большое внимание уделяется соблюдению торжественности этого акта. Стремление к усилению эмоционального воздействия обряда и церемониальной его стороны способствует возрождению свадебного наряда жениха и невесты, некоторых атрибутов сопровождающих их лиц, которые составляют свиту молодых, что в конечном счете приводит к возрождению в модифицированном виде свадебных чинов (дружки, подружки, младших помощников). Развивается в современной свадьбе и обычай составлять свадебный поезд, и обычай кругового объезда, который теперь включает и новые элементы (посещение и возложение цветов к Вечному огню в честь павших в боях за Родину воинов, поиск семи мостов).

На свадебный пир, который в большинстве случаев, как и прежде, устраивается в доме жениха или невесты (реже — в кафе или ресторане), по традиции, приглашается широкий круг гостей. Чаще всего застолье включает большее или меньшее число элементов обрядности, сочетающих в себе традиционные и новые черты: встреча молодых после регистрации хлебом-солью, при которой роль хлеба выполняет торт, поднесение подарков (встречается и публичное), определенный порядок рассаживания молодых и их родственников, обязательность включения в свадебное меню блюд, приготовленных из птицы, связывание красной лентой двух бутылок вина, которое распивается на второй день свадьбы, приготовление свадебного и разгоночного тортов и пр.

Беднее обычаями и обрядами второй день свадьбы. Большинство из них — старые, традиционные и встречаются в той части городского населения, которая связана с деревней (разбивание

оршков, испытание невесты, хождение ряжеными и др.). В основном они не встречают поддержки среди молодежи. Из старых городских послесвадебных обычаев получила распространение витная неделя.

В целом же можно сказать, что в отличие от 20-х годов в настоящее время у городского населения не только ощущается потребность в свадебном обряде, но и отмечается активное бытование его у большинства горожан, принадлежащих к самым различным социально-профессиональным группам. Обряд этот представляет собой сплав новых и старых традиционных элементов, неодинаковой степени удовлетворяющих людей, занимающих разные жизненные позиции (возраст, семейное положение, социальная принадлежность). Современная свадьба в городе не вылилась в форму единого обряда. Она имеет множество вариантов, в которых проявляются личная инициатива и постоянное творчество. Ведущая роль в этом творчестве принадлежит моло-

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Рост городского населения (вторая половина XIX — начало XX в.) *

Город	Число жителей обоого пола (в тыс.)		
	Год		
	1863	1897	1910
Калуга (губ. город, Калужская губ.)	34 668	49 513	53 791
Елец (уездн. город, Орловская губ.)	26 000	46 956	57 005
Ефремов (уездн. город, Тульская губ.)	7 776	9 038	9 000
Козельск (уездн. город, Калужская губ.)	6 000	5 619	9 762

* Источники: Военно-статистический сборник: Россия. СПб., 1871, вып. IV, с. 140—169; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. СПб., 1903, т. 15, с. 2—3; т. 29, с. 2—3; т. 44, с. 2—3; Города России в 1910 году. СПб., 1914, с. 191, 192, 365.

Таблица 2

Распределение браков всех вероисповеданий в важнейших городах с показанием возрастов женихов и невест (в %) на 1868 г. *

Город	Возраст вступления в брак															
	20 лет и менее		20—25		26—30		31—35		36—40		41—45		46—50		50 и выше	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Воронеж	12,6	57,5	34,6	20,8	18,6	11,4	15,0	6,7	1,0	1,2	1,6	0,4	1,6	0,4	1,6	0,4
Кашира	16,3	36,4	35,0	36,9	15,3	14,3	9,4	5,9	12,2	2,5	6,9	2,0	4,5	1,0	3,4	1,0
Орел	17,1	56,4	33,0	25,7	16,9	5,6	16,2	5,6	8,5	3,2	5,9	2,0	0,9	1,2	1,5	0,3
Рязань	10,8	64,7	34,2	45,7	22,2	9,5	17,7	5,1	10,8	4,4	3,1	0,6	1,2	—	—	—
Тамбов	15,9	57,7	38,1	24,1	25,3	14,1	13,0	2,3	3,5	1,2	2,4	0,6	1,2	—	0,6	—
Тула	14,3	58,8	45,6	25,8	15,8	7,4	10,1	3,7	7,1	1,8	4,1	1,8	0,9	0,7	2,1	—
Елец	9,6	60,4	42,2	26,7	21,5	7,2	11,5	3,6	8,7	1,1	2,5	0,3	2,2	0,7	1,8	—

* Источник: Статистический ежегодник Российской империи: (Движение населения за 1867 г.). СПб., 1872, т. II, вып. 8, с. 378 (процентное распределение просчитано нами).

Таблица 3

Распределение браков православного вероисповедания с показателем возраста женихов и невест (в %) на 1867 г. *

Губернии	Возраст вступивших в брак																
	20 лет и менее		20—25		26—30		31—35		36—40		41—45		46—50		50 и выше		
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
Воронеж-ская	23 687	59,7	77,6	16,8	8,7	5,9	4,6	5,9	3,5	4,9	2,9	3,2	1,6	2,0	0,8	1,4	0,3
Калужская	9 333	59,2	72,2	19,9	14,7	6,4	4,6	4,0	3,1	3,9	3,0	3,1	1,5	2,0	0,7	1,5	0,4
Орловская	16 550	51,7	71,7	20,0	14,6	7,5	4,5	6,7	3,7	5,6	2,7	4,0	1,7	2,5	0,8	2,0	0,3
Рязанская	14 727	63,1	79,6	17,4	9,9	5,1	3,5	4,6	2,7	4,2	2,3	3,0	1,3	1,7	0,6	0,9	0,1
Тамбовская	20 693	63,0	76,0	17,7	13,1	5,3	4,1	5,0	3,1	4,3	2,4	2,6	1,3	1,3	0,5	0,8	0,1
Тульская	11 933	62,4	78,6	15,4	9,5	5,6	3,6	5,3	3,1	4,8	2,6	3,3	1,6	2,0	0,8	1,2	0,2

* Источник: Статистический ежегодник Российской империи, с. 378 (процентное распределение просчитано нами).

Таблица 4

Распределение браков всех вероисповеданий в важнейших городах (в %) по месяцам за 1867 г. *

Город	Месяц												Общее число браков в абсолютной цифре
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	
Воронеж	18,0	24,0	0,4	6,3	9,4	7,0	12,6	2,0	2,7	9,0	8,6	—	255
Калуга	6,0	6,0	—	1,8	3,2	2,0	4,5	9,0	18,8	29,0	18,6	1,1	441
Орел	20,8	27,5	0,3	4,8	6,3	2,7	7,3	2,7	4,5	12,0	11,1	—	332
Елец	16,0	24,4	—	1,3	6,5	2,3	6,2	2,3	10,1	17,6	13,3	—	307
Рязань	9,6	18,0	—	2,8	4,5	5,6	7,3	3,4	7,3	21,9	19,6	—	178
Тамбов	13,8	21,4	—	4,0	4,5	5,4	5,4	5,0	5,0	17,5	18,0	—	223
Тула	15,0	16,6	—	2,7	6,5	4,0	7,7	3,2	11,8	21,8	10,8	—	482

* Источник: Статистический вестник Российской империи, с. 408—410 (процентное распределение проситано нами).

Таблица 5

Численность населения (1926—1975 гг.) *

Город	Число жителей обоего пола (в тыс.)			
	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1975 г.
Калуга	51	89	134	247
Елец	43	51	78	140
Ефремов	9	27	29	53
Козельск	4	8	12	14

* Источники: Всесоюзная перепись 1926 г. М., 1928, т. II, с. 109, 114; т. III, с. 11; Народное хозяйство СССР в 1974 г. М., 1975, с. 24—25; Лаборатория этнической статистики и картографии: Материалы переписи 1959—1970 гг. — АИЭ, ф. 1, д. 110.

Таблица 6

Распределение браков по национальности жениха и невесты (в % к числу браков)

Национальность невесты	Калуга		Елец		Ефремов		Козельск	
	Русская	Другие	Русская	Другие	Русская	Другие	Русская	Другие
Русский	86	3	94	—	94	—	87	—
Другие	9	2	6	—	6	—	10	3

Таблица 7

Распределение браков по социальному происхождению жениха и невесты (в % к общему числу опрошенных)

Жених из семьи	Невеста из семьи				Всего
	Рабочих	Крестьян	Служащих	Социально-смешанной	
Рабочих	39	7	5	1	52
Крестьян	44	6	2	—	49
Служащих	40	2	14	—	23
Социально-смешанной	4	—	2	3	6
Всего	64	15	20	4	400

Таблица 8

Распределение браков по социальному происхождению жениха и невесты (в % к числу опрошенных) в городах

Жених из семьи	Калуга				Белц, Бфремов, Козельск					
	Невеста из семьи									
	Рабочих	Крестьян	Служащих	Социально-смешанной	Всего	Рабочих	Крестьян	Служащих	Социально-смешанной	
Рабочих	40	—	2	—	42	39	9	6	2	
Крестьян	40	7	—	—	47	44	6	3	—	
Служащих	2	4	26	—	32	43	2	5	—	
Социально-смешанной	—	—	—	9	9	4	—	2	1	
Всего	52	44	28	9	100	64	47	16	3	
										400

Таблица 11

Распределение браков по социально-профессиональной принадлежности брачующихся
(в % к опрошенным в городах)

	Калуга						Елец, Ефремов, Козельск						
	СПГ невесты						СПГ невесты						
	Рабочие основ- ных сфер про- изводства, в т. ч. строительства и транспорта	Рабочие и слу- жащие сферы обслуживания	Интелигенция (работники нау- ки, техники, культуры, вра- чи и учителя)	Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	Всего	Рабочие основ- ных сфер про- изводства, в т. ч. строительства и транспорта	Рабочие и слу- жащие сферы обслуживания	Интелигенция (работники нау- ки, техники, культуры, вра- чи и учителя)	Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	Всего	Рабочие и слу- жащие сферы обслуживания	Интелигенция (работники нау- ки, техники, культуры, вра- чи и учителя)	Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)
СПГ жениха	17	40	20	41	58	19	28	4	6	57			
Рабочие основных сфер произ- водства, в т. ч. строительства и транспорта	—	6	—	—	6	2	7	—	1	40			
Рабочие и служащие сферы обслуживания	14	2	—	4	20	—	5	3	2	40			
Интелигенция (работники науки, техники, культуры, врачи и учителя)	6	—	40	—	46	—	15	2	6	23			
Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)													
Всего	37	48	30	45	100	21	55	9	15	100			

Таблица 12

Распределение брачных пар по уровню образования
(в % к опрошенным в городах)

Жених	Калуга					Елец, Ефремов, Козельск				
	Невеста									
	Образование									
	Неполное среднее	Среднее	Среднее специальное	Высшее	Всего	Неполное среднее	Среднее	Среднее специальное	Высшее	Всего
Неполное среднее	14	10	10	—	34	6	23	8	2	39
Среднее	6	20	6	1	33	7	14	5	5	31
Среднее специальное	1	—	—	14	15	6	1	9	4	20
Высшее	—	12	6	—	18	5	3	1	1	10
Всего	21	42	22	15	100	24	41	23	12	100

Таблица 13

Брачный возраст (в % от общего числа опрошенных)

Возраст	Жених	Невеста
до 19	6	23
19—23	50	45
24—29	31	22
30 и старше	13	10

Таблица 14

Распределение браков по возрастным группам (в % к опрошенным в городах)

Возраст жениха	Калуга					Елец, Ефремов, Козельск				
	Возраст невесты									
	До 19	19—23	24—29	30 и выше	Всего	До 19	19—23	24—29	30 и выше	Всего
До 19	1	4	2	—	7	1	3	1	—	5
19—23	6	21	13	2	42	15	24	9	5	53
24—29	—	32	4	—	36	9	11	6	3	29
30 и выше	—	2	—	13	15	2	3	7	1	13
Всего	7	59	19	15	100	27	41	23	9	100

Таблица 15

Продолжительность добрачного знакомства

Продолжительность знакомства	% к числу опрошенных в городах		% к общему числу опрошенных во всех городах
	Калуга	Елец, Ефремов, Козельск	
До 6 месяцев	12	20	18
От 6 месяцев до года	31	32	31
От года до двух лет	20	22	22
Два года и более	37	26	29

Таблица 16

Брачный возраст и продолжительность добрачного знакомства при браках, когда мужчина моложе женщины (в % распределении по строчке)

Продолжительность знакомства	Возрастные группы				Итого	
	менее 19 лет и 19—23 года		24—29 лет и 30 лет и более		Мужчины	Женщины
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины		
До 6 месяцев	61	89	39	11	100	100
От 6 месяцев до года	58	71	42	29	100	100
От года до двух лет	59	68	41	32	100	100
Два года и более	45	41	55	49	100	100

Продолжительность знакомства в зависимости от возраста брачующихся (в % к опрошенным в городах)

Возраст женеха	Калуга		Возраст невесты					Елец, Ефремов, Козельск										
	Продолжительность знакомства до брака		24-29		30 и выше		Всего		До 19		19-23		24-29		30 и выше		Всего	
	До 19	19-23	19-23	24-29	30 и выше	Всего	До 19	19-23	24-29	30 и выше	Всего	До 19	19-23	24-29	30 и выше	Всего		
До 19	—	2	4	1	—	3	4	1	—	—	2	1	1	—	—	2	—	2
До 6 месяцев	—	1	1	1	—	2	—	—	—	—	1	—	1	—	—	1	—	2
От 6 месяцев до года	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2
От года до двух лет	4	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Два года и более	1	4	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	4	4	2	—	—	7	4	3	1	—	—	3	1	—	—	—	—	5
19-23	—	1	1	1	—	4	4	6	1	—	—	6	1	—	—	—	—	11
До 6 месяцев	2	8	4	4	1	16	5	7	3	—	—	7	3	—	—	—	—	16
От 6 месяцев до года	3	3	3	—	—	7	4	7	—	—	—	7	—	—	—	—	—	14
От года до двух лет	1	9	5	—	1	15	2	4	5	—	—	4	5	—	—	—	—	14
Два года и более	—	21	13	2	2	42	15	24	9	—	—	24	9	—	—	—	—	42
Всего	6	21	13	2	2	42	15	24	9	—	—	24	9	—	—	—	—	53
24-29	—	5	—	—	—	2	3	3	—	—	—	3	—	—	—	—	—	6
До 6 месяцев	—	9	1	—	—	10	1	5	1	—	—	5	1	—	—	—	—	8
От 6 месяцев до года	—	8	1	—	—	9	2	2	1	—	—	2	1	—	—	—	—	7
От года до двух лет	—	40	2	—	—	42	3	1	4	—	—	1	4	—	—	—	—	8
Два года и более	—	32	4	—	—	36	9	11	6	—	—	11	6	—	—	—	—	29
Всего	—	32	4	—	—	36	9	11	6	—	—	11	6	—	—	—	—	29
30 и выше	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
До 6 месяцев	—	1	—	—	—	3	1	2	1	—	—	2	2	—	—	—	—	6
От 6 месяцев до года	—	—	—	—	—	3	3	3	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—
От года до двух лет	—	1	—	—	—	8	1	1	4	—	—	1	4	—	—	—	—	6
Два года и более	—	2	—	—	—	13	2	3	7	—	—	3	7	—	—	—	—	13
Всего	—	2	—	—	—	13	2	3	7	—	—	3	7	—	—	—	—	13
Итого	7	59	19	15	15	400	27	41	23	—	—	27	41	23	—	—	—	400

Продолжительность добрачного знакомства в зависимости от принадлежности брачующихся к различным социально-профессиональным группам (в % к числу опрошенных в городах)

Калуга Елец, Ефремов, Козельск

СПГ невесты

Сфера производства	Сфера производства, в т.ч. строительства и транспорта		Рабочие и служащие сферы обслуживания		Интеллигенция (рабочники науки, техники, врачи и учителя)		Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)		Всего	
	Рабочие основных сфер производства, в т.ч. строительства и транспорта	Рабочие и служащие сферы обслуживания	Рабочие и служащие сферы обслуживания	Интеллигенция (рабочники науки, техники, врачи и учителя)	Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	Всего	Рабочие основных сфер производства, в т.ч. строительства и транспорта	Рабочие и служащие сферы обслуживания	Интеллигенция (рабочники науки, техники, врачи и учителя)	Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)
Рабочие основных сфер производства, в т.ч. строительства и транспорта	1	3	2	1	7	4	1	1	1	8
	6	4	3	4	17	10	4	2	2	20
	9	2	4	1	16	5	1	1	1	14
Рабочие и служащие сферы обслуживания	1	1	4	5	18	9	1	1	1	15
	47	10	20	11	58	28	6	4	4	57
Рабочие и служащие сферы обслуживания	—	4	—	—	4	5	1	—	—	6
	—	2	—	—	2	2	—	—	—	2
Рабочие и служащие сферы обслуживания	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	6	—	—	6	7	1	—	—	10
Рабочие и служащие сферы обслуживания	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	5	1	—	1	7	3	—	—	1	1
Рабочие и служащие сферы обслуживания	1	—	—	—	2	1	—	—	—	3
	8	1	—	2	11	4	1	1	1	3
Рабочие и служащие сферы обслуживания	14	2	—	4	20	5	2	3	3	10
	—	—	—	—	—	3	—	—	—	3
Рабочие и служащие сферы обслуживания	2	—	—	—	2	3	—	—	—	5
	—	—	—	—	—	5	3	—	—	8
Рабочие и служащие сферы обслуживания	—	—	—	—	—	4	—	—	—	4
	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2
Рабочие и служащие сферы обслуживания	4	—	—	—	4	1	—	—	—	5
	—	—	—	—	—	5	3	—	—	8
Рабочие и служащие сферы обслуживания	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2
Рабочие и служащие сферы обслуживания	—	—	—	—	—	15	6	—	—	21
	37	18	30	15	100	55	15	9	9	140
Итого	37	18	30	15	100	55	15	9	9	140

Таблица 19

Продолжительность добрачного знакомства у брачующихся в зависимости от принадлежности к различным социально-профессиональным группам (% распределения по строке)

Продолжительность знакомства	Рабочие основных сфер производства, в т.ч. строительства и транспорта		Рабочие и служащие сферы обслуживания		Интеллигенция (работники науки, техники, культуры, врачи и учителя)		Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)		Итого	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
До 6 месяцев	44	11	28	61	6	17	22	11	100	100
От 6 месяцев до года	61	29	3	48	13	20	23	3	100	100
От года до двух лет	63	32	9	32	14	22	14	14	100	100
Два года и более	55	28	4	41	17	17	24	14	100	100

Таблица 20

Распределение брачующихся по времени приезда в город (% к общему числу опрошенных в городах)

	Мужчины	Женщины
Родились в изучаемых городах	31	31
Приехали в город за год до брака	20	19
Приехали в другое время	49	50

Таблица 21

Время приезда брачующихся в город и продолжительность добрачного знакомства (процентное распределение по столбцу)

Продолжительность знакомства	Родившиеся в изучаемых городах		Приехавшие в город за год до брака		Приехавшие в другое время	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
До 6 месяцев	19	19	20	16	16	18
От 6 месяцев до года	29	42	40	42	29	20
От года до двух лет	23	13	10	16	26	30
Два года и более	29	26	30	26	29	32
Всего	100	100	100	100	100	100

Таблица 22

Распределение брачных пар по времени приезда в город
(в % к общему числу опрошенных)

Женихи	Невесты			Итого
	Родились в изучаемых городах	Приехали за год до брака	Приехали в другое время	
Родились в изучаемых городах	9	5	17	31
Приехали в город за год до брака	7	3	10	20
Приехали в другое время	15	11	23	49
Итого	31	19	49	100

Таблица 23

Простое распределение брачных пар в зависимости от места знакомства
(в % к числу опрошенных в городах)

Места знакомств	Калуга	Елец, Ефремов, Козельск
В различных учебных заведениях	15	12
На работе	20	18
В местах общественного отдыха и культурно-массовых развлечений	44	58
В гостях (у родных, друзей, сослуживцев и т. д.)	21	12
Всего	100	100

Таблица 24

Места и продолжительность знакомства до брака (в % по строке)

Продолжительность знакомства	Калуга					Елец, Ефремов, Козельск				
	Места знакомств									
	В различных учебных заведениях	На работе	В местах общ. отдыха и культ-массов. развл.	В гостях (у родных, друзей, сослуживцев)	Итого	В различных учебных заведениях	На работе	В местах общ. отдыха и культ-массов. развл.	В гостях (у родных, друзей, сослуживцев)	Итого
До 6 месяцев	8	17	67	8	100	15	20	50	15	100
От 6 месяцев до года	13	13	39	35	100	25	16	46	13	100
От года до двух лет	15	30	30	25	100	5	18	68	9	100
Два года и более	19	21	49	11	100	—	19	69	12	100

Места знакомств и их зависимость от возрастной группы брачующихся (в % к общему числу опрошенных в городах)

Возраст женщин	Места знакомств	Калуга					Елец, Ефремов, Козельск						
		Возраст невесты					Возраст невесты						
		До 19	19—23	24—29	30 и выше	Всего	До 19	19—23	24—29	30 и выше	Всего		
До 19	В различных учебных заведениях	—	1	—	—	1	—	—	—	1	—	—	1
	На работе	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	В местах общественного отдыха и культурно-массовых развлечений	1	3	1	—	5	1	1	—	1	1	—	3
	В гостях (у родных, друзей, сослуживцев)	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
	Всего	1	4	2	—	7	1	3	1	1	—	—	5
19—23	В различных учебных заведениях	—	5	3	—	8	2	3	1	1	1	—	7
	На работе	1	2	2	—	5	1	3	3	—	—	—	7
	В местах общественного отдыха и культурно-массовых развлечений	5	14	7	2	28	10	17	4	3	3	—	34
	В гостях (у родных, друзей, сослуживцев)	—	—	1	—	1	2	1	1	1	1	—	5
	Всего	6	21	13	2	42	15	24	9	5	5	—	53
24—29	В различных учебных заведениях	—	5	—	—	5	1	2	—	—	—	—	3
	На работе	—	9	3	—	12	1	3	4	—	—	—	8
	В местах общественного отдыха и культурно-массовых развлечений	—	11	—	—	11	7	5	2	2	—	—	16
	В гостях (у родных, друзей, сослуживцев)	—	7	1	—	8	—	1	—	1	—	—	2
	Всего	—	32	4	—	36	9	11	6	3	—	—	29
30 и выше	В различных учебных заведениях	—	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	1
	На работе	—	1	—	2	3	—	2	2	—	—	—	2
	В местах общественного отдыха и культурно-массовых развлечений	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	В гостях (у родных, друзей, сослуживцев)	—	1	—	10	11	—	1	4	—	—	—	5
	Всего	—	2	—	13	15	2	3	7	1	—	—	15
Итого		7	59	19	15	100	27	41	23	9	—	—	100

Таблица 26

Места знакомств и возраст брачующихся (в %, распределение по столбцу)

Места знакомств	Калуга					Елец, Ефремов, Козельск						
						Возраст *						
	До 19	19—23	24—29	30 и выше	До 19	19—23	24—29	30 и выше	До 19	19—23	24—29	30 и выше
В различных учебных заведениях	14/—	49/19	14/16	7/7	20/11	13/15	10/9	8/11				
На работе	—/14	42/20	33/26	20/13	20/7	13/17	28/39	16/—				
В местах общественного отдыха и культурно-массовых развлечений	7/86	67/47	31/42	—/13	60/75	64/61	55/30	38/67				
В гостях (у родных, знакомых, со-служивцев)	14/—	2/14	22/16	73/67	—/7	10/7	7/22	38/22				

* Слева цифра — % для мужчин; справа цифра — % для женщин.

Таблица 27

Места знакомств и социально-профессиональная принадлежность брачующихся (% по столбцу)

	Калуга		Социально-профессиональная группа *					
	Рабочие ос-новных сфер производства, в т. ч. строи-тельства и транспорта	Рабочие и служащие сферы обслуживания	Интелигент-ция (работ-ники науки, техники, культуры, врачи и учи-теля)	Прочие лица, не занятые в общественном производстве)	Рабочие ос-новных сфер производства, в т. ч. строи-тельства и транспорта	Рабочие и служащие сферы обслуживания	Интелигент-ция (работ-ники науки, тех-ники, культу-ры, врачи и учителя)	Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)
В различных учеб-ных заведениях	10/22	—/11	45/14	—/7	11/—	10/11	30/20	9/33
На работе	16/19	—/17	5/30	63/7	24/43	20/13	—/13	9/—
В местах общест-венного отдыха и культурно-массо-вых развлечений	52/43	67/50	45/33	6/60	53/43	60/62	70/60	65/67
В гостях (у род-ных, знакомых, со-служивцев и т. д.)	22/16	33/22	5/23	31/26	12/14	10/14	—/7	17/—
Всего	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100

* Слева пифра — % для мужчин; справа пифра — % для женщин.

Таблица 29

Источники роста городского населения и социально-профессиональная принадлежность брачующихся
(% по строке)

	Калуга		Мужчины					
			Елец, Ефремов, Козельск		Всего		Всего	
	Родились и постоянно проживают в изучаемом городе	Из различных городов Советского Союза	Из сельских районов данной области и соседних областей	Из сельских районов других областей Советского Союза	Родились и постоянно проживают в изучаемых городах	Из различных городов Советского Союза	Из сельских районов данных областей и соседних областей	Из сельских районов других областей Советского Союза
СПГ								
Рабочие основных сфер производства	17	53	30	—	400	25	42	8
Рабочие строительства и транспорта	28	29	36	7	400	39	31	9
Рабочие и служащие сферы обслуживания	33	17	50	—	100	40	20	—
Интеллигенция (работники науки, техники, культуры, врачи и учителя)	55	25	20	—	100	20	20	—
Прочие (лица, не занятые в сфере общественного производства)	38	18	38	6	100	22	43	—

Таблица 28

Места знакомств и их зависимость от социально-профессиональной принадлежности вступающих в брак (в % к опрошенным) в городах

СПГ жениха	Места знакомств	Калуга	
		СПГ невесты	
		Рабочие основных сфер производства, в т. ч. строительства и транспорта	Рабочие и служащие сферы обслуживания
Работники основных сфер производства, в т. ч. строительства и транспорта	В различных учебных заведениях	—	1
	На работе	2	3
	В местах общественного отдыха и культурно-массовых развлечений	10	4
	В гостях (у родных, друзей, сослуживцев)	5	2
	Всего	17	10
Рабочие и служащие сферы обслуживания	В различных учебных заведениях	—	—
	На работе	—	—
	В местах общественного отдыха и культурно-массовых развлечений	—	4
	В гостях (у родных, друзей, сослуживцев)	—	2
	Всего	—	6
Интеллигенция (работники науки, техники, культуры, врачи и учителя)	В различных учебных заведениях	8	1
	На работе	—	—
	В местах общественного отдыха и культурно-массовых развлечений	6	1
	В гостях (у родных, друзей, сослуживцев)	—	—
	Всего	14	2
Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	В различных учебных заведениях	—	—
	На работе	5	—
	В местах общественного отдыха и культурно-массовых развлечений	—	—
	В гостях (у родных, друзей, сослуживцев)	1	—
	Всего	6	—
	Итого	37	18

Калуга			Елец, Ефремов, Козельск					
СПГ невесты								
Интеллигенция (работники науки, техники, культуры, врачи и учителя)	Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	Всего	Рабочие основных сфер производства, в т. ч. строительства и транспорта	Рабочие и служащие сферы обслуживания	Интеллигенция (работники науки, техники, культуры, врачи и учителя)	Прочие (лица не занятые в общественном производстве)	Всего	
4	1	6	—	4	1	1	6	
4	—	9	8	5	1	—	14	
9	7	30	8	15	4	3	30	
3	3	13	3	4	—	—	7	
20	11	58	19	28	6	4	57	
—	—	—	—	1	—	—	1	
—	—	—	1	1	—	—	2	
—	—	4	1	4	1	—	6	
—	—	2	—	1	—	—	1	
—	—	6	2	7	1	—	10	
—	—	9	—	1	1	1	3	
—	1	1	—	—	—	—	—	
—	2	9	—	4	1	2	7	
—	1	1	—	—	—	—	—	
—	4	20	—	5	2	3	10	
—	—	—	—	—	1	1	2	
5	—	10	—	1	1	—	2	
1	—	1	—	11	3	1	15	
4	—	5	—	3	1	—	4	
10	—	16	—	15	6	2	23	
30	15	100	21	55	15	9	100	

Источники роста городского населения и социально-профессиональная принадлежность брачующихся
(% по строке)

Слуг	Калуга				Елец, Ефремов, Козельск					
	Женщины									
	Родились и постоянно проживают в изучаемом городе	Из различных городов Советского Союза	Из сельских районов данной области и соседних областей	Из сельских районов других областей Советского Союза	Всего	Родились и постоянно проживают в изучаемых городах	Из различных городов Советского Союза	Из сельских районов данных областей и соседних областей	Из сельских районов других областей Советского Союза	
Рабочие основных сфер производства	32	46	31	21	100	36	21	43	—	100
Рабочие строительства и транспорта	22	22	56	—	100	14	57	29	—	100
Рабочие и служащие сферы обслуживания	39	41	28	22	100	34	31	33	2	100
Интеллигенция (работники науки, техники, культуры, врачи и учителя)	10	50	40	—	100	20	20	60	—	100
Прочие (лица, не занятые в сфере общественного производства)	13	7	73	7	100	56	33	11	—	100

Таблица 31

Распределение брачующихся — бывших сельских жителей — по времени их приезда в города (% по столбцу)

Время приезда	Приехали в города			
	Из сельских районов изучаемых соседних областей		Из сельских районов других областей Советского Союза	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
За год до брака	76	79	60	67
В другое время	24	21	40	33
Всего	100	100	100	100

Таблица 32

Социально-профессиональная принадлежность и время приезда брачующихся в города (% по столбцу)

СПГ	Калуга			Елец, Ефремов, Козельск		
	Мужчины					
	Родились и постоянно проживают в изучаемом городе	Приехали		Родились и постоянно проживают в изучаемых городах	Приехали	
за год до брака		в другое время	за год до брака		в другое время	
Рабочие основных сфер производства	16	22	41	20	18	29
Рабочие строительства и транспорта	25	64	20	43	50	19
Рабочие и служащие сферы обслуживания	6	7	5	13	9	8
Интеллигенция (работники науки, техники, культуры, врачи и учителя)	34	—	17	7	5	15
Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	19	7	17	17	18	29
Всего	100	100	100	100	100	100

Таблица 33

Социально-профессиональная принадлежность и время приезда брачующихся в города (% по столбцу)

СПГ	Калуга			Елец, Ефремов, Козельск		
	Родились и постоянно проживают в изучаемом городе	Приехали		Родились и постоянно проживают в изучаемом городе	Приехали	
		за год до брака	в другое время		за год до брака	в другое время
Рабочие основных сфер производства	27	8	18	15	9	16
Рабочие строительства и транспорта	18	33	15	3	23	3
Рабочие и служащие сферы обслуживания	32	42	9	58	50	56
Интеллигенция (работники науки, техники, культуры, врачи и учителя)	14	17	38	9	14	18
Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	9	—	20	15	4	7
Всего	100	100	100	100	100	100

Таблица 34

Распределение брачных пар в зависимости от предполагаемого места их проживания (% к числу опрошенных в городах)

Брачная пара предполагает поселиться	Калуга	Елец, Ефремов, Козельск
С родителями невесты	23	27
С родителями жениха	21	26
Отдельно от родственников	56	47
Всего	100	100

Таблица 35

Социально-профессиональная принадлежность невесты и предполагаемое место проживания брачной пары (% по строке)

СПГ невесты	Калуга		Елец, Ефремов, Козельск					
	Брачная пара предполагает поселиться							
	С родителями невесты	С родителями жениха	Отдельно	Всего				
Рабочие основных сфер производства, в т.ч. строительства и транспорта	18	41	44	100	19	33	48	100
Рабочие и служащие сферы обслуживания	47	41	72	100	36	20	44	100
Интеллигенция (работники науки, техники, культуры, врачи и учителя)	30	40	60	100	43	33	53	100
Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	26	7	67	100	41	33	55	100

Таблица 36

Социально-профессиональная принадлежность жениха и предполагаемое место проживания (% по строке)

СПГ жениха	Калуга		Елец, Ефремов, Козельск					
	Брачная пара предполагает поселиться							
	С родителями невесты	С родителями жениха	Отдельно	Всего				
Рабочие основных сфер производства, в т.ч. строительства и транспорта	31	21	48	100	23	31	46	100
Рабочие и служащие сферы обслуживания	17	—	83	100	30	20	50	100
Интеллигенция (работники науки, техники, культуры, врачи и учителя)	5	20	75	100	20	30	50	100
Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	19	31	50	100	39	13	48	100

Распределение брачных пар по социально-профессиональной принадлежности брачующихся и по предполагаемому месту проживания (в % к опрошенным) в городах

	Калуга		Елец, Ефремов, Козельск	
	СПГ невесты			
СПГ жениха	Брачная пара предполагает поселиться			
	Рабочие основных сфер производства, в т.ч. строительства и транспорта	Интеллектуальная (рабочники, техники, культиуры, врачи и учителя)	Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	Всего
	Рабочие и служащие сферы обслуживания	Интеллектуальная (рабочники, техники, культиуры, врачи и учителя)	Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	Всего
	Рабочие и служащие сферы обслуживания	Интеллектуальная (рабочники, техники, культиуры, врачи и учителя)	Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	Всего
Рабочие основных сфер производства, в т.ч. строительства и транспорта	5	7	4	18
	7	2	1	12
	5	41	6	28
Всего	17	20	11	58
Рабочие и служащие сферы обслуживания	—	—	—	—
	—	—	—	—
	—	—	—	—
Всего	—	—	—	—
Интеллектуальная (рабочники, техники, культиуры, врачи и учителя)	1	—	—	1
	4	—	—	4
	9	—	4	15
Всего	14	—	4	20
Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	1	2	—	3
	4	1	—	5
	1	7	—	8
Всего	6	10	—	16
Рабочие основных сфер производства, в т.ч. строительства и транспорта	9	1	—	13
	6	3	—	12
	43	2	2	26
Всего	28	6	4	57
Интеллектуальная (рабочники, техники, культиуры, врачи и учителя)	—	—	—	—
	—	—	—	—
	—	—	—	—
Всего	—	—	—	—
Прочие (лица, не занятые в общественном производстве)	1	1	—	2
	—	—	—	—
	—	—	—	—
Всего	1	1	—	2

Таблица 38

Предполагаемое место проживания брачной пары и характер бюджета
(% по строке)

Брачная пара предполагает поселиться	Калуга			Елец, Ефремов, Козельск		
	Бюджет с родственниками					
	Общий	Раздель- ный	Всего	Общий	Раздель- ный	Всего
С родителями невесты	65	35	100	67	33	100
С родителями жениха	33	67	100	42	58	100
Отдельно	—	100	100	—	100	100

Таблица 39

Желаемая форма брачного веселья (в % к общему числу опрошенных)

Свадьба	Вечеринка	Комсомольско-молодежная свадьба
69	30	1

Таблица 40

Где предполагают устроить праздничное веселье (в городе или селе)
(в % к общему числу опрошенных) в городах

Калуга			Всего	Елец, Ефремов, Козельск			Всего
В городе		В селе (по мест- ным обы- чаям)		В городе		В селе (по мест- ным обы- чаям)	
Так как нет родственни- ков в близле- жащих дерев- нях и селах	По другим причинам			Так как нет родственни- ков в близле- жащих дерев- нях и селах	По другим причинам		
58	22	20	100	38	27	35	100

Таблица 41

Простое распределение брачующихся в зависимости от места проведения ими свадебного застолья (% от числа опрошенных) в городах

Калуга					Елец, Ефремов, Козельск				
Свадебное застолье будет происходить									
В доме		В ресторане, кафе, столовой и т.д.	Еще где-либо (у родственников, друзей)	Всего	В доме		В ресторане, кафе, столовой и т.д.	Еще где-либо (у родственников, друзей)	Всего
жениха	невесты				жениха	невесты			
39	44	8	9	100	45	43	5	7	100

Таблица 42

Место проведения свадебного застолья и состав его участников (% от общего числа опрошенных по столбцу)

В свадебном застолье будут участвовать	Свадебное застолье будет происходить			
	В доме		В ресторане, кафе, столовой и т.д.	Еще где-либо (у родственников, друзей)
	жениха	невесты		
Только родители и ближайшие родственники	12	7	—	25
Родители, друзья, сослуживцы	4	2	67	12
Широкий круг родственников, друзей, сослуживцев, соседей и т.п.	84	91	33	63
Всего	100	100	100	100

Таблица 43

Форма проведения брачного праздника и состав его участников (в % к числу опрошенных)

В праздничном застолье будут участвовать	Форма проведения брачного праздника		
	Свадьба	Вечеринка	Комсомольско-молодежная свадьба
Только родители и ближайшие родственники	12	40	—
Родители, друзья, сослуживцы	5	60	100
Широкий круг родственников, друзей, сослуживцев, соседей и т.п.	83	—	—
Всего	100	100	100

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГО — Архив Русского географического общества
АИЭ — Архив Института этнографии
АРКМ — Архив Рязанского краеведческого музея
ВИ — Вопросы истории
ВФ — Вопросы философии
ГАКО — Государственный архив Калужской области
ГАТО — Государственный архив Тульской области
ЖМВД — Журнал министерства внутренних дел
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
ОИМГ — Общество по изучению Московской губернии
ОИРЭФИА — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.
СЭ — Советская этнография

Оглавление

К ЧИТАТЕЛЯМ	3
ВВЕДЕНИЕ	7
Глава I	
БРАК И СВАДЬБА ДО РЕВОЛЮЦИИ (конец XIX — начало XX в.)	16
Население городов. Его численность, источники пополнения, социальный состав	16
Заклучение брака	22
Предсвадебье	35
Свадьба	49
После свадьбы	60
Глава II	
БРАК И СВАДЬБА ГОРОЖАН В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (1920—1970-е годы)	79
Социальные основы развития семейно-брачных традиций после Великой Октябрьской социалистической революции	79
Заклучение брака	88
Современная свадебная обрядность	98
ЗАКЛУЧЕНИЕ	120
ПРИЛОЖЕНИЕ	124
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	149

ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА ЖИРНОВА

**БРАК И СВАДЬБА
РУССКИХ ГОРОЖАН
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ**

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор издательства С. Н. Романова
Художник И. Н. Чернышев
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректор Л. И. Кириллова

ИБ № 18268

Сдано в набор 14.12.79
Подписано к печати 11.03.80
Т-02557. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 9,5 Уч.-изд. л. 10,5
Тираж 19700 экз. Тип. зак. 2605
Цена 70 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» В 1981 г. ВЫЙДЕТ В СВЕТ:

Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. 16 л., 2 р. III кв.

В книге освещаются обряды как общественно-гражданского, так и лично-семейного циклов, рассказывается об истории их происхождения и возникающих новых обрядах, рассматриваются проблемы в регионально-этническом плане по отдельным республикам Советского Союза. В приложении даются методические материалы по отдельным обрядам, фото лучших образцов костюмов и обрядовой атрибутики.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

480091 АЛМА-АТА, УЛ. ФУРМАНОВА, 91/97;	199004 ЛЕНИНГРАД, В/О, 9 ЛИНИЯ, 16;
370005 БАКУ, УЛ. ДЖАПАРИДЗЕ, 13;	220072 МИНСК, ЛЕНИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 72;
320005 ДНЕПРОПЕТРОВСК, ПРОСПЕКТ ГАГАРИНА, 24;	103009 МОСКВА, УЛ. ГОРЬКОГО, 8;
734001 ДУШАНБЕ, ПРОСПЕКТ ЛЕНИНА, 95;	117312 МОСКВА, УЛ. ВАВИЛОВА, 55/7;
375009 ЕРЕВАН, УЛ. ТУМАНЯНА, 31;	630076 НОВОСИБИРСК, КРАСНЫЙ ПРОСПЕКТ, 51;
664033 ИРКУТСК, УЛ. ЛЕРМОНТОВА, 289;	630090 НОВОСИБИРСК, АКАДЕМГОРОДОК, МОРСКОЙ ПРОСПЕКТ, 22;
252030 КИЕВ, УЛ. ЛЕНИНА, 42;	142292 ПУЩИНО, МОСКОВСКАЯ ОБЛ., «АКАДЕМКНИГА»;
252142 КИЕВ, ПРОСПЕКТ ВЕРНАДСКОГО, 79;	620151 СВЕРДЛОВСК, УЛ. МАМИНА-СИБИРЯКА, 137;
252030 КИЕВ, УЛ. ПИРОГОВА, 4;	700029 ТАШКЕНТ, УЛ. ЛЕНИНА, 73;
277001 КИШИНЕВ, УЛ. ПИРОГОВА, 28;	700100 ТАШКЕНТ, УЛ. ШОТА РУСТАВЕЛИ, 43;
343900 КРАМАТОРСК, ДОНЕЦКАЯ ОБЛ., УЛ. МАРАТА, 1;	700187 ТАШКЕНТ, УЛ. ДРУЖБЫ НАРОДОВ, 6;
660049 КРАСНОЯРСК, ПРОСПЕКТ МИРА, 84;	634050 ТОМСК, НАБ. РЕКИ УШАЙКИ, 18;
443002 КУЙБЫШЕВ, ПРОСПЕКТ ЛЕНИНА, 2;	450059 УФА, УЛ. Р. ЗОРГЕ, 10;
192104 ЛЕНИНГРАД, Д-120, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСПЕКТ, 57;	720001 ФРУНЗЕ, БУЛЬВАР ДЗЕРЖИНСКОГО, 42;
199164 ЛЕНИНГРАД, ТАМОЖЕННЫЙ ПЕР., 2;	310003 ХАРЬКОВ, УФИМСКИЙ ПЕР., 4/6.